

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

10/2015

6+

ОПЯТЬ
КОНЕЦ
СВЕТА
?!
• •

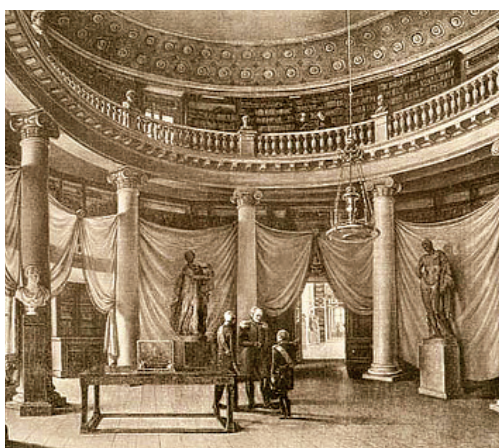

Холодная плазма пользуется все большим спросом в электротехнике, сельском хозяйстве, медицине. Так чем же она интересна?

Стр. **4**

Неужели мир доживает последние месяцы? В лучшем случае – последние годы? Напряженность ожиданий не спадает. Апокалиптическим сценариям посвящена Главная тема номера.

Стр. **16**

Как родилась первая российская публичная библиотека? Кому мы обязаны ее созданием?

Стр. **91**

В Третьем рейхе дети тоже любили читать книги, новенькие, красивые книжки с картинками. Заглянем в спецхран библиотеки и полистаем эти книжки!

Стр. **106**

ЗНАНИЕ СИЛА 10/2015

Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный журнал

Член Российского исторического общества

№ 10 (1060)
Издается с 1926 года

Зарегистрирован 20.04.2000 года
Регистрационный номер ПИ № 77 3228

Учредитель Т. А. Алексеева

Научный совет журнала:
Торкунов А. В. – академик РАН – *председатель*
Галимов Э. М. – академик РАН
Гусейнов А. А. – академик РАН
Зеленый Л. М. – академик РАН
Нигматулин Р. И. – академик РАН
Пивовар Е. И. – член-корр. РАН
Рубаков В. А. – академик РАН
Симония Н. А. – академик РАН
Тишков В. А. – академик РАН
Чубарьян А. О. – академик РАН
Шустов Б. М. – член-корр. РАН

Генеральный директор
АНО «Редакция журнала «Знание–сила»
И. Харичев

Главный редактор И. Вирко

Редакция:
О. Балла
И. Бейненсон (*ответственный секретарь*)
Г. Бельская
А. Волков
Б. Жуков
О. Корнеева
А. Леонович
И. Прусс

Заведующая редакцией Н. Шатина

Художественный редактор Л. Розанова

Компьютерная верстка Л. Розанова

Интернет- и мультимедиа проекты Н. Алексеева

Оформление Т. Иваншина

Корректор Н. Рожкова

Подписано к печати 09.09.2015. Формат 70 x 100 1/16.
Офсетная печать. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,93. Усл. кр.-отт. 31,95. Тираж 5000 экз.

Адрес редакции:
115114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение 6,
тел. (499)235-89-35, факс (499)235-02-52
тел. коммерческой службы (499)235-72-64
e-mail: zn-sila@ropnet.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru
Тел: 8(499)270-73-59
Зак.

© «Знание — сила», 2015 г.

«ЗНАНИЕ - СИЛА»
Журнал, который умные люди читают
уже 90-й год!

**Сегодня подписка,
а завтра**

- научные сенсации и открытия;
- лица современной науки;
- человек и его возможности;
- прошлое в зеркале современности;
- будущее стремительно меняющегося мира.

Интернет-версия —
www.znanie-sila.su

На сайте:

**лучшие публикации
за все годы;
о редакции;
стаффажи Виктора Бреля;
новости научной жизни;
архив номеров;
подписка;
электронная версия архива
и мультимедийная продукция.**

В течение 2015 года выпуск
издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

Сельские школы
Белгородской области получают журнал
благодаря финансовой поддержке
фонда «Поколение»

Цена свободная

**Вышедшие ранее номера журнала
«Знание–сила»
можно приобрести в редакции**

Подписка с любого номера

Подписные индексы в каталоге «Роспечать»:
70332 (индивидуальные подписчики)
73010 (предприятия и организации)

Подписка в Сети <http://pressa.ru>

Возможна подписка через терминалы QIWI
Продажа электронной версии: litres.ru

10/2015 В НОМЕРЕ

4 ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Александр Волков
**Горячий интерес
к холодной
плазме**

На первый взгляд, значение плазмы в земных условиях близко к нулю. Это — материя звездная, не земная. Тем не менее, плазма делает блестящую карьеру. Она пользуется все большим спросом в электротехнике, сельском хозяйстве, медицине. Речь идет об особой разновидности плазмы — о холодной плазме.

12 НОВОСТИ НАУКИ

14 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Михаил Вартбург
**На какой ниточке
висим...**

16 ГЛАВНАЯ ТЕМА

**Приручение
апокалипсиса**

19 *Александр Сосланд* **Покончим с концом света**

27 *Мария Ахметова* **Знаки Последних Времен**

35 *Александр Левинтов* **Концы с концами не сходятся**

38 *Ольга Балла* **Апокалипсис. Руководство к действию**

44 ВО ВСЁМ МИРЕ

46 ПОРТРЕТ НОМЕРА

Лев Краснопецев
Хранитель истории

53 РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ

Борис Жуков
**Тяжелые орудия
австралопитеков**

54 ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА

Марианна Сорвина
**Одинокий голос Клары
Иммервар**

62 «ЛИСА» В ГОСТЯХ У СКЕПТИКА

Жертвы аборта

66 РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Александр Горянин
**Легко ли стереть
стереотипы?**

71 БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ

73 УЧИТЕЛЯ ОБ УЧИТЕЛЯХ

Елена Вишленкова
Профессор Вульфсон

10/2015 В НОМЕРЕ

80 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Дмитрий Бавильский
**Пирожные
Мандельштама**

84 ЛЮДИ НАУКИ

Борис Жуков
Натуралист на пустыре

90 МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

91 ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ... «ПУБЛИЧКА»

Елена Съянова
**Читальная зала для лиц
без разбора**

98 РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Владимир Смолицкий
**И таракан на что-
нибудь полезен...**

99 ИЗОБРЕТАЯ БУДУЩЕЕ

Наталья Забелина
Заглянуть в XXII век

105 ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

106 СОСЕДИ ПО ПОЛКЕ

Александр Голяндин
**В лучах свастики,
в тени свастики**

Авторы школьных учебников и детских книг должны «воспитывать в подрастающем поколении стремление выполнить свой

воинский долг», должны «пробуждать в подростках боевой дух». Молодых людей следует «качественно готовить к обороне своей страны». Такой была детская литература Третьего рейха. Уроки Второй мировой войны напоминают, что многие из этих детей оказались хорошими учениками.

112 ВЕРНИСАЖ «З-С»

Елена Генерозова
**Banksy, P-183
и другие безымянные
герои (Лондон, Москва,
etc.)**

114 ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Питер Хизер
Исчезнувшая империя

Британский историк Питер Хизер в своей книге «Падение Римской империи» резко критикует традиционный взгляд на Поздний Рим как на эпоху разложения общества и упадка нравов. Хизер вовсе не считает, что Рим был обречен погибнуть, что это был «перезревший плод, готовый вот-вот упасть». Главное место в его книге занимает внешняя катастрофа...

125 AD MEMORIAM

**То, что не успели
сказать...**

126 КАЛЕНДАРЬ «З-С»: ОКТЯБРЬ

128 МОЗАИКА

Александр Волков

Горячий интерес к холодной плазме

С агрегатными состояниями вещества мы знакомимся в школе: твердое, жидкое, газообразное. И есть еще одно, четвертое, — о нём в мои школьные годы, в конце 1970-х, уже начали говорить на уроках физики: плазма. Вещество в этой своей — звездной — ипостаси состоит из свободных носителей заряда: электронов и ионов. Впервые плазму описал в 1879 году английский физик и химик Уильям Крукс, назвав ее «*radiant matter*», «излучающей материей».

В окружающем нас космосе до 99% всего видимого вещества пребывает в состоянии плазмы. Из нагретой до многих миллионов градусов плазмы образованы огоньки звезд. Другая, менее известная — холодная — плазма за-

полняет межзвездное пространство. Если в космосе почти сто процентов плазмы, то на Земле — тут картина обратная, тут даже не 1/99. На нашей планете плазма встречается в уничтожительно малом количестве. Если не считать искусственно созданной плазмы, ее можно обнаружить разве что во всполохах полярного сияния, а еще в ослепительных факелах молний.

Обычно плазма возникает при очень высоких температурах, когда энергия газа настолько велика, что электроны вырываются из атомов и молекул, оставляя после себя ионы. Особенность холодной плазмы в том, что она образуется, когда энергии, полученной газом, достаточно, чтобы электроны пришли в движение и их температура

заметно возросла, но этой энергии слишком мало, чтобы еще разогрелись и ионы. Внутри холодной плазмы перепад температур поразительно велик: отдельные электроны могут быть разогреты до нескольких тысяч градусов, в то время как температура всей струи плазмы не превышает комнатную.

На первый взгляд, значение плазмы в земных условиях близко к нулю. Это — материя звездная, не земная. Тем не менее, плазма делает блестящую карьеру. Причем в этих заметках мы будем говорить о холодной плазме, которая пользуется всё большим спросом в электротехнике, сельском хозяйстве, медицине.

Так что же такое эта холодная плазма, так заинтересовавшая ученых, которые работают в самых разных областях? Это — газообразная смесь, состоящая из ионов и электронов. Ионы, где бы они ни возникали, примечательны тем, что они — эти молекулы, например, лишившиеся одного или нескольких электронов, — начинают активно воздействовать на другие, соседние с ними молекулы, атакуют их; те превращаются в ионы; идет перетекание зарядов; возникают всё новые электроны. Эти чрезвычайно активные ионы и электроны придают плазме особые свойства. Какие?

Многие из нас впервые заговорили о холодной плазме полтора десятилетия назад, когда в магазинах появились первые плазменные телевизоры (панели). Их принцип работы основан на свечении люминофорного слоя под действием ультрафиолетовых лучей, возникающих при электрическом разряде в ионизованном газе, то есть в холодной плазме. Плазменные телевизоры отличали естественные цвета, очень высокая контрастность, отчетливая четкость передачи движений и, наконец, возможность смотреть на экран, сидя сбоку от телевизора, — смотреть и хорошо видеть всё, что на экране происходит.

Есть немало других, менее броских вариантов промышленного применения холодной плазмы. Она используется, например, при изготовлении полупроводников. Ею обраба-

Уильям Крукс

тывают поверхности изделий из металла или керамики, а также полимерные материалы, прежде чем нанести на них покрытие.

Свои надежды на холодную плазму возлагают экологи — те, кто борется с последствиями промышленного производства. Как выяснилось, с ее помощью можно очищать сточные воды, загрязненные веществами, которые с трудом удается обезвредить другими методами. Ведь холодная плазма содержит свободные радикалы — очень агрессивные ионы кислорода и азота, которые легко вступают в реакцию с вредными веществами, растворенными в воде. Они нейтрализуют даже такие опасные соединения, как цианиды — соли цианистоводородной (синильной) кислоты, используемые в гальванопластике.

В рамках проекта Европейского Союза недавно был разработан плазменный реактор для очистки промышленных стоков. Во время его тестирования всего лишь за полтора часа удалось почти полностью очистить от цианидов воду, в которой концентрация этих соединений перед началом опыта превышала 90%.

В последние годы холодной плазмой заинтересовались не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Установлено, что, если обработать ею семена, то растения, проклюнувшиеся из них, быстрее растут и приносят высокий урожай. Об этом сообщили со страниц журнала *Nature* китайские исследователи из Нанкинского института наук о почве. Как подчеркивают авторы статьи, «*обработка семян холодной плазмой — это быстрый, экономичный и безвредный метод, позволяющий*

Plasma-Pen

Применение
холодной плазмы
для лечения зубов

улучшить всхожесть растений и повысить их урожайность».

Свой вывод они сделали по результатам опытов с пшеницей и соей. У соевых бобов есть одна неприятная особенность: у них слишком плотная семенная оболочка. Зачастую она оказывается почти непроницаемой для воды. Бобы становятся «твердокаменными». По этой причине соя прорастает медленно. Но после обработки холодной плазмой оболочка, покрывающая бобы, пропускает воду и питательные вещества. Всхожесть семян улучшается, а это самый верный способ повысить урожайность культуры.

Другие исследовательские группы пришли к схожим результатам, проводя опыты с рисом, баклажанами, томатами, маком. Всё это обнадеживает. Ведь проблема голода в странах третьего мира до сих пор не решена. Повышение урожайности — еще один небольшой шаг к победе над голодом!

Подводя итоги, можно сказать следующее. Во всем мире ученые ищут способы ускорить рост культурных растений. Похоже, что обработка семян холодной плазмой оказывается действеннее, чем используемые сегодня методы. Однако пока еще трудно оценивать истинные возможности новой технологии. Исследования, по сути, только начинаются.

Очень перспективно применение холодной плазмы в медицине. Для

медиков она интересна тем, что очень полезна в борьбе с различными возбудителями заболеваний. Она уничтожает разросшиеся колонии бактерий и ускоряет заживление хронических ран, дезинфицируя их. Для этого струю теплого воздуха (около 35°C), содержащую ионизированный газ, направляют на поврежденный участок кожи пациента. Вся «операция» занимает несколько минут. Она абсолютно безболезненна.

Уже сейчас раны можно обрабатывать холодной плазмой с помощью *Plasma-Pen* — небольших переносных приборов размером с авторучку. Со временем они появятся в наших домашних аптеках. Действуют они так. Прибор генерирует электрические разряды. В результате расщепляются молекулы азота и кислорода. Начинаются многочисленные химические реакции, возникает в том числе перекись водорода, убивающая микробы, а также образуются свободные радикалы, которые опять же смертельно опасны для них. Пациент же лишь чувствует, что рану обволакивает какая-то теплая пелена.

Кроме того, плазма стимулирует рост тканей, и потому раны быстрее обычного затягиваются. Здесь опять важную роль играют свободные радикалы.

Клинические исследования доказали пользу подобной терапии. В 2013 году в университетской клинике Регенсбурга подвели итоги исследования, в котором участвовали 3000 пациентов. Их лечили холодной плазмой. В среднем раны заживали на 30% быстрее, чем у больных из контрольной группы.

Плазма проникает в мельчайшие трещинки в тканях и стерилизует их. Она помогает даже в борьбе с бактериями, которые не берет ни один антибиотик (о мультирезистентных бактериях см. «3—С», 12/13). Ученым пока неизвестны случаи, чтобы вывелся хотя бы один штамм бактерий, способных выжить в холодной плазме. По-видимому, содержащиеся в ней свободные радикалы разрушают стенки клеток микроорганизмов, а, кроме того, нарушают обмен веществ у бактерий, тем и другим доводя их до смерти. Между тем, в последние годы госпитальные инфекции, вызываемые бактериями, стойкими к антибиотикам, превратились в серьезную проблему. Многие пациенты больниц страдают от них. Сотни тысяч людей во всем мире ежегодно гибнут, поскольку антибиотики бессильны им помочь.

Плазма лечит заболевания кожи и различные воспаления. Она помогает в борьбе с грибковыми заболеваниями. При обработке ею ног, пораженных грибок, не нужно даже снимать носки — плазма заодно дезинфицирует и их. Весь процесс длится лишь на секунды дольше.

В проводимом сейчас в Германии проекте *PlasmaDent* изучают возможности применения холодной плазмы для лечения зубов. Стоматологи надеются с ее помощью бороться с кариесом.

Во всех перечисленных нами случаях точный механизм действия холодной плазмы всё еще не вполне ясен. Одни исследователи предполагают, что ультрафиолетовое излучение, исходящее от плазмы, повреждает генетический материал бактерий. Другие говорят о растрескивании клеточных мембран. Третьи обращают внимание на то, что свободные радикалы вступа-

ют в реакцию с веществами, окружающими бактерии. Продукты таких реакций могут быть очень опасны для микробов. Например, если радикалы, образовавшиеся из монооксида азота, реагируют с водой, то продуктом реакции является азотная кислота. Многие бактерии, оказавшись в такой среде, как кислота, быстро гибнут.

Свободные радикалы и ультрафиолет в больших дозах губительны и для клеток нашего организма. Ученым потребовались годы работы, чтобы убедиться в том, что предлагаемая технология не опасна для пациентов. В течение долгого времени в различных лабораториях изучалось, какое действие холодная плазма оказывает на образцы клеток и тканей человека. Так было установлено, при каких параметрах она безвредна для нас.

По мнению специалистов, плазменная медицина сейчас находится на той же стадии развития, что и лазерная медицина в 1980-е годы. Тогда в ее действенности тоже сомневались многие врачи старой школы. Лишь когда повседневная практика показала, насколько эффективен лазер в руках врача, он стал таким же важным инструментом медиков, как скальпель. Похоже, потенциал плазменной медицины столь же велик, как и медицины лазерной.

Пока плазма применяется в основном лишь при проведении клинических исследований и различных экспериментов. Результаты этих испытаний обнадеживают, но новая терапия еще не стала проверенной практикой. Можно лишь предполагать, что лечение холодной плазмой получит широкое распространение уже в ближайшие годы.

У плазменной терапии есть перспективы и в онкологии. В опытах с животными ученые убедились, что некоторые опухоли уменьшаются в размерах или хотя бы перестают расти, если их обработать холодной плазмой. Однако точного объяснения этому нет. Предположительно, под действием холодной плазмы у клеток опухоли включается механизм запрограммированной смерти

(апоптоз), вызывающий их гибель. Отмершие клетки опухоли заменяются безобидной соединительной тканью. Может быть, со временем у медиков появится в борьбе с опухолями новое действенное оружие?

Впрочем, ученым еще нужно досконально понять, каким образом холодная плазма действует на клеточном уровне. Нужно выяснить, какие виды плазмы наиболее эффективны в тех или иных условиях. Определить химический состав целебной плазмы. Вопросы следуют за вопросами, и, не получив на них точного ответа, нельзя испытывать на пациентах многообещающие, но рискованные методы лечения.

Между тем, исследователи из Национального центра плазменной медицины, основанного в 2013 году в Берлине, сообщили, что с помощью холодной плазмы в лабораторных условиях удалось остановить рост клеток глиобластомы. Из этих клеток формируется одна из самых распространенных и очень агрессивных опухолей головного мозга (несколько месяцев назад от этой опухоли умерла певица Жанна Фриске).

До сих пор неизвестно, что вызывает эту форму рака — ученые сумели лишь идентифицировать пару редких генетических факторов, которые могут стать причиной недуга. Стандартное лечение сводится к удалению опухоли хирургическим путем, а затем курсам лучевой терапии и химиотерапии. Но даже, если рост опухоли удается поначалу сдерживать, высока вероятность, что она вновь начнет разрастаться. Ведь она содержит клетки, на которые химиотерапия действия не оказывает — те неуязвимы для нее.

В упомянутом эксперименте ученые выращивали клетки глиобластомы, а затем пробовали уничтожать их разными средствами. Оказалось, что холодная плазма подавляет рост не только обычных раковых клеток, но и наиболее стойких клеток, которых не берет никакое другое лечение.

По-видимому, самым успешным методом борьбы с этой агрессивной опухолью будет комбинированная терапия, включающая применение холод-

ной плазмы и «химию», причем последняя будет щадящей, объем химических препаратов можно заметно снизить. Однако до того, как эта терапия станет общепринятым способом лечения, нужно сделать очень многое.

Под действием холодной плазмы гибнут и прионы. В этом убедились участники европейского проекта *Biodecon (Decontamination of biological systems using plasma discharges)*. Прионы — это белковые соединения, которые встречаются в нервной ткани животных. Дефектные, имеющие неправильную конфигурацию прионы, если таковые появятся, постепенно вытесняют здоровые прионы, что может быть губительно для организма. К прионам относится и возбудитель коровьего бешенства, вспышка которого в Великобритании в середине 1990-х годов пробудила панические настроения. Причиной смертельного заболевания был кулинарный конфуз: пострадавшие ели плохо прожаренное или проваренное мясо.

Коварство дефектных, то есть опасных, прионов в том, что они очень стойкие. Обычные меры дезинфекции не всегда помогают в борьбе с ними. Однако в рамках проекта *Biodecon* выяснилось, что даже самые неподдающиеся медикам прионы не выдерживают короткого «душа» из холодной плазмы. Как сообщили исследователи, «после десятиминутной обработки исчез специфический маркер, который присутствует в инфицированной ткани и считается индикатором прионной инфекции». Как результат, был разработан промышленный метод стерилизации медицинских инструментов с помощью низкотемпературной плазмы. Уже сегодня этот метод применяется во многих клиниках Европы.

Холодную плазму, вообще, очень удобно использовать для дезинфекции медицинских инструментов. Зачастую те имеют сложную поверхность, например, зубуринки, желобки, отверстия, которые трудно очистить обычными средствами. Нередко инструменты чувствительны к высокой температуре, их нельзя кипятить.

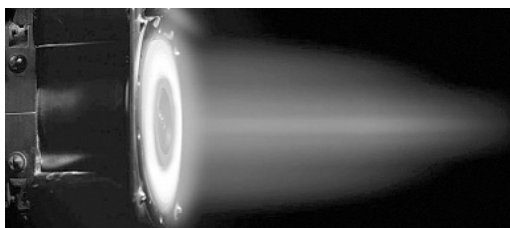
Дезинфекция медицинских инструментов

В таком случае их обычно очищают с помощью химикатов. Но это проблематично: химикаты могут постепенно разъесть поверхность прибора; к тому же теперь надо очищать инструменты от самих химикатов, чтобы не навредить пациентам. С плазмой та-

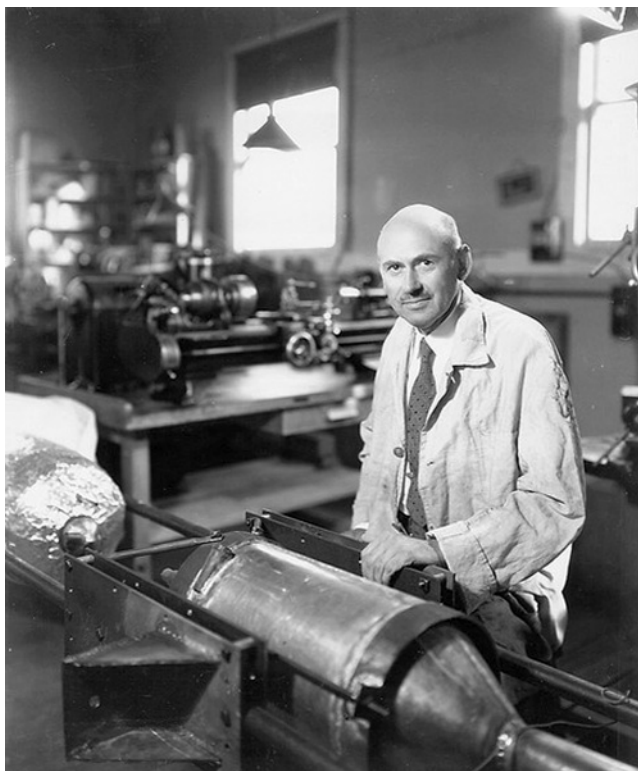
ких проблем нет: она за считанные минуты убивает всех возбудителей заболеваний, которые осели на поверхности инструментов. Ею также можно обрабатывать искусственные суставы бедра и имплантанты зубов.

Методом плазменной стерилизации интересуются и крупные производители продовольственных товаров. Ведь теперь появилась возможность стерилизовать свежие, чувствительные к высокой температуре продукты так, чтобы не страдало их качество. Это важно, потому, что случаи пищевых отравлений повторяются во всём мире с пугающей частотой.

Однако новая технология пока только зарождается. Ученым предстоит от-

Плазменный двигатель нового поколения

Роберт Годдард за работой

ветить на ряд важных вопросов. Влияет ли обработка плазмой на химический состав продуктов? И, следовательно, на здоровье людей? Гибнут ли при обработке все опасные возбудители заболеваний? Можно ли рассчитывать на то, что этот метод утвердится на практике? В ближайшие годы ответы, очевидно, будут получены.

В космонавтике, где перспективы использования холодной плазмы тоже очень велики, опять же всё только начинается.

И ведь идея плазменного (ионного) двигателя далеко не нова! Почти сто лет назад ее предложил американский ученый Роберт Годдард. Однако всерьез разработкой этих двигателей занялись лишь после войны. Их принцип действия основан на ионизации газа, то есть превращении его в плазму. Затем под действием электростатического поля ионы разгоняются до очень высоких скоростей.

Преимущества ионных двигателей вот в чём. Масса топлива на борту космического аппарата ограничена. Значит, имеющееся топливо нужно использовать как можно эффективнее. Например, вместо того, чтобы увеличивать его расход, стремясь повысить скорость ракеты, разумнее увеличить скорость выброса топлива. В ионных двигателях уже сейчас ионы можно разогнать до скорости свыше 200 километров в секунду. Для сравнения, в обычных ракетных двигателях скорость выброса газов составляет порядка 3–4,5 километров в секунду, да и то максимального показателя удастся достичь лишь на несколько минут. А вот ионные двигатели могут ускорять движение космического корабля годами, разгоняя его до очень высокой скорости. Разумеется, для этого нужно, чтобы к плазме постоянно притекала энергия, например, вырабатываемая с помощью солнечных батарей.

Итак, ионные двигатели потребляют мало топлива, и при этом срок их службы очень велик. Однако есть у них важный недостаток, иначе бы они использовались повсеместно. Аппарат, оснащенный ионными двигателя-

ми, необычайно медленно разгоняется. В Интернете популярна шутка о том, что такой аппарат можно сравнить с автомобилем, которому для того, чтобы разогнаться до 100 километров в час, требуется пара суток.

Все эти плюсы и минусы, скрупулезно подсчитанные конструкторами, заставляли их неизменно отдавать предпочтение традиционным двигателям. Лишь в последние два десятилетия в космос стали регулярно отправляться зонды, оборудованные ионными двигателями. Так, в 1998 году был запущен американский зонд *Deep Space 1*. В 2003 году к астероиду Итокава отправился японский зонд «Хаябуса». В том же году стартовал и европейский зонд «Смарт-1». На протяжении полугода, в 2005–2006 годах, он оставался искусственным спутником Луны. В 2007 году к астероидам, образующим пояс по ту сторону орбиты Марса, отправился американский зонд *Dawn*, оборудованный тремя ионными двигателями. С июля 2011 года он в течение 14 месяцев кружил близ астероида Веста (см. «З-С», 7/13), а теперь, весной этого года, достиг другого крупного астероида – Цереры.

Специалисты Европейского космического агентства (*EKA*) разрабатывают сейчас микроионные двигатели (опытные образцы, готовые к испытаниям, должны появиться в этом году). Точность управления аппаратом, оснащенным такими двигателями, еще выше, чем прежде. Как ожидается, этими двигателями будут оборудованы три зонда, которые примут участие в европейском проекте *eLISA (evolved Laser Interferometer Space Antenna)*. Расположившись в виде треугольника на околоземной орбите, они будут улавливать гравитационные волны, испускаемые черными дырами, и, может быть, гравитационные волны, возникшие в момент Большого Взрыва. О распространении этих гипотетических волн, предсказанных теорией относительности Альберта Эйнштейна, ученые будут судить по крохотным изменениям расстояния,

разделяющего зонды. До сих пор эти волны, эта незримая рябь Вселенной, оставались неуловимыми. Даже в тех случаях, когда их вроде бы обнаруживали, окончательно подтвердить это открытие не удавалось. Может быть, в новом проекте *ЕКА* это, наконец, произойдет. Ведь погрешность измерения здесь будет чрезвычайно мала. С помощью микроионных двигателей можно задавать положение зондов, находящихся за миллион километров от Земли, с точностью до миллиметра. Впрочем, этот честолюбивый проект стартует не скоро: самое раннее, в 2034 году.

В любом случае, межпланетная космонавтика, пожалуй, будет невозможна без использования ионных двигателей. Об этом не устают повторять и ученые, и писатели-фантасты.

Конечно, пройдет немало лет, прежде чем аппараты, оснащенные такими двигателями, помчат людей в космическую даль. Эта даль от планеты до планеты заполнена холодной плазмой. Космонавты встретятся с ней почти сразу, едва оторвавшись от Земли. Об этом свидетельствует открытие, сделанное в конце прошлого года.

Оказалось, что нашу планету окружает еще одна неизвестная прежде оболочка. Она, словно незримая стена, защищает нас от множества опасных частиц — электронов, летящих из космоса и разгоняющихся почти до световой скорости. Их кинетическая энергия так велика (около 5 мегаэлектронвольт!), что они пролетают сквозь всё, что встречается им на пути. Сверхбыстрые электроны могут вывести из строя, например, оборудование спутников, но до Земли они не долетают. Считалось, что они постепенно теряют свою энергию и замедляют движение, минуя внешний пояс Ван-Аллена, а потом поглощаются атмосферой (нашу планету окружают два радиационных пояса, или пояса Ван-Аллена: внутренний располагается на расстоянии 3–6 тысяч километров от Земли и состоит, главным образом, из протонов, а внешний пояс — на расстоянии 12–25 тысяч километров от Земли и состоит из электронов).

Однако, анализируя данные, присылаемые зондами, астроном Дэниел Бейкер из Колорадского университета обнаружил, что на расстоянии в 11 тысяч километров от Земли область распространения сверхбыстрых электронов внезапно обрывается. *«Они словно с разлета натываются на стеклянную стену, воздвигнутую посреди космоса, — в таких выражениях Бейкер описал замеченный феномен. — Это напоминает защитный экран, которым герои «Звездных войн» отражали удары вражеского оружия. Здесь же этот защитный экран отражал электроны».*

Состоит эта незримая стена в основном из холодной плазмы. Плазмосфера начинается на расстоянии примерно 900 километров от Земли и простирается на тысячи километров вглубь космоса вплоть до внешнего пояса Ван-Аллена. На окраине этой зоны возникают низкочастотные электромагнитные волны — так называемый шум плазмосферы. Этот «шум» меняет траекторию сверхбыстрых электронов и отклоняет их в сторону. Они сталкиваются с нейтральными атомами, снующими здесь, и поглощаются ими. Эта незримая преграда настолько прочна, что электроны не могут миновать ее.

Когда-нибудь сквозь эту пелену плазмы полетят новейшие межпланетные корабли и звездолеты. Они будут мчаться со скоростью, которая лишь в 3–4 раза ниже световой. Ведь ионные (плазменные) двигатели способны разогнать космический аппарат до скоростей, недоступных никаким другим существующим видам двигателей. В фантастических романах и фильмах они мельтешат, как автомобили на наших дорогах.

Сбудутся ли эти мечты? Изучение плазмы, по сути, лишь начинается. Во времена Кулона и Кавендиша, только начинавших опыты с электричеством, никто и не мог себе представить, что значит «жить в век электричества».

Так каких еще даров нам ждать от четвертого, неизвестного прежде состояния вещества?

Негравитационное взаимодействие темной материи

Группа астрономов и астрофизиков из Швейцарии и Великобритании с помощью VLT – «Очень большого телескопа» Европейской южной обсерватории в Чили – изучила столкновения галактик и впервые нашла следы негравитационного взаимодействия ступков темной материи. Исследовалось столкновение четырех галактик, расположенных в скоплении Abell 3827 на расстоянии 1,3 миллиарда световых лет от Земли в созвездии Индейца. Ученым удалось определить распределение массы в них и сравнить его с распределением излучающей материи и установить, что один из ступков темной материи в своем движении отстал от расположенной ранее рядом галактики на 5 тысяч световых лет. Наблюдаемое отставание обусловлено негравитационным взаимодействием темной материи самой с собой.

Ранее та же группа уже сообщала о крайне слабом взаимодействии темной материи самой с собой. Однако в предыдущих исследованиях ученые рассматривали столкновения скоплений галактик, тогда как в новой работе они изучают взаимодействия отдельных галактик.

Как отмечают авторы исследования, их новые и предыдущие результаты позволяют наложить верхние и нижние, соответственно, астрономические ограничения на параметры взаимодействия ступков темной материи. Однако они не исключают того, что наблюдаемое ранее ими столкновение произошло слишком быстро, чтобы темная материя успела взаимодействовать сама с собой.

Статья напечатана в журнале Monthly Notices of the Royal Astronomical Society.

Самая далекая галактика

Ученые открыли самую далекую от нас галактику EGS-zs8-1. Она расположена на расстоянии 13 миллиардов световых лет от Земли и является одним из самых ярких и массивных объектов в ранней Вселенной.

Масса галактики составляет 15% от массы Млечного Пути, а возникла она всего

через 670 миллионов лет после рождения Вселенной. Звезды в ней образуются в 80 раз быстрее, чем в нашей Галактике. Открытая галактика существовала в то время, когда водород во Вселенной начал ионизироваться. По мнению ученых, решающее значение для этого имели молодые звезды таких систем, как EGS-zs8-1.

Галактика обнаружена в ходе наблюдений космическими телескопами Hubble и Spitzer, а ее точное расстояние до Земли удалось рассчитать при помощи инструмента MOSFIRE Обсерватории Кека на Гавайях.

Результаты исследования опубликованы в Astrophysical Journal Letters.

Астрономы нашли необычную галактику

Австралийские астрономы обнаружили необычную радиогалактику NGC1434, расположенную на сравнительно близком к Земле расстоянии – около 250 миллионов световых лет. Красное смещение галактики составляет 0,0178, а размеры сравнительно велики. Она находится рядом с Млечным Путем и тоже является спиральной галактикой.

Открывшие ее астрономы полагают, что она не сталкивалась с другими галактиками и сохранила в себе особенности, свойственные ей изначально. По оценкам ученых, NGC1434 могла сформироваться в течение примерно миллиарда лет после Большого взрыва – это одна из самых старых галактик.

В обнаруженной радиогалактике все еще активны процессы звездообразования. Кроме того, сверхмассивная черная дыра в центре галактики никак себя не обнаруживает, хотя из центра галактики по-прежнему испускаются джеты.

Информация на ресурсе Sciencewa.net.au.

Мамонтов съели?

Вся жизнь охотников-собирателей Европы, представителей граветтской культуры, была связана с мамонтами. К такому выводу пришли польские археологи,

которые изучили пять стоянок первобытных людей на территории Польши и Чехии, датированных 28–18-м тысячелетиями до нашей эры. Стоит напомнить, что гравецкая культура относится к позднему палеолиту и по своим орудиям принадлежит к поздней перигорской культуре. Характерны острия из пластин с притупленными краями, тупыми и прямыми на другой стороне. Изготовлялись статуэтки палеолитических Венер.

Как установили ученые, древние люди убивали гигантских животных десятками: мясо съедали, кости бросали в костры и строили из них шалаши, а из бивней изготавливали орудия и украшения. Выяснилось, что мамонтам принадлежит от 5 до 18,2% всех костей животных на стоянках. В некоторых местах присутствуют останки нескольких десятков мамонтов, тогда как других травоядных там было не более двух.

На многих костях нашли следы порезов и ударов, нанесенных, когда с животных снимали шкуру и разделявали. На всех стоянках ученые обнаружили амулеты, кольца и лопатки, изготовленные из костей или бивней мамонтов. В Павлове (Чехия) нашли отполированный бивень, а на других стоянках – статуэтки из «слоновой» кости.

Соотношение изотопов углерода в останках людей гравецкой культуры подтверждает тот факт, что мясо мамонтов составляло основную часть их рациона.

Спор о причинах вымирания мамонтов продолжается и сейчас: далеко не все ученые уверены, что главную роль в этом процессе сыграли первобытные люди. Однако авторы нового исследования убеждены в истинности этого суждения. Как отмечает участник исследования доктор Пётр Войталь, кроманьонцы специализировались на охоте на мамонтов. Они хотели получить максимум мяса и как можно скорее.

Статья опубликована в журнале Quaternary International.

Кто кого приручил в далеком прошлом?

Эфиопские волки, обитающие на альпийских лугах восточной Африки, каким-то образом завоевали доверие обезьян-ге-

лад. Приматы не боятся хищников и подпускают их в середину стаи, а волки не хватают детенышей гелад.

За волками и геладками следил на эфиопском плато Гуасса американский приматолог Вивек Венкатараман. Хотя волки часто пожирают ягнят и козлят (размером с геладой), они обычно не нападают на обезьян – те это знают и не убегают от хищников. Зато при виде диких собак геладки, напротив, немедленно взбираются в поисках укрытия на скалы. Волки же стараются вести себя так, чтобы не испугать приматов: вместо привычного для них зигзагообразного бега они ходят медленно и спокойно, даже при охоте на грызунов, являющихся основным источником их пищи.

Венкатараман обратил внимание, что волки обычно присутствуют среди гелад в середине дня, когда грызуны проявляют наибольшую активность. Подсчитав все случаи охоты за 17 дней, приматолог обнаружил, что среди гелад волкам удается поймать землекоповых, крыс и мышшей в 67% попыток, а при одиночной охоте – только в 25%.

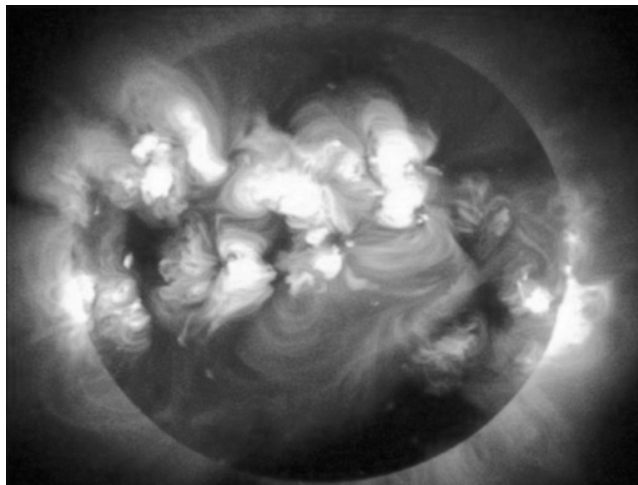
Не совсем понятно, как именно присутствие гелад помогает хищникам охотиться. Возможно, пасущиеся на лугах обезьяны выманивают грызунов из их нор и высокой травы. Или же геладки, по размеру и окраске мало чем отличающиеся от волков, пугают грызунов и позволяют хищникам подкрасться незаметно. Так или иначе, преимущества от соседства с обезьянами настолько важны для волков, что те почти никогда не пытаются схватить их детенышей – такое поведение Венкатараман наблюдал единственный раз: другие геладки окружили нарушителя, заставили его бросить добычу и навсегда прогнали с территории группы.

Умение эфиопских волков добиться доверия обезьян, по мнению ученого, может пролить свет на древнейшие механизмы одомашнивания собаки. Вполне возможно, что инициатива в этом процессе исходила не от людей, а от волков – как на эфиопском плато.

Об исследовании рассказывает New Scientist.

Михаил Вартбург

На какой ниточке **В И С И М . . .**

Просматривая недавно в очередной раз сайт «Мадан» (<http://madan.org.il/>), поддерживаемый группой русскоязычных ученых в Израиле, автор наткнулся на пересказ недавней статьи ученых из Оксфорда (Великобритания), в которой оцениваются вероятности «конца света» (то есть гибели человечества) в ближайшие 100 лет от разного рода причин. В числе 12-ти причин, перечисляемых авторами, 10 составляют причины «наземные», вроде глобального потепления на шесть и более градусов, всякого рода пандемии, «взбесившиеся» технологии и тому подобное; из разряда «космических» названа только одна возможность — столкновением Земли с особенно крупным метеоритом (вероятность такого события в ближайшие 100 лет составляет, по оценке авторов, 0,00013%).

Но в этом оксфордском «списке ужасов» есть еще один, 12-й пункт: «Непредвиденные возможности». Этого рода неприятностям в совокупности отводится самая большая вероятность из всех — 0,1%. И поскольку авторы не конкретизируют содержание этого

пункта, оставляя его открытым, можно предложить на вакантное место событие малоизвестное, но тоже могущее, на наш взгляд, привести к концу света, причем весьма в духе нашего времени. Если кто помнит, у Станислава Лема была повесть «Дневник, найденный в ванне», во вступлении к которой рассказывалось о катастрофе, покончившей с миром, где вся информация хранилась на бумаге. Так вот, нечто подобное может произвестись на нынешней Земле повторение того, что получило в науке несколько загадочное название «AD775 cosmic event», иными словами — «космическое событие 775 года новой эры».

Это событие малоизвестно, в частности, потому, что оно открыто не так давно, года три тому назад. Существует такая наука «дендрохронология», которая с помощью изучения количества радиоактивных изотопов в долгоживущих деревьях определяет даты тех или иных событий далекой древности (примерно, в пределах 11–11,5 тысячи лет). Так вот, в 2012 году японские специалисты в этой области, Мияке с коллегами, нашли в образцах японского

кедра резко повышенное (на 12%) содержание радиоактивного углерода (С-14) в годичных кольцах 774–775 годов. Растения, кораллы и тому подобное захватывают атомы углерода из воздуха, а атомы С-14 образуются в воздухе в результате каскада ядерных реакций, вызванных бомбардировкой атмосферы космическими частицами высокой энергии. Эта же бомбардировка почвы, льда и скал вызывает появление в них радиоактивного изотопа бериллия Ве-10. И действительно, изучение льда в Антарктиде показало, что в 774–775 году имел место и скачок концентрации Ве-10. Более того, аналогичный скачок С-14 был затем обнаружен в древесных кольцах 774–775 годов в Сибири, Германии, Калифорнии и некоторых других местах, а также в кораллах Южно-Китайского моря. Это означает, что событие, вызвавшее скачок, было глобальным.

Какое же физическое явление могло вызвать такой скачок? Первым кандидатом была, конечно, экстраординарная солнечная вспышка, сопровождавшаяся выбросом потока заряженных частиц из солнечной короны. Однако группа Мияке подсчитала, что скачок в 12% означал 20-кратное превышение самой сильной из известных солнечных вспышек, и потому исключили возможную роль Солнца, заключив свою статью выводом, что тут имела место «космическая причина неизвестной природы». Это вызвало поток новых статей, в которых предлагались различные объяснения загадки. Так, одни ученые предположили, что скачок С-14 был вызван близким взрывом сверхновой звезды, скрытой за облаком космической пыли. Другие пытались объяснить событие 775 года тем, что на Солнце упала огромная комета, что привело к сильнейшему разогреву солнечной короны. По мнению третьих, источником беспрецедентного потока космических частиц была гигантская гамма-вспышка в космосе. А кому-то пришло в голову связать скачок С-14 в кораллах Южно-Китайского моря с падением на Землю кометы, которая еще в полете подверглась длительной бомбардировке частицами,

накопила в своем ядре много С-14 и потом принесла его на Землю.

Все эти экзотические сценарии были подвергнуты критике в недавней работе отечественных ученых. Они перепроверили анализ и данные группы Мияке и нашли, что исследователи переоценили величину скачка изотопов С-14 и Ве-10. После соответствующего пересмотра исходных данных они пришли к выводу, что скачок 775 года может быть объяснен солнечной вспышкой, хотя и невиданной прежде, самой мощной за 11,5 тысячи лет величины. Поэтому событие 775 года, по мнению этих авторов, показывает, что «нынешняя теория излучения солнечных вспышек недооценивает возможности Солнца». Это, так сказать, рекомендация для физиков-теоретиков. Что же касается практического значения всего сказанного, то его четко суммировала статья американских ученых Томаса, Мелотта, Аркенберга и Снайдера «Наземное воздействие возможных астрофизических причин, вызвавших событие 775 года новой эры». Эта статья завершается словами: «Современные технологические последствия подобного события могут быть экстремальными».

Расшифруем. Анализ показывает, что повторение такой вспышки на Солнце не вызовет гибели людей. Но оно должно, судя по его мощности, вывести из строя все земные компьютеры, грубо говоря — стереть всю хранящуюся в них информацию, подобно тому, как в упомянутой выше повести Лема вирус, принесенный из космоса, стер всю информацию, записанную на бумаге. И это действительно будет конец света в духе нашего времени — апокалипсис невидимый, неосязаемый, беззвучный и бескровный. Не случайно американские авторы заключают: «Учитывая, что событие 775 года подтверждает реальную возможность появления таких супервспышек, данная опасность заслуживает внимания».

Вот автор и решил привлечь ваше внимание к этой опасности.

От редакции. Затронутая в заметках тема получит развитие в серии публикуемых далее статей.

Приручение апока- лип- сиса

Неужели мир доживает последние месяцы? В лучшем случае – последние годы?

Начиная с прошлой весны нам не раз казалось, что всё вот-вот рухнет. Наиболее вероятным сценарием в 2014-м виделся – и по сей день не перестал – сами понимаете, какой. Вспомните, какой апокалиптический ужас охватывал читателей интернета при виде очередных новостей о том, что танки некоторой хорошо известной нам страны пересекли границу другой.

Какой леденящий страх вызывало в прошлом августе одно только сочетание слов: «Август четырнадцатого...» Мир пока держится, но напряженность ожиданий не спадает. Мы к ней даже привыкли.

Кризисы разного рода – от экономических до экологических, от политических до военных – участились в последнее время настолько, что это наводит измученное ожиданиями сознание на мысль: человеку, человечеству это всё зачем-то нужно.

Нет, не собственно кризисы, конечно (хотя, если как следует разобраться, – пожалуй, и они), а вот само это интенсивное ожидание Конца Всего. Так и хочется думать (чем еще защищаться,

как не анализом да рефлексией?), что с помощью такого ожидания человек решает некие важные для себя задачи. Которые ему, возможно, не решить другими средствами. ...А Великую Катастрофу 21 декабря 2012 года с календарем мая и планетой Нибиру еще помните? Всего каких-то три года назад об этом только ленивый не писал. – других забот, видимо, не было. То ли дело сейчас.

ПОКОНЧИМ С КОНЦОМ СВЕТА

Постоянно что-нибудь кончается

В самом деле, мы встречаем это всюду и в самых разных редакциях. Сектанты различных мастей пугают этим своих последователей и заставляют их собираться вместе, чтобы достойно встретить конец свой и мира.

Кинематографисты то и дело выпускают на экран ленты, где или происходит вселенская катастрофа, или, по меньшей мере, речь идет о ее реальной угрозе. Лишь героические действия героя-храбреца или команды «хороших парней» не дают сбыться планам по уничтожению мира или его части.

Философы то и дело сообщают о «смерти» целой культуры (чаще всего европейской). Порой речь идет о «смер-

ти» части культуры — философии, кинематографа, поэзии, театра — или ее источника: автора, человека, субъекта...

Те, кто пытается составить обзоры предсказаний такого рода, неизменно отмечают их исключительное обилие. Исследователь русского «Серебряного века» Леонид Кацис обращает внимание на огромный поток таких текстов на рубеже XIX–XX века. «Апокалипсис русской поэзии» Андрея Белого, «Апокалипсис в русской литературе» Алексея Кручёных, «Апокалипсис нашего времени» Василия Розанова и др.

В книге антрополога Марии Ахметовой* речь идет о сектантской эсхато-

* М. Ахметова. Конец света в одной отдельно взятой стране. М.: ОГИ, РГГУ, 2010.

Освальд Шпенглер

Френсис Фукуяма

логии в постсоветской России, и мы опять поражаемся обилию фактического материала. Россия предстает здесь как страна, переполненная сектантскими организациями, и, как водится, каждая из этих организаций в своей идеологии отводит место эсхатологической тематике.

Схожий пейзаж у французского исследователя Марка Анжено. В своей небольшой работе «Взрыв апокалипсических настроений» (Русский журнал, 1998) он выделяет целый жанр: «Сумеречно-сумрачный прогноз – жанр французской культуры 80–90-х годов XX века» – и дает целый ряд его примеров. «Нищета идеологии» (Ален Дюамель), «конец социального» (Бодрийяр и другие), «конец политики», «конец демократии» (Геенно etc), утверждение «общества пустоты» (И. Барель), «власти эфемерности», наступление «сумерек

долга» (Жиль Липовецки), эры «симулякров» и в конечном счете исчезновение реальности (Бодрийяр и его последователи), «упадок индивидуализма» (приход «эпохи племен», Маффесоли), «затмение общества» («Невидимое общество», Ален Турен), победа «варварства» (термин – от знаменитой альтернативы Энгельса и Каутского «социализм или варварство», Мишель Анри), прогресс «нечеловеческого» и конец прогресса (Лиотар), погружение в «конец темного века» (Макс Галло)...

Все авторы, описывающие этот феномен, задаются проблемой его природы. Его обычно связывают с рубежными периодами – с наступлением последнего века второго тысячелетия, с концом второго тысячелетия. Связывают его и с кризисными переходными эпохами – скажем, с переходом от советской власти к постсоветской демократии.

В любом случае речь о том, как описания конца света отражают культурные реалии, связаны с духом времени. Взглянем на это и с другой стороны.

Шедевры эсхатологического жанра

У Освальда Шпенглера читаем: «...будущее Запада оказывается не безбрежным потоком, стремящимся вверх и вперед по курсу наших сиюминутных идеалов и с фантастическими запасами времени, но *строго ограниченным в отношении формы и длительности и неизбежно предопределенным единичным свершением истории охватом в несколько столетий...*».

Пафос Шпенглера – в предсказании конца западной цивилизации, чему автор находит множество аналогий в истории иных цивилизаций, канувших в лету. Ясно, что читателю «Заката Европы», субъекту западной цивилизации, безразлично, что возникнет на ее обломках. Для него безусловная трагедия и повод для острого страха – то, что исчезнет именно она, средоточие его ценностных переживаний. Гибель западной цивилизации для европейца – не просто переход к новым цивилизационным формам, как предполагается в циклической концепции культуры, а смерть

его мира. Другого мира он себе не представляет. Отсюда и острый страх апокалиптической природы. Не будет преувеличением предположить, что он и обеспечил книге Шпенглера привлекательность, огромный успех, волну подражаний.

Интересно сопоставить Шпенглера с другим автором апокалиптического толка.

«То, чему мы, вероятно, свидетели, — пишет Френсис Фукуяма, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии, как окончательной формы правления.»

Ясно, что концепту «конец истории» придается конкретный идеологический смысл. Имеется в виду завершение борьбы за форму идеологического устройства общества. Ясно и то, что другие пути исторического развития не берутся в расчет. Завершена лишь некая часть, но Фукуяма стремится придать ей вид завершения целого. Ошибка налицо: *pars pro toto*, часть вместо целого. Мы видим: чтобы придать своим текстам апокалиптический смысл, их авторы готовы использовать любой повод. Любые изменения в характере истории, любые кризисы годятся для фабрикации сюжетов конца света.

Если для Шпенглера закат Европы был очевиден, то Фукуяма связывает конец истории с торжеством Европы как универсальной формы социального устройства. То есть, по Фукуяме, конец истории связан с торжеством того, чему Шпенглер предсказывал неизбежную гибель.

Выбор критериев конца света абсолютно произволен. На самом деле, предсказание конца света неизбежно демонстрирует ясновидческие способности автора. Предсказывать благополучие — бессмысленно и малоинтересно. Лишь предсказывая тотально-ужасное, можно рассчитывать на привлекательный статус пророка.

Нам важно понять здесь не то, как апокалиптические тексты соотносятся с реальностью, а в чем интерес тех, кто

производит такие тексты. Ведь если мы имеем дело с явной избыточностью, то, понятно, связано это не только с духом времени. Есть, похоже, определенный соблазн для автора, возводящего такие конструкции. Не понимая, в чем здесь авторский интерес, мы не сможем ни проанализировать этот феномен, ни выработать иммунитета ко всему этому, а он нам очень нужен. Постоянно сталкиваясь с многочисленными предсказаниями конца света, мы, конечно, хотели бы не отвечать на это реакцией страха — нам необходим трезвый критический взгляд.

Используется любой повод

Особый род «концесветных» сюжетов связан с экологическим знанием. Развитие наук о природе в XX веке многократно увеличило количество апокалиптических страхов. Мы все слышаны об ухудшении экологической ситуации, исчезновении множества видов животных и растений. Нам твердят об истощении природных ресурсов, озонового слоя в атмосфере, парниковом эффекте. Сокращение площади лесов и плодородной почвы, автомобильные газовые выхлопы и обмеление рек — всё это преподносится как смертельная угроза нашей среде обитания, похоже, самая правдоподобная со времен Откровения Иоанна. Экологи предсказывают глобальный катаклизм. Такого рода предикции выглядят наиболее привлекательно и вызывают наименьшее сопротивление со стороны публики. «Природа» выглядит чем-то «материнским» и одновременно беззащитным. Эти два обстоятельства придают ей очень большую аффективную ценность и существенно повышают акции «зеленых».

Количество социально-исторических прототипов апокалипсиса неуклонно растет, предоставляя всё больше наглядного материала для провозвестников конца света. В незапамятные времена его прообразом могла послужить массовая эпидемия чумы или холеры. За удачный в этом смысле прототип могли сойти и природные катаклизмы, землетрясения и наводнения.

Чума в средневековой Европе

Намного большую ценность в этом смысле представляют собой разного рода войны. У войн и погромов есть автор. Творятся они не слепой природой. В дидактически-пропагандистском смысле наличие автора разрушительного действия или разрушительной тенденции — очень важно.

Особенно полезным для формирования широкого контекста апокалиптического сознания оказался XX век.

Политическая история века, начавшаяся с «воспитания под Верденом», продолжилась российской революцией, истреблением турками армян, и достигла своих вершин в Хиросиме, ГУЛАГЕ и Освенциме. В результате всего этого XX век дал нам много апокалиптических метафор. Любая мало-мальски массовая потеря становится поводом для диагностики и предикции апокалипсиса. Сегодня авторы параапокалиптических текстов с радостью могут привести в пример «маловаерам» ГУЛАГ и Освенцим, Хиросиму и Чернобыль. Распространение оружия массового уничтожения, как и угроза массовых эпидемий (СПИД, куриный грипп, лихорадка Эбола), повышает курс их акций многократно.

Апокалиптический миф XX века

подкармливается и всячески углубляется таким сильным орудием, как СМИ. Рост информационного потока привел к многократному умножению объема фиксируемых катастроф в индивидуальном и общественном сознании. Как известно, благополучные обстоятельства жизни народов отнюдь не являются так называемым «информационным поводом». Телевидение и газеты живут сводками о разного рода катаклизмах, авариях, преступлениях...

История одного циркуляра

Сюжеты о конце света (истории, культуры, ее части...) неизбежно отсылают нас к опорному тексту — Откровению Св. Иоанна Богослова, к Апокалипсису как таковому.

Этот текст был составлен Иоанном, как принято считать, на острове Патмос в 90–95 годах, в царствование римского императора Домициана и адресован семи малоазиатским (Асийским) церквям. Что же стало поводом к этому посланию?

В церквях — явная тенденция к духовному падению. Одни поддаются влиянию безнравственной среды. Другие соблазняются лжеучениями,

склонны к ереси. Большинству церкви необходимо покаяться, и по крайней мере в одной церкви – Лаодикийской – материальное благополучие привело к такому духовному падению, что заставило ее отвернуться от Господа. Послание наполнено яркими образами, призванными утрашить тех, кто слаб в вере и упорен в грехе, и подбодрить тех, кто беззаветно верит. Им на Страшном суде уготована благая участь, в отличие от грешников, а после разрушения «Вавилона» насту-

пит тысячелетнее царство Христово, где истинно верующие пребудут в блаженстве и во спасении. Если говорить очень кратко, то смысл послания по сути сводится к этому.

Собственно, значение слова «апокалипсис» – откровение. Почему же так произошло, что в наше время «апокалипсис» читается почти исключительно как «конец света» или что-то к нему

*Гравюра Альбрехта Дюрера
из цикла «Откровение
св. Иоанна Богослова».*

очень близкое? Ответ — в самом тексте послания. Оно так насыщено устрашающими образами, что получается: они и сформировали эмоциональный образ текста, их избыток сказался на репутации откровения. Видения зверя и «блудницы», картины казней и битв в итоге увязываются с образом «Откровения» прочней, чем видения поклонения и великолепии нового Иерусалима.

В самом деле, образы очень яркие:

«7. Первый ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела. 8. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью. 9. И умерла третья часть одушевленных тварей живущих в море, и третья часть судов погибла» (Откр. Св. Иоанна, 8).

В следующей главе: «3. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. 4. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. 5. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев. И мучение от нея подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. 6. В те дни люди будут смер-

ти искать, но не найдут ея; пожелают умереть, но смерть убежит от них». (Откр. Св. Иоанна, 9).

В итоге эффект устрашения оказался для культурной памяти более весомым, чем яркие картины блаженства и спасения для праведников.

Хорошо известно, что судьба «Откровения» Иоанна среди других текстов Библии была непростой. До начала Реформации эта книга была изгнана из корпуса Священного Писания. Избыточность картин жестокости в пространстве этого текста не могла не быть замеченной. С другой стороны, не случайно было и новое его признание. Страх с пропагандистской точки зрения — оружие куда более сильное, чем поощрение. Кроме того, всякая религия как тотальная мировоззренческая конструкция неизбежно должна содержать в своей структуре и садистический локус.

Сюжет конца света как диалог

Апокалиптические картины — некое послание. Как у всякого послания, у них есть автор и адресат: апокалиптизирующий и апокалиптизируемый. Апокалиптизирующие, а они всегда в меньшинстве, запугивают апокалиптизируемых. Последовательно и целенаправленно индуцируют страх с тем, чтобы добиться от них важных мировоззренческих и поведенческих изменений. Итак, три главных элемента такого дискурса: индукция страха, шантаж и рекрутирование. «Под дулом» апокалиптической угрозы можно требовать самых радикальных перемен и исполнения самых интересных желаний.

Индукция страха здесь — ключевой момент. Бывают ситуации, когда жертва осмысленна, приносится ради высоких целей, и тогда героическая смерть желанна. Сюжет «Конца света» лишает смысла любую жертву, любую смерть. Смерть здесь — не этап в жизненном цикле, она радикально предельна. В этой ситуации шантаж и рекрутирование выглядят максимально эффективными. С другой стороны, пропагандистский эффект снижается вследствие нереальности рисуемых

перспектив, а также вполне понятного сопротивления таким перспективам.

По отношению к тому, насколько реально провозглашаемые угрозы, участников такого диалога можно разделить на проапокалиптиков и контраапокалиптиков. Ясно, что апокалиптизирующий всегда – проапокалиптик, и его задача, собственно, в том, чтобы из апокалиптизируемого сделать такого же, как он, проапокалиптика. Апокалиптизируемый изначально нейтрален, но, конечно, настроен он скорее антиапокалиптически. Психологически понятно сопротивление предсказаниям о том, что конец света вот-вот грянет и надо предпринимать какие-то движения по этому поводу. Это сопротивление усложняет основную прагматическую задачу апокалиптического дискурса. Всякому ясно: конец света провозглашается в целях изменения поведения, мировоззрения и тому подобное у адресатов апокалиптического послания. Делается это при отсутствии реальных способов принуждения к таким изменениям.

Проапокалиптический дискурс выглядит чаще всего предельно убедительно. Коммуникативная ситуация неизбежно складывается в пользу проапокалиптика. Ясновидящий, осведомленный, радикальный и при этом умудренный проапокалиптик противостоит наивному, слепому, при этом грешному и праздному контраапокалиптику.

Очень привлекательно смотрятся алармистски-рекрутирующие стратегии: сейчас или никогда; если ты не занимаешься политикой, то она займется тобой; кто не с нами, тот против нас; пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Можно, по сути, говорить о существовании апокалиптического бессознательного. В его основе у апокалиптизируемого – страх, заставляющий того встраиваться в дискурс послания. Страх этот всячески разжигается с вполне понятной целью. Мистическое сознание – всюду.

Убийство новизны

Апокалиптические мотивы вступают в противоречие с одной из важней-

ших мотиваций личности – стремлением к новизне, кайнэрастией, чему я посвятил несколько исследований. Собственно, конец света – там, где больше нет ничего нового. Поэтому в культурах с большим разнообразием форм культурного творчества есть особый риск возникновения апокалиптического сознания. Этот риск связан с ощущением исчерпанности форм и сюжетов для производства новых творений культуры (в первую очередь – искусства). XX век сыграл здесь драматическую роль. Сверхизобилие творческой продукции привело многих к ощущению кризиса новизны, а то и просто ее невозможности. В XX веке, создавая новое творение, художник порождает при этом новый способ производства этих творений. При исключительном обилии художественной продукции со временем возникло ощущение перепроизводства новых форм. Сама по себе новизна стала невозможной или не востребованной.

Но здесь встает вопрос о новизне как таковой. Что такое «новое»? Какова мера отличия одного творения от другого, чтобы мы могли зафиксировать новизну? До какой степени фиксация сходства должна убеждать нас в дефиците новизны? Ответив на эти вопросы, мы, скорее всего, придем к интересным выводам. Мы обнаружим, что известия о «смерти новизны» окажутся преувеличенными, что они, собственно, лишь очередная редакция «концесветных» сюжетов. Ну и, конечно, у их авторов есть веские причины заботиться о своем репутации радикальных критиков культуры и ее бескомпромиссных судей.

Быть культурным героем

Быть героем – это, в первую очередь, возбуждать эмоции. Вне аффекта нет героизма. Страх конца света – предельный страх, сильнее ничего не придумаешь. Он яркий и мощный. Страх – один из сильных аффектов, а аффект – всегда востребованный товар в символическом пространстве.

Поэтому он так хорошо продается в философии, в кинематографе, в

Видеоартпроект
«Пир Трималхиона»

литературе. Сегодня культура дает обилие таких примеров. В этом ряду — крупнейший современный прозаик Владимир Сорокин (трилогия «Путь Бро», «Лед», «23 тысячи»), одна из самых ярких современных арт-групп AES + F (Т. Арзамасова, Л. Евзович, Е. Святский, В. Фридкис, их видеоартпроект «Пир Трималхиона»). Они не мыслят свою работу вне эсхатологического контекста. Создается впечатление, что апокалипсис создает масштаб для актуального художника. Создать нечто такое, что не ставит на карту судьбы мира — по меньшей мере несовременно. Вспоминается расхожий термин советской художественной критики: «мелкотемье». Если в советское время от художника требовали показа масштабных свершений советских строек, то теперь требуется учет близкой возможности конца культуры, цивилизации, мира вообще.

Оптимистический скептицизм

Но все эти соображения, думаю, должны поставить крест на реальности апокалиптических предсказаний. Они слишком привязаны к интересу их автора, что само по себе вызывает много сомнений по поводу того, что конец света (культуры, какой-то ее части) так реален, как они это пытаются представить. Автор создает себе особое реноме и незаурядный статус бескомпромиссного и прозорливого пророка. Он осуществляет особую политику формирования своей привлекательности и рекрутирования последователей. Но, рассматривая всю эту апокалиптику под таким углом зрения, мы ясно видим всю ее иллюзорность. Она выступает как привлекательное пугало. Разумнее всего воспринимать это именно так. Ничего этого не надо бояться. Покончим с концом света.

Последних ЗНАКИ Времени

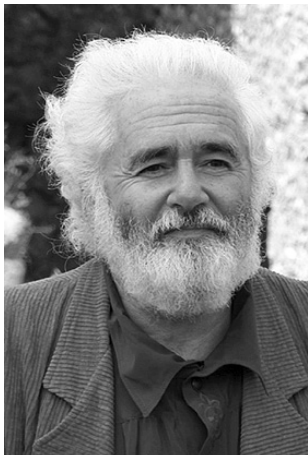
Как возможно эсхатологическое восприятие мира сегодня?
Как оно укладывается в голове у современного человека, уживаясь
и взаимодействуя с вложенным туда современным образованием?
Зачем оно ему вообще? Какие и почему принимает формы?

Об особенностях эсхатологического воображения нашего времени
и о правилах, по которым оно работает с реальностью, мы говорим
с филологом, антропологом, исследователем религиозных субкультур
Марией Ахметовой (РГГУ), издавшей несколько лет назад книгу
«Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества
постсоветской России и их эсхатологический миф».

«Знание – Сила»: Чем бы вы объяснили сегодняшнее перепроизводство сценариев конца света разной степени популярности?

М. Ахметова: Отнесение актуальной кризисной ситуации к «последним

временам» в традиционной культуре – один из способов ее объяснения. Поместить современные события в эсхатологический контекст – значит наделять их смыслом, объяснить царящие в мире зло и несправедливость. Это дает

Иоанн (Береславский)

возможность психологически преодолеть ужас настоящего времени, осмыслить и упорядочить события, воспринимаемые как всемирная катастрофа.

«З-С»: Для посттрадиционных обществ это, похоже, не менее справедливо. Но как об этом говорят сегодня?

М.А.: У представителей эсхатологически ориентированных религиозных сообществ постсоветской России, например, есть для этого свой «язык» — код, позволяющий воспринимать факты — реальные и воображаемые — в соответствующем историко-культурном контексте.

И для православных, и для адептов новых религиозных движений мир состоит из двух планов: видимого, человеческого — живого и искаженного грехом, и невидимого — истинного, населенного ангелами и демонами. Видеть мир как он есть, иметь полное представление о его устройстве может только Бог или пришедший на Землю живой Мессия. Например, когда Виссариона, руководителя Церкви Последнего Завета, спросили, слышит ли он какие-либо голоса, он ответил, что слышат пророки и лжепророки, а он, заявляющий о себе как о реинкарнации Христа, Сына Божьего, — знает.

Визионерство и получение откровений — преимущественно удел пророков, людей прозорливых или избранных для этой цели Богом. Простые смертные, как правило, постигают тайны бытия через знаки. Это признается важным условием спасе-

ния. «Умей читать знаки и знамения!» — призывает своих последователей лидер Богородичного Центра (ныне Православная Церковь Божией Матери Державная) архиепископ Иоанн (Береславский).

В свете этих представлений верующего от профана обычно отличает духовное зрение или просто эсхатологическая информированность. Адекватное понимание происходящего позволяет сделать вывод о близости Страшного Суда. И наоборот, зная, что скоро конец света, можно сделать правильные выводы о сути событий. Задача верующего, таким образом, — найти ключ к тайнам конца времен, что равносильно пути к спасению. Не зная тайн конца времен, человек обречен на духовную гибель. В «последние времена» в мире царит хаос, и то, что в это время признается нормальным, по божественным меркам может быть неприемлемо.

Мировосприятие многих апокалиптиков пронизывает своего рода эсхатологическая конспирология.

По мифологической логике, все события скреплены определенного рода отношениями. Но одно и то же событие может быть как причиной, так и следствием — так, в православной прихрамовой среде «семьдесят лет безбожия» во время советской власти могут восприниматься и как Божия кара — за революцию, и как «неверность дому Романовых», как исторический грех, за который Россия еще будет наказана.

«З-С»: Похоже, по эсхатологической логике, предвестником конца света может быть абсолютно всё?

М.А.: В каком-то смысле, с точки зрения человека, относящегося к христианской традиции, так и есть (тем более, что второе пришествие Христа, по христианскому вероучению, — смысл и итог истории). В качестве курьеза можно привести такой факт: на рубеже XIX и XX веков крещенные финны-ингерманландцы наделяли ритуально-эсхатологическим смыслом собирательскую деятельность ученых-фольклористов: «Вот уж точно конец света приближается, если даже чепуху собирают».

Чаще всего как признаки конца света выступают негативные события — от войн, стихийных бедствий, голода, неурожая до бытовых неурядиц. С другой стороны, таким признаком может быть, наоборот, необыкновенное преуспеяние и изобилие. Почитаемой некоторыми православными блаженной Пелагии Рязанской приписывалось предсказание, что «в последние времена будет повышение пенсии, и <...> это — к скорому приходу антихриста». Признаком конца может быть умножение чудес и прекращение войн. Декларацию всеобщего разоружения часто толкуют в духе новозаветного пророчества: «Когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес 5:3). Этот мотив известен разным христианским течениям. Вспомним похожее суждение в «Очарованном страннике» Лескова, что позволяет судить о распространенности этого мотива в XIX веке.

Общераспространен мотив появления необычных предметов как признака близкой кончины мира (сравним с образом «железных коней» — тракторов или «птиц с железными носами» — самолетов, о которых, по воззрениям некоторых крестьян и старообрядцев XX века, сказано в Библии как о предвестнике «последних времен»).

С тем же успехом могут интерпретироваться как соответствующий признак обычные вещи, наделяемые качеством новизны. Известно, что кораблеподобная архитектура церковных зданий наиболее распространена.

Прихожане Покровского старообрядческого храма

Между тем один из основателей Белого Братства, Юоанн Свами, в 1993 году пишет: «Когда Церкви станут строить в виде лодки и других форм — наступил конец света».

Признак конца света — прежде всего отклонение от нормы (при том, что сама норма может пониматься весьма условно).

В России конца XX века предметом, так сказать, эсхатологической рефлексии оказываются и новые предметы и явления — символы наступившей эпохи, и переосмысливаемые символы советской эпохи. Можно говорить о нескольких кодах, с помощью которых происходит эсхатологическое толкование. Первый из них — словесный.

Среди православных распространены «переводы» таких слов, как *демократия* (власть демонов), *демократ* (демон кратный), *демонстрация* (встреча с демонами/шествие демонов) и так далее. Иногда знаковые понятия представляются как аббревиатуры (например, формулировка *паспорт СССР* — как сокращение: «печать Антихриста сам получаю, сам соединюсь с саганой»). Расшифровка слов в середине 1990-х была популярна в отпочковавшейся от Истинно-православной церкви Восточной Небесной Апокалиптической Церкви Откровения Иоанна Богослова: так, слово *ваучер* расшифровывалось как аббревиатура: «возврат адского угнетения человечества, египетского рабства».

Создаются искусственные этимологии. Слово *пролетарий* юсмалиане

(последователи Великого Белого Братства Юсмалос) вслед за его основательницей Марией Дэви Христос возводят к вымышленному слову «летарий», которое этимологически связывают с медицинским термином «летальный исход». Летарий — бездушный «астральный мутант», чье сознание не развивается; такие сущности, по утверждению юсмалиан, собирал Ленин для создания СССР. (Возможно, и слово, и сама концепция «летариев» заимствованы из фантастического романа С.Т. Алексеева «Сокровища Валькирии»).

Наделяются этимологией и современные слова-символы. Слово *президент* в прихрамовой среде переводят «с латыни» как «посвященный» (видимо, в масонство) или «с церковного языка» — как «самозванец, политический вор».

Произносятся такие слова (специально зашифрованные врагами для поругания русского народа и православной веры), человек, по представлениям «церковных людей», бессознательно отрекается от Бога, унижает себя и свою веру.

По рассуждениям православных антиглобалистов, опасность идентификационного налогового номера (ИНН) — в том, что он, состоящий из абстрактных, хаотических *чисел*, заменяет имя — *слово*. Но и от тех, кто осуждает боящихся ИНН, можно услышать: «В аду там нет имен, там числа одни у этого, у рогаато».

Таким образом, у языка, на котором написаны тайны «последних времен», — двойное происхождение. С одной стороны, его автором может быть сатана и его сподвижники — евреи и масоны (у фамилий политиков в прихрамовой среде изыскиваются еврейские корни или варианты, служащие для обоснования их причисления к «жидомасонам»: *Ельцин* — якобы переделанная еврейская фамилия *Эрцин* или *Эльцин*, фамилия *Кудрин* возводится к якобы упоминаемому в Талмуде ругательству *кудра* — «незаконнорожденный»). С другой, этот язык может происходить из горнего мира и быть связанным с языком русского народа-богоснца. Члены Братства во имя Царя-искупителя Николая II в под-

тверждение предсказания, что перед концом света в Сарове будет явлен последний русский праведный царь, приводят доказательство: корень *сар* в названии *Саров* генетически увязан со словом «царь» во многих древних языках. В этом смысле религиозные толкователи действуют вполне в духе «новой хронологии» А.Т. Фоменко или построений В.Н. Емельянова (общество «Память») — возможно, даже наследуют их идеям, по крайней мере, что касается корня *сар* (Фоменко) и Паленого Стана (у Емельянова — *Опаленного*) — якобы истинного, русского названия Палестины. Кстати, обратим внимание: интерпретация положительно окрашенных слов происходит через русский язык, тогда как доля русской этимологии в словах с отрицательными коннотациями минимальна.

Но вообще для толкователя неважно, с какого именно языка переводится то или иное понятие. Характерна попытка найти этимологию знаковому для православной эсхатологии слову компьютер: «А вот когда я молился, — рассказывал 35-летний православный паломник в Дивеево, — это было в девяносто седьмом году, вот: «Господи, открой мне, что же за зверь такой апокалиптический» <...> И Господь открыл, что это компьютер. А потом я стал искать, и оказывается, «компью» с английского — «счет». «Тер» с древнегреческого — «пожирающий зверь». Так вот, получается «счет зверя». Еще по-другому раскладывается это слово. «Ком» — комиссар, коммунист, комсомолец, компьютер, то есть все они имеют корень «ком». <...> а все они — лжепророчество. То есть суть лжепророки они. Дальше, «пью» с японского — «дракон» <...> Рисуют маленькие картиночки, дракончики, а внизу написано «пью». А «тер» это с древнегреческого — «пожирающий зверь». И, пожалуйста вот, <...> там написано, в Апокалипсисе: из уст лжепророка, из уст дракона и из уст зверя выйдут три нечистых духа. Причем, по откровению <...>, «ком», «пью» и «тер» — это счет на древних языках, шестерки <...> [«Ком» — это что?] «Ком» — это вот сам не знаю, это вот, вероятно, это дух, вот этот дух, сам. Антихристов, «ком».

Этот нарратив хорошо показывает логику эсхатологического толкования. Слова переводятся с конкретных и абстрактных «древних языков»; нередко разные части слова — с разных языков: скажем, одна — с латыни, другая — с арамейского (такие этимологии мне тоже встречались). Но лингвистические нелогичности толкователей не смущают: смысл сообщения для них куда важнее логики.

Представляя Апокалипсис как книгу, в которой зашифрованы тайны будущего и настоящего, толкователи утверждают, что эти тайны могут быть открыты человеческому разуму, но не последняя роль отводится божественному откровению.

«З—С»: Такому толкованию наверняка подвергаются не только слова?

М.А.: Конечно, визуальные символы тоже. Многие «церковные люди» считают символы советской эпохи масонскими, каббалистическими. С одной стороны, они производят магическое действие, подтверждают проклятие русского народа со стороны «жидов». С другой — служат тайным знаком власти масонов над Россией, унижения православных. Например, красный флаг означает: «Победит гоев с помощью деспотизма и насилия, беспощадно залив их собственной же кровью», а пионерский галстук — «Треугольник побежденных гоев, обращенный вершиной вниз и залитый собственной их кровью».

Масонскую символику усматривают и в неожиданных случаях. Медицинская эмблема (чаша со змеей) может трактоваться так: «Всегда и во все времена, — пишет православный толкователь Константин Гордеев, — чаша была и остается одним из символов христианства потому, что в этой чаше находится основная и величайшая святость, а именно — Тело и Кровь Иисуса Христа на Престоле во время Божественной Литургии <...> А эта медицинская эмблема указывает на то, что в настоящее время люди идут лечиться в такое место, где все контролируется масонской магией, так как змий, обвивающий чашу, в христианской символике означает Сатану, а в масонской символике — означает знание магии и

весь еврейский народ <...> То, что люди идут за помощью в учреждения, находящиеся под этой медицинской символикой, говорит о том, что они все поклонились Сатане и ждут от него исцеления и помощи, а не от Господа <...> Заметьте, что главврачи и большинство врачей в основном — евреи, ненавистники гоев».

Скрытым смыслом наделяются и предметы, вошедшие в обиход в последние годы. Любые визуальные символы, значение которых непонятно, апокалиптики склонны толковать как масонские или колдовские. В знаке «Госстандарт» они могут видеть «жидомасонский символ, который означает что-то, нам неизвестное, но им хорошо известное», в логотипе зарубежной фирмы — «круг дьявола»; знак копирайта © обозначает, что содержащая его продукция «кошерная», то есть «заколдованная».

В «последние времена» в какой-то степени все предметы приобретают вредоносные качества и сатанинскую атрибуцию. Так, телевизор, согласно суждениям некоторых православных, — это «око дьявола», юбка с разрезом — «пасть дракона» («разрезы носить — в пасть дракона пойти»), говорит монахиня лет 70-ти из Сергиева Посада); поедающие леденцы «Чупа-чупс» дети на самом деле «лобзают башку» идола Бафомета*. Живя в «последние времена», надо быть крайне осторожным и внимательным: ежeminутно можно бессознательно похулить Бога и поклониться сатане.

Наконец, тайна конца времен разворачивается в истории, проявляясь на уровне исторических событий и действий исторических персонажей.

В исторических рефлексиях апокалиптиков видны две стратегии. Одна рассматривает книгу Откровения Иоанна Богослова или ветхозаветную Книгу Даниила как энигматический текст и подразумевает расшифровку его символов применительно к актуальной для толкователя эпохе (так же в

* Бафомет — демоническое существо с головой козла; поклонение ему приписывалось тамплиерам.

эзотерической субкультуре трактуются катрены Нострадамуса).

В одном из номеров газеты Белого Братства (1993) предпринималась попытка комментировать апокалиптические тексты дословно. Например, к строке «[Царь] обратит лице свое на крепости своей земли; но споткнется, падет и не станет его» (Дан 11:19) предлагается комментарий: «Горбачев даст свободу религиозному движению в СССР, но после путча уступит место Ельцину».

Другая стратегия подразумевает наличие особой исторической концепции, через призму которой просматриваются все события прошлого и настоящего и которая позволяет иметь ясное представление о будущем (по такому принципу, к примеру, составлен сборник «Россия перед вторым пришествием», выдержавший несколько переизданий и дополнений). История представляется как манифестация борьбы темных и светлых сил, ведущаяся с начала времен, и конец света — ее закономерное окончание. Особенно это касается сферы, «творящей историю», — политики. Певица Жанна Бичевская, находящаяся под сильным влиянием православного монархического дискурса, в одном интервью произнесла фразу, под которой подписался бы любой православный апокалиптик: «Да при чём здесь политика? Вся политика — отражение той страшной борьбы, которую дьявол объявил Богу. Поэтому и бороться надо мечом духовным».

Смысл ключевых моментов истории скрыт от непосвященных. Как и слова, исторические события — своего рода шифр, автором которого может быть как горный мир, так и дьявольский. Если для православных история — это манифестация борьбы евреев с христианством, то, согласно истории церкви по Богородичному Центру, темные силы воплощает «фарисейство» — от иудейских первосвященников до современной Русской Православной церкви. Юсмалиане (Белое Братство) рисуют картину, согласно которой демонические силы эпоха за эпохой воплощаются на земле для борьбы с богоустановленным порядком. Например, 35-летний представитель Белого Братства в нача-

ле 2000-х годов объяснял мне, что одни и те же лживые, амбициозные, нечестивые души в разные исторические периоды воплощаются для уничтожения жизни на Земле; сначала они уничтожили Лемурию, потом Атлантиду, затем Древний Египет, а сейчас подобрались к современному миру.

«З-С»: Свойственны ли такие объяснительные техники только религиозным сообществам?

М.А.: Нет, конечно. Современное массовое сознание вообще — причудливое совмещение рациональных и иррациональных представлений. Свидетельство этого — популярная с эпохи перестройки литература о «непознанном», где библейским чудесам даются «рациональные» объяснения, персонажи традиционной мифологии — лешие, домовые, черти — предстают в облики инопланетян или полтергейста, а за физическим термином «энергия», в зависимости от контекста, читается значение, близкое к «зловредной магии» (плохая энергия / энергетика) или «благодати» (хорошая энергия / энергетика).

Но было бы ошибкой думать, что совмещение религиозных и научных представлений — специфика наших дней. Оно было характерно и, например, для XIX — начала XX века, причем в дискурсах совершенно разных социальных групп — от образованного общества, увлекавшегося месмеризмом, а позже теософией, до широких городских и крестьянских кругов, активно читавших популярные брошюры о конце света, где светопредставление описывалось как катастрофа, вызванная кометой, или столкновение Земли с другой планетой. Исследователи конца XIX века не раз записывали крестьянские нарративы о конце света, в которых пророчества о явлении Антихриста соседствуют с наивными пересказами астрономических концепций. Одновременно на научность и обладание духовной истиной претендовали теософия, идеи Н. и Е. Рерихов, учение Н.Ф. Фёдорова о бессмертии и так далее. С другой стороны, уже в первой половине XIX века публикуются результаты исследований, претенду-

ющих на рациональное объяснение библейских чудес. Так, в 1823 году немецкий ботаник Эренберг утверждал, что *манна небесная* — это секреция тамарискового кустарника, вызываемая укусом тли.

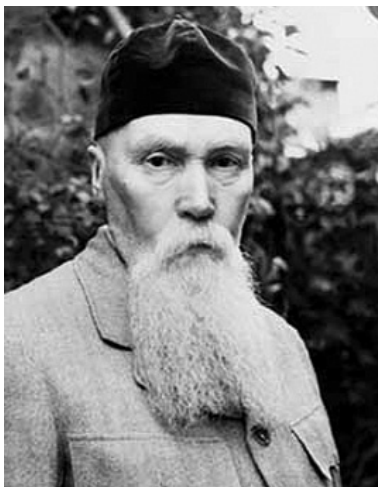
Чем глубже в историю, тем более явно смешение, даже неразделенность научного, религиозного и мифологического восприятия мира. Вспомним хотя бы средневековую алхимию или естественнонаучную философию древности.

«З-С»: В чем же специфика современной ситуации?

М.А.: Современное общество секулярно, ему свойственно более или менее четкое разграничение науки и религии. В России, вероятно, эта оппозиция проявлялась наиболее отчетливо по причине десятилетий государственного атеизма, в числе прочего клеймившего религию за «антинаучность» — «научным» мог быть только атеизм! — и поднимавшего научные достижения как знамя в борьбе с религией (квинтэссенция этого подхода — популярное представление о том, что «Гагарин в космос летал, а Бога не видал»). В конце XX века в ситуации политического и культурного кризиса и недоверия к традиционным ценностям, общество обращается к религии — по крайней мере, к мистицизму.

Новая религиозность при этом часто окрашивается в тона наукообразия. Показательна в этом смысле судьба журнала «Наука и религия». Учрежденный в 1959 году как рупор идей научного атеизма, в эпоху перестройки он начинает публиковать во вполне доброжелательном ключе статьи о традиционных религиях, а также о йоге, хиромантии, астрологии, нетрадиционном целительстве, парапсихологии, мистическом подтексте мировой истории... В итоге от «науки» там практически ничего не осталось.

Интерес позднесоветского и постсоветского общества к религии, в частности, к православию, а затем и более-менее успешные попытки государственных структур использовать православие как одну из основ

Николай Перих

Николай Фёдоров

для новой национальной идеи, породил феномен «православного ученого», цель которого — не только (и не столько) решение научных проблем, сколько подтверждение религиозной идеи — хотя он будет манифестировать себя, безусловно, как представитель академической, а не богословской среды. В то же время среди религиозных деятелей оказываются ученые, объясняющие религиозные идеи с помощью научных терминов, а проблемы, лежащие в сфере науки, — с позиций веры. Так, руководитель Душепопечительского центра во имя Св. праведного Иоанна Кронштадского доктор медицинских наук иеромонах Анатолий (Берестов) рассматривает измененные состояния сознания как бесовское прельщение.

Высокий статус рационального знания в современной культуре не мог не наложить отпечаток на взгля-

ды современных религиозных сообществ. Для многих из них научная лексика — своего рода язык общения (собrania «эзотериков» называются лекциями и семинарами, происходит постоянная апелляция к научным открытиям). Идеологи и адепты таких сообществ — в основном горожане, часто с образованием выше среднего: на 1998 год высшее и незаконченное высшее образование имели 65,22 % последователей Виссариона и 46,4 % представителей московской общины Богородичного Центра; один из основателей Белого Братства Юрий Кривоногов, Юоанн Свами, — кандидат технических наук.

«З-С»: *Странно, что это не разрушает их базовые стереотипы.*

М.А.: — Ничего странного. Еще в советское время известного исследователя религиозных движений А.И. Клибанов писал о своей современнице-баптистке (1960-е годы), которая слушала радио и читала самую разную литературу:

«Осваивается вся поступающая информация. Однако из нее извлекаются лишь частицы, родственные данной религиозной установке и отбрасываются чуждые ей». Так и адепты современных религиозных сообществ могут читать самые разные книги, посещать научные конференции и так далее. Заимствуя чужой язык, они приспособливают его к своей картине мира. Прежде всего потому, что объяснение моральных норм и духовных основ мироздания лишь аргументацией веры оказывается явно недостаточным: нужно рациональное подтверждение.

Апокалиптики в своих рассуждениях широко пользуются терминологией науки; их рассуждения часто претендуют на то, чтобы выглядеть «научно». Религиозным и мифологическим концептам находится научное подтверждение, а научные понятия мифологизируются: учение Марии Дэви Христос — это именно «наука о Свете», план Бога создать рай на Земле называется в ранних текстах Белого Братства *экспериментом*, а миссия его создательницы Марии Дэви Христос — *программой* «Юсмалос».

«З-С»: *Различают ли сами апокалиптики «научные» и религиозные элементы в своей картине мира?*

М.А.: Думаю, такое разделение существует главным образом в умах исследователей, а для конфессиональной среды оно несколько искусственно. Описывая мир наукообразным языком и открывая тайны мироздания при помощи «научных» методов (что явно наследует секулярному дискурсу), члены религиозных сообществ лишь показывают, что наука для них принадлежит Божьему миру, как и другие сферы жизни. Разграничение происходит, когда надо противопоставить божественную истину и окутанный грехом современный мир. Тогда возникает негативный образ науки и ученого. Здесь можно видеть влияние традиционной культуры, где *знать* означает в том числе «обладать магическим даром», а ученый, врач сродни колдуну.

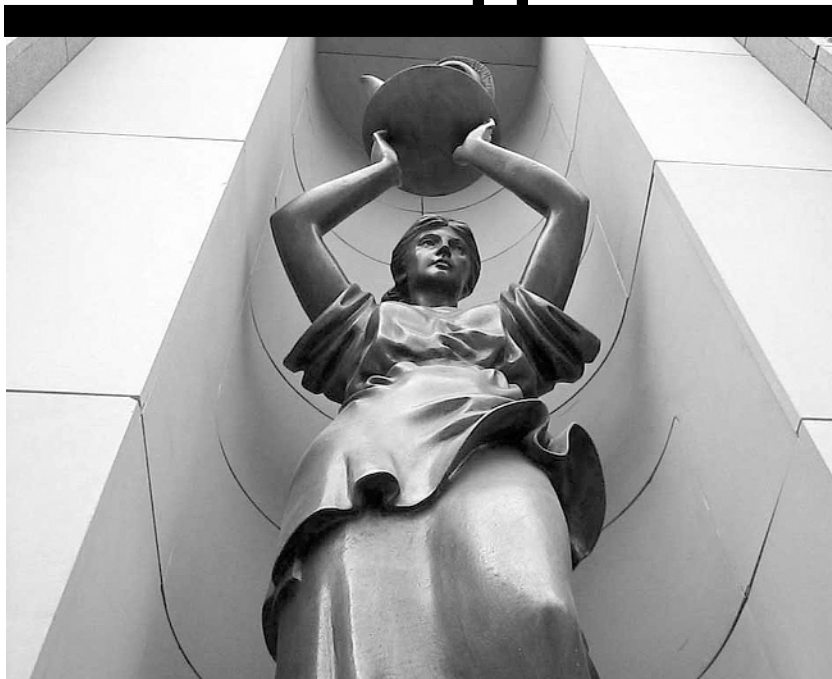
Апокалиптическая эпоха и мир после конца света видится как время общего всезнания. Появление пророков и мессий само по себе означает, что пришло время открытия всех тайн. Но у апокалиптиков есть и представление об открытии тайн как о признаке близости Страшного Суда.

Например, создатель Богородичного Центра архиепископ Иоанн (Береславский) говорит, что в час пришествия Спасителя «откроются великие смыслы». В Дивеево распространитель православной литературы рассказывал, что воскресший Серафим Саровский расскажет людям «историю всего мира, от Адама до наших дней, что на самом деле, всю правду».

Таким образом, законы бытия и подлинная история раскрываются лишь в «последние времена». Это — залог восстановления мира, а иногда и равнозначно ему, наступлению нового бытия. В мифологическом (и мифологизированном) мышлении, где сущность вещи отождествляется с ее происхождением, оказывается достаточно узнать первоисточки предметов, чтобы восстановить в мире порядок.

Беседовала Ольга Балла

КОНЦЫ С КОНЦАМИ НЕ СХОДЯТСЯ

Будучи географом и занимаясь проблемами неосвоенных территорий, я часто бывал в местах, где край света сходится с концом света, образуя некий угол, называемый в народе медвежьим. Парадокс этих углов заключается в том, что края света здесь часто сходятся, а концы — никогда, и потому время тут как бы останавливается, потрясенное пустотой пространства и простора. Российская эсхатология, из-за безразмерности страны, потрясает безнадежностью своих ожиданий. Складывается даже впечатление, что у нас, в одной, отдельно взятой стране, конец света давно уже наступил, и мы ждем уже не его, а когда, наконец, и это кончится.

Мои размышления о конце света, собственно, безосновательны и бездо-

казательны, но, возможно, добавят некоторые краски в складывающийся эсхатологический венок на нашу братскую могилу.

Хайдеггерианская модель конца света

Человек — существо вечно становящееся и потому принципиально несовершенное во всем.

Мы, например, не верящие, то есть не уверовавшие окончательно, а верующие, то есть бредущие на пути веры, спотыкающиеся о собственные сомнения и недоверие, скорее к себе, чем к Богу.

Человек, по Хайдеггеру, — единственное существо, вынужденное своим мышлением доказывать свое существование и наличие в мире — мы часто

выпадаем из человеческого состояния в животное или окаменелость.

Мы никак не можем ответить самим себе на вопрос «Что есть человек?». Ежегодно публикуются десятки тысяч ответов на него, и ни один из них нас не удовлетворяет. Нам хватает самоиронии не считать себя людьми. Как однажды сказал В.П. Зинченко, «вот мы и нашли недостающее в эволюции звено между приматами и человеком — это мы сами».

Конец света настанет тогда, когда мы твердо и убежденно скажем себе про себя: «*esse homo*» — «се человек».

И тем самым исполним свое предназначение, сойдем с пьедестала под названием «жизнь» и закроем занавес. Как не было без нас никакого юрского периода и мезозоя, так и за нами ничего не станет, потому что, согласно Гете, «человек — это природа, которая познает самое себя», а непознаваемая природа — при чьем роде будет она?

Навигационная модель конца света

Космическому Разуму, который в этом размышлении я впредь буду называть Навигатором, понадобилось воплощение. Разум не может мыслить в одиночестве. Он не может также понимать в одиночестве. Ему в его интеллектуальных потребностях и интеллектуальной работе необходим индукционный контур, необходим навигатум, ведомый.

И выбор пал на неверную, спонтанную, безнадежную плоть биоидного носителя, которому еще надо было имплантировать разум и способность понимать и мыслить. Тут ничего случайного: выбрано было племя предгоминидов, обреченное законами эволюции на вымирание — в их стаях шла отчаянная внутривидовая борьба. Нужен был именно вымирающий вид, контрастный природе и эволюции, а не послушный и покорный им.

Дело в том, что в связи с переходом на прямохождение более всех страдали самки: неестественность прямохождения сказывалась и на менструальном периоде, и на родах, нередко заканчивавшихся смертью.

Прямохождение было вызвано тогдашним (около 4 миллионов лет назад)

циклическим глобальным потеплением, заставившим предгоминидов покинуть горящие леса и саванны и продвигаться в безопасные предгорья. Здесь, среди камней и озер, приматам пришлось переключиться с растений, плодов, корней, насекомых, мелких грызунов на совершенно новую пищу. Рыбу они ловить еще не умели и потому питались зоо- и фитобентосом — моллюсками, ракообразными, водорослями. Чтобы доставать эту пищу, необходимо было нырять, что и привело к прямохождению. Регулярное ныряние имело еще одно важное последствие: гортань и горло оказались слишком близко друг к другу, трагически близко, но эта опасность помогла перейти к членораздельной речи: голосовые мембраны утончились и стали пригодны для тонких и тончайших голосовых модуляций, недостижимых более никем.

Острый дефицит самок привел к формированию гаремной социальной организации: вокруг альфа-самца сплотились самки с детенышами, а молодые самцы оказались на периферии стаи. Они постоянно дрались между собой и одновременно норовили убить альфа-самца. Трехзвенная социальная структура, так называемая бушменская модель, включающая в себя вождя, воина и шута, — пожалуй, самая устойчивая социальная конструкция среди стайных животных.

Два основных инстинкта владели ими — физический голод и сексуальный голод.

Эту ситуацию и застал Космический Разум.

Он сыграл на сексуальном голоде.

Физический голод воображением не утолишь, хоть сколько говори «халва», во рту слаще не станет. А сексуальный голод вполне может быть удовлетворен фантазиями.

И некоторым молодым самцам было вмонтировано то, что сегодня мы называем аутизмом: видение мира не таким, как он есть, а таким, каким его хочется видеть.

И эти юные онанисты, уединяясь от таких же, как они, и от драк с ними, все крутили и крутили свое кино: как они сначала убивают альфа-самца,

своего отца, затем овладевают самкой и получают искомое удовлетворение.

Но ведь это кино можно крутить в обе стороны. И вскоре они обнаружили, что убивать отца вовсе не обязательно. В них проснулась совесть — именно она превратила примата в человека. И с этой идеей, идеей «не убий!» они вернулись в стаю, они, сильные, здоровые, перестали противоборствовать с вожаком, признали его власть и божественность этой власти, они превратились в жрецов и тем звериную трезвенную модель превратили в человеческую четырехзвенную: вождь-жрец-воин-шут.

Ненадежный, хилый, несовершенный, обреченный — биологический вид стал самосовершенствоваться и включился в индукционный контур с Навигатором. Человек часто отступал и впадал в озверение, терял совесть, выпадал из мыслительного диалога с Навигатором — приходилось вновь и вновь заключать с ним Завет и возвращать его в индукционный контур.

Если говорить об основополагающем свойстве человека, то это не смертность его, как полагал Аристотель, а несовершенство. Согласно замыслу Навигатора, рассматривавшего биологическое воплощение мышления лишь как временное, мы начали создавать себе искусственно-техническую замену, совершенную, лишённую наших колебаний и спонтанности. Одно временно мы постоянно искали пути преодоления своей смертности, видя в ней свое главное несовершенство.

В конце концов — и довольно скоро — мы добьемся своего бессмертия. Но, передав более надежным навигаторам индуктивный контур коммуникации с Навигатором, мы интеллектуально умрем.

И это будет для нас, бессмертных, безмысленных и бессмысленных, как камни, конец света.

Гестианская модель конца света

Гестия — богиня домашнего очага. В отличие от всех других богов, она никогда не покидает Олимпа. Согласно «Кратилу» Платона, Гестия — дочь богини пространства Реи и бога времени Хроноса, но она появилась раньше их,

потому что скромная Гестия — богиня Мирового Очага, Истина.

После Большого Взрыва Истина стала разваливаться на куски и фрагменты, называемые нами «идеями» или «богами». Зевс, олимпийцы — это всего лишь осколки той Истины. Кстати, и сама Гестия, богиня домашнего очага, — осколок самой себя. Нимфы, наяды и прочие — мельчайшие дребезги Истины, да и сами мы, если по-хорошему, — далеко отлетевшие от нее фотоны и фантомы.

Богиня Реа регулярно рожала богов, а бог Хронос пожирал их, как делает свинья, пожирающая свой приплод. Аллегорически это довольно адекватно описывает разворачивающуюся молодую Вселенную. Пространство (Реа) все более заполнялось и загромождалось предметами: звездами, планетами, прочим космическим мусором. Эти предметы были немые, пока не появился человек, который стал вопрошать их. И тогда, вопрошаемые, они заговорили, начали вещать о себе, превратились в вещи, по-гречески реа.

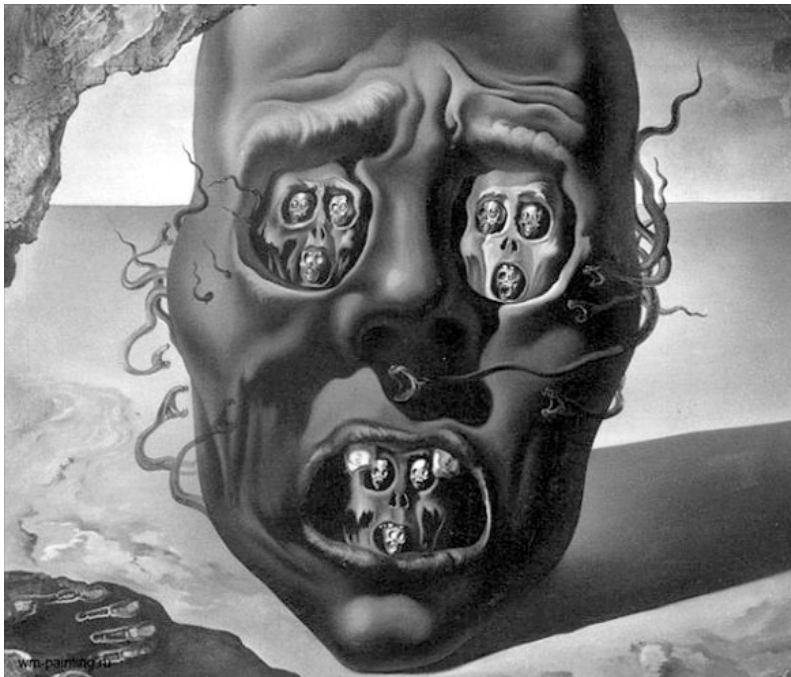
Благодаря человеку мир стал вещать о себе, овеществляться или, говоря по-гречески, реализовываться.

Человек оказался необходим для этого мира своими вопрошаниями и реализацией этого мира. Сегодня астрономы утверждают сильный антропный принцип как основной принцип космогенеза: «Вселенная устроена так и таким образом, что человек присутствует в ней с необходимостью». И каждый из нас только тогда и человек, когда задает свои вопросы пространству и в пространство.

Конец света настанет, когда скромная Гестия, эта олимпийская Золушка, окончательно устанет от наших непрекращающихся и злонамеренных искажений Истины, встанет, разогнет спину и навсегда уйдет от олимпийской плиты и с олимпийской кухни. Терпение ее на нашу ложь, ложь наших правителей и политиков, которым мы потакаем своим послушанием и пропуском этой лжи, лопнет.

«Баста!» — скажет Истина, и мир погрызнет и померкнет во лжи. И это будет самый бесславный, но и самый заслуженный нами конец света.

Апокалипсис. Руководство к действию

Европы больше нет: Перепроизводство сценариев

Набор вариантов возможного окончания существования земной цивилизации сейчас богат и разнообразен, как, пожалуй, никогда. Даже пронизанное апокалиптическими ожиданиями христианское Средневековье, принимавшее идею гибели мира максимально всерьез, остается в этом отношении далеко позади нашей циничной эпохи. Сценарий Апокалипсиса тогда был, по сути, единственный: Второе пришествие Христа и Страшный Суд; вопрос был лишь в сроках, которые не раз назна-

чались и переносились. А у нас сейчас их так много и настолько на любой вкус (и для верующих, и для неверующих; и для доверяющих науке, и для допускающих существование инопланетян...), что впору говорить о подлинном перепроизводстве сценариев апокалипсиса. (Теперь, когда это слово перестало быть именем собственным и лишилось если не всех своих существенных содержаний, то, по крайней мере, основной их части, его самое время писать с маленькой буквы и даже во множественном числе.) Это перепроизводство апокалиптического, пожалуй, вот-вот начнет оборачиваться его не-

допотреблением — обесцениванием: перестанут обращать — серьезное, настоящее — внимание. Уже перестают. Идет, я бы сказала, стремительная его девальвация.

А что нам, собственно, вообще обещают?

Самый распространенный тип ожидаемой катастрофы — космической. В последние несколько лет первое место тут безусловно принадлежало зимнему солнцестоянию 2012 года, когда, по «пророчествам индейцев майя» и безупречно точным указаниям их всезнающего календаря, завершится эпоха Пятого Солнца, и нам всем положит конец грандиозное космическое событие — толкуемое, впрочем, весьма по-разному. Этот вариант превзошел в популярности даже ядерную (или Третью мировую) войну — безусловного лидера эсхатологических ожиданий второй половины XX века — и даже второго лидера: экологическую катастрофу. Сценарий у него очень яркий — собственно, комбинация нескольких типовых сценариев сразу. По одному из многих предположений, мир погибнет вследствие «нарушения всех

космических циклов» после начавшегося 12 декабря 2012 года солнечного затмения» при сочетании с парадом планет и последующим прохождением диска Солнца через плоскость нашей Галактики». В итоге на Земле «произойдет смещение полюсов и всемирное наводнение, от которого есть шанс выжить только у 0,5% населения».

Второй наиболее востребованный вариант космической угрозы Земле — кометы, астероиды, метеориты. Теперь ожидается «прохождение через Солнечную систему всепроникающего и все сметающего облака космической пыли» или «метеоритного потока Тавриды». Но до этого к нам должен еще прилететь губительный астероид Апофис.

Не раз виделась вероятной гибель Солнца (вариант — «катастрофа на Солнце», которое, например, «увеличится в размерах» и сожжет всё живое на Земле — этого ожидал в 2002 году на основе компьютерных расчетов швейцарский астрофизик Армин Ридер). Среди более изысканных вариантов — «сожжение южного полушария Земли

Самая ожидаемая катастрофа — космическая

Затопление Европы

от потока лучей в результате взрыва звезды Альфа Центавра».

Есть сценарии геологические. Страшные землетрясения и сопутствующие им наводнения, которые взломают, столкнут, раздробят и смоят материки, — отнюдь не единственный их вариант, хотя, пожалуй, из самых распространенных. Сновидцы с форума «Хакеры сновидений» ждали наводнений в Европе и превращения ее в «сплошную зону бедствия». На 27 сентября 2013-го они же предлагали подробное расписание «сильного наводнения и землетрясений по всему миру».

Встречаются идеи и менее тривиальные. «Ядро нашей планеты, — сообщал первый же сайт, найденный Гуглом по запросу «Конец Света 2012», — уже приступило к расплавлению земной коры изнутри, и в ближайшие годы полностью ее расплавит, после чего сбросит магматическую мантию.» На том же сайте заинтересованный читатель отыщет

«древний Манускрипт Колбрина, красочно описывающий «тело разрушителя» Нибиру, которое люди видели 12–15 тысяч лет назад», «по-

Иоганн Иерусалимский

дробное видение евангелиста о гибели стран и разрушении Земли, точные сроки исполнения и ужасающие подробности гибели людей от Иоганна Иерусалимского – предсказание, запрещенное и сокрытое тысячу лет», разнообразные пророчества о Третьей мировой войне, об «ускорении времени и страшном голоде», о «цунами, уничтожающих города», предсказанных еще Леонардо да Винчи, не говоря уже о таких мелочах, как нападение Китая на Россию, гибель Москвы, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка и обесценивание денег. И всё это сразу, хотя для достижения нужного результата вполне хватило бы чего-то одного!

Есть варианты и вовсе экзотические. «В 13-й день 13-го месяца 13-го года, – было явлено во сне одному из «Хакеров сновидений», – луч померкнет и мир поглотит новая, никому ранее неизвестная сила, которая будет расти за счет негативной энергии человечества. И прорастет она, и тронет только человечество». Неведомые же Светлые Силы еще в 1991 году передавали нам через контактера Екатерину Касьянову, что «Земля «на самом деле называется Арганакс, во Вселенной имеется всего 12 уровней. Темные силы уже уничтожили 132 планеты, причем в уничтожении участвуют одни и те же 3 личности, которые на каждой планете являются в новом облики». Теперь вот эти три темные личности взялись за нас».

Что объединяет основную часть этих прогнозов (кроме разве безудержного эклектизма, смело соединяющего при построении эсхатологических моделей элементы предельно разного происхождения)? Пожалуй, стремительная утрата представлениями о конце света изначального, религиозного смысла.

Форма обживания грядущего апокалипсиса – его обмирщение. Типовая модель этого события в массовом сознании охотно включает в себя, наряду с прочими, детали, заимствованные у религии – собственно, само представление о Конце Времен и есть главный из них. Даже столкновение с шумерской планетой Нибиру

по майянскому календарю злополучного 21 декабря 2012 года массовое сознание, ничтоже сумняшеся, нередко именovalo Судным днем (по одной из версий, судить и наказывать нас собирались инопланетяне, чьих ожиданий наша цивилизация не оправдала). Но тем не менее (а может быть, как раз в полном соответствии с этим – с вольным обращением с тем, что некогда было безусловно авторитетным и единственным), она становится все более светской. Собственно, уже стала: религиозное, так сказать, аутентичное понимание Судного дня в общей массе коллективного сознания сейчас занимает вполне маргинальные позиции.

«Шок! – голосят заголовки в интернете. – Земле осталось жить два года!» «Человечество не переживет XXI век!»

«Древний коралл, – глумится сайт с характерным названием «Шизополис», – предсказывает гибель мира! Ученые всего мира в ужасе!»

«Черный декабрь, – устрашает с экрана монитора знаменитый астролог или кто-то от его имени, – унесет тысячи жизней!!!» И тут же успокаивает: «Выживут только три знака зодиака». Введите же скорее номер вашего мобильного телефона, чтобы получить доступ к собственному гороскопу и узнать, войдете ли вы в их число!

Само обескураживающее количество культурной, в том числе масскультурной продукции такого рода заставляет думать, будто человечеству (в основном западному) после длившейся пару столетий эйфории покорения мира нравится переживать свою новую беспомощность перед ним. Это новый, обогащающий, освежающий и освобождающий опыт.

Как записал Александр Блок, узнав о гибели «Титаника», – «Есть еще океан!».

Смысловая матрица: чистый ужас

Эсхатологические мифы – повествующие о том, как кончатся мир, – или, что куда чаще, как в Начале Времен он уже кончился – существуют как стандартная часть мироопи-

сания едва ли не у всех народов Земли. Но нетрудно заметить: даже после ухода в западных обществах мифологического восприятия с поверхности культуры в ее глубины, после выхолащивания его изначальных содержаний — более того, тогда-то как раз в особенности! — представление о (катастрофическом) конце мира и страх перед ним остаются устойчивой культурной формой. Даже — смысловой матрицей.

Будучи неактуальным в некоторые периоды истории (предположительно, те, что более прочих создают человеку чувство устойчивости и защищенности, или, напротив, те, где с избытком хватает иных, более повседневных опасностей и забот), в периоды кризисов, культурных разломов и брожений эсхатологическое сознание выходит на поверхность. На нашей исторической памяти так случилось даже дважды.

Первая волна «эсхатологического ренессанса» прокатилась по нашим современникам с конца 80-х годов XX века — до рубежа веков, на который пришлось просто зашкаливавшее количество концов света. На одно только многострадальное 11 августа 1999 года светопреставление назначали по меньшей мере шесть раз. В date «11 августа» современникам явно виделось что-то эсхатологичное: того же числа в 2001 году Солнечную систему должна была всосать черная дыра, а в 2002-м — по другим версиям, в 2010-м — румынский иеромонах Арсение ожидал, что «Южный полюс соединится с Северным, а на Землю обрушится огненный хаос». Обилен апокалипсисами оказался и 2000-й: кто-то подсчитал, будто гибель мира в этом году пророчили более трехсот предсказателей в разных странах. Следующая волна поднялась во второй половине 2000-х — и мы до сих пор на ее гребне.

Конец света в глазах западных людей посттрадиционной эпохи почти, если не совсем, лишился внятных обоснований (например, тех, что он — наказание за грехи или следствие «естественного» старения мира, каким видели его люди традицион-

ных обществ) и стал чистым ужасом. Ладно бы еще экологические и техногенные катастрофы: тут, при всей, предположительно, неоправимости ситуации, человек может чувствовать себя виноватым перед погубленной им природой и собственным несостоявшимся будущим. То есть, остается возможность ценностного самоопределения, придания ситуации хоть сколько-нибудь человеческого лица. Но то, что, например, в Землю ударит астероид, что на Солнце полыхнут губительные для земных энергосистем вспышки или какие-то небесные тела в космосе «выстроятся в одну линию», и вслед за этим на планете начнутся землетрясения, наводнения и иные катаклизмы, человеческими действиями ни вызвано, ни устранено быть не может. То есть, это такой апокалипсис, с которым невозможно ни вступить в диалог, ни занять по отношению к нему личную и ценностную позицию. Основная часть нынешних апокалипсисов — это опыт чистой слепоты, беспомощности и отчаяния.

Приручение Апокалипсиса: алармизм Мебиуса

Перепроизводство сценариев гибели мира и сопутствующей культурной продукции — прямое следствие этой ситуации.

Книги и фильмы о гибели мира, компьютерные игры на апокалиптические и постапокалиптические темы, всё новые и новые, подтверждаемые самыми рациональными аргументами «прогнозы ученых», сайты в интернете, группы в социальных сетях, статьи в периодике, компьютерные игры, сновидения, наконец... — всё это бесконечно, навязчивое проигрывание страхов, расчесывание ран.

Складывается впечатление, что истерия вокруг конца света — это не только бизнес и зарабатывание денег ли, авторитета ли, того ли и другого вместе на чужой доверчивости, не только иносказание и проживание в превращенной форме страхов совсем другого содержания, не просто добро-

совестное заблуждение. Это и своеобразная коллективная психотерапия. Таким образом социум лечится от травм, которые сам же себе и наносит (в том числе — теми же, назойливо разогреваемыми, страхами!).

Избыточный, навязчивый, постоянный страх — уже начало освобождения от страха: хотя бы потому, что к нему привыкаешь. Отрабатываешь типовые формы реагирования. А там, как и всё привычное, перестаешь замечать. Страх смещается из центра сознания — на его периферию. По крайней мере — включаются защитные механизмы, позволяющие с этим жить: как позволяют же они нам уживаться с сознанием собственной неустраимой смертности.

«Околоапокалиптическая» культурная продукция как раз и кажется таким защитным механизмом. Само постоянство апокалиптических ожиданий современной культуры, практически непрерывный ее алармизм — обратная сторона ее же гедонизма, плавно, как лента Мебиуса, переходящая в лицевою: парадоксальный способ снижения тревожности.

В этом смысле можно сказать, что нынешний избыток проектов конца света, самих его дат и всяческой (масс)культурной продукции по его поводу — это своеобразная (варварская, конечно, что естественно для массового сознания, но тем не менее), — работа освобождения. Тем более важная, что освобождаться приходится перед лицом сил, беспощадных и безразличных к человеку — как бы те ни назывались.

В той самой дневниковой записи Блока о гибели «Титаника», за которую позднейшие читатели не раз упрекали поэта в бесчувственности и наивном злорадстве, ни того, ни другого вовсе не было. А было — признание того, что в мире есть силы, неизмеримо и принципиально превосходящие человека.

Да, новейшая апокалиптика — вещь во многом искусственно взвинчиваемая — из разных соображений, включая сугубо прагматические. Но это, по существу, не самое

важное. Важно, что это — новый (в своем посттехнологическом, псевдонаучном, гиперэксцентричном облике) способ проживания человеком своей беззащитности. Обреченности, непоправимости, единственности всего. Это, кстати, — один из важных аспектов человеческого. Без нее, без ее честного и безнадежного проживания, — человек неполон.

Может быть, ради понимания этой неполноты и стоило разрушать те, всё объясняющие, поддерживающие человека над бездной, Большие Традиции и Большие Мифы, от которых человек современных западных обществ мнит себя свободным. (Другое дело, что на место Больших разрушенных Мифов, которое пусто не бывает, приходят во множестве мифы вторичные, самодельные, малые и замещающие — как, например, вера в судьбоносные комбинации знаков зодиака или в инопланетян, озабоченных спасением, а не то, наоборот, наказанием человечества. Только они уже не обладают прежней безусловностью — и, в конечном счете, не защищают.)

Так надо ли бояться конца света (не говоря уж о том, что рано или поздно, так или иначе, персональный или всеобщий — он непременно наступит)? По-моему, безусловно надо. Хотя бы потому, что это действительно страшно. И, значит, дает чувство ценности жизни. Может быть, сегодняшняя лихорадочная, разножанровая, вульгарная, крикливая и нелепая иной раз до смешного апокалиптика — это своего рода реакция на недостаток настоящих, убедительных ценностей, на то, что принято называть их кризисом. Ужас перед концом помогает человеку поднять глаза от мелкого и понять, что для него по-настоящему ценно. Есть еще океан!

Тысячи лет назад золото не имело ценности

Племена, 4,5 тысячи лет назад населявшие Британию, не видели в золоте особого проку, заявили ученые из Бристольского университета. К такому выводу они пришли, исследовав изотопный состав украшений эпохи Бронзового века, обнаруженных на территории Ирландии. Ожерелья и диски изготовлены из золота с примесью изотопов свинца, характерных для золотоносных месторождений, расположенных в Корнуолле и некоторых других регионах юго-западной Англии.

По мнению археологов, корнуолльцы не считали золото ценным металлом и потому легко расставались с ним, продавая украшения «на сторону». Скорее всего, их приобретали ирландские купцы.

Однако древние ирландцы могли почитать золото как священный металл или приписывали ему магические свойства. Они могли опасаться трогать собственные месторождения во избежание проклятия.

«Получается, что золото не всегда было универсальной ценностью для человечества, по крайней мере до того момента, как начали чеканиться первые золотые монеты», – приходят к выводу археологи.

На Марсе нашли стекло

В кратерах Красной планеты обнаружены образцы стекла! Планетологи нашли его с помощью спектрометра, установленного на орбитальном аппарате *Mars Reconnaissance Orbiter*.

Аморфное вещество было найдено в нескольких

древних кратерах, в частности, в 68-километровом Харгрейвсе. Он расположен в местности, изобилующей гидротермальными изломами, что указывает: некогда там было влажно, а значит, могла существовать и жизнь.

Стекло могло иметь естественное происхождение. И не исключено, что марсианское сохранило следы древнейших микроорганизмов или другие следы инопланетной жизни.

По словам экспертов, стекло внутри кратеров образуется в результате выделения большого количества энергии. На Марсе это, скорее всего, произошло из-за столкновения планеты с неким гигантским космическим объектом.

Странная еда в самолетах

Многие замечали, что еда, которую предлагают на борту самолетов, кажется синтетической. Это объяснимо – высота в 10 000 метров сильно влияет на наши обоняние и вкус.

Во время эксперимента физиологи выдали добровольцам наушники, из которых доносился шум в 80–85 децибел, эквивалентный шуму возле шоссе, и попросили участников перекусить. Оказалось, что сладкое утратило сладость, а острое казалось острее...

Физиологи объясняют это тем, что громкий шум воздействует на барабанную струну – систему нервных волокон, передающую информацию о вкусе от языка к мозгу, находящуюся совсем рядом с барабанной перепонкой. «Одно сильное воздействие – и в линии передач вкуса возникают помехи». Мозг не получает сигнала об удовлетворении и требует еще больше, скажем, шоколадных батончиков, совершенно не слушая доводов разума. Постарайтесь сдерживать себя.

Бактерии тут ни при чём!

Швейцарские ученые выяснили, что характерные для сыра дырки образуются не из-за бактерий, как это считалось раньше. На самом деле тут виноваты... крошечные частицы сена, попадающие в молоко во время доения коров. Сено вырабатывает углекислый газ и придает сыру специфический вкус, а образующаяся в ходе брожения углекислота формирует те самые дырки.

Однако за последние 15 лет количество и размер дырок в швейцарских сырах уменьшилось. Возможно, это произошло из-за перехода от ручного доения к машинному, при котором посторонние частицы в молоко не попадают. Так что фермерам, желающим регулировать количество полостей в сыре, придется добавлять в молоко крошки сена вручную.

Звуки природы и производительность труда

Если в офисах воспроизводить звуки природы, работоспособность сотруд-

ников повышается – к такому выводу пришли американские физиологи.

Многие современные офисы работают по принципу «открытого пространства», и зачастую сотрудники не могут сосредоточиться как из-за того, что мешают друг другу, так и из-за психологического дискомфорта. Как панацею ученые предложили использовать так называемый «белый» шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону задействованных частот. Он сглаживает общий уровень шумового загрязнения в помещении.

Ученые провели эксперимент, в ходе которого участников разбили на три группы. Добровольцы выполняли одинаково сложные задания, но в первой группе шум от соседей ничем не приглушался; во второй воспроизводился обычный для офисов «белый» шум, а остальные выполняли задания под звуки горной реки. Испытуемые из третьей группы не только справились с задачей быстрее других, но и сообщили об улучшении самочувствия и настроения.

Ученые рекомендуют руководителям офисов принять эти результаты во внимание и подобрать для своих сотрудников оптимальный «природный» шум. Главное – исключить резкие звуки вроде кваканья лягушек или птичьего щебета.

Кто создает загадочные круги?

О непонятных кругах на полях заговорили вновь – недавно такие появились и

в Ростовской области. Откуда они взялись, неизвестно, а вот возникновение тех, что находятся в Южной Африке, американские биологи попытались объяснить. По их мнению, круги возникают в результате деятельности доселе неизвестных науке почвенных грибов...

Африканские кольца, которые находятся в каменистой пустыне Намиб, впервые обнаружили в 2005 году. Это округлые участки, внутри которых не растет трава. Самые большие из них около 12-ти метров в диаметре, но обычно их диаметр от двух до восьми метров.

Приборы исследователей не показывали никаких отклонений – ни магнитных, ни радиационных, поэтому вопрос об аномалиях быстро отпал. Ученые обнаружили, что эти круги не только загадочно появляются, но и также загадочно исчезают! Цикл жизни маленьких кругов составляет 24 года, в то время как большие «живут» до 75 лет. Исчезать круги могут в разное время, а появляются они после сезона дождей. Это навело ученых на мысль, что круги являются результатом деятельности неизвестных почвенных грибов.

Известно, что грибы могут образовывать сфериче-

ские структуры – например, ведьмины круги, которые создают мухоморы, сморчки, вешенки и шампиньоны. Многие почвенные грибы могут выделять антибиотики, подавляющие рост растений, после чего почва много лет может оставаться непригодной для использования.

Найдено послание в бутылке

Семейная пара Уинклеров, отдыхавшая на одном из Фризских островов, нашла бутылку с посланием внутри. Бутылка плавала в воде у самого берега, сквозь стекло читалась крупная надпись «Break» («Разбейте»). Извлечь содержимое, не разбивая бутылку, не удалось. Внутри находилась открытка с текстом на английском, голландском и немецком языках: нашедшего просили указать, где и как она была обнаружена, и отправить открытку в Морскую биологическую ассоциацию Великобритании за вознаграждение в один шиллинг.

В период между 1904 и 1906 годами морской биолог Джордж Паркер, изучая морские течения, отправил 1020 таких бутылок. С тех пор несколько посланий были возвращены в Морскую биологическую ассоциацию.

Ученые выплатили семье Уинклеров вознаграждение, а сейчас они готовят заявку в Книгу рекордов Гиннеса. Кстати, заказчиком исследования выступал Совет по рыболовству Шотландии.

Хранитель истории

Слово «диссидент» у большинства из нас ассоциируется с шестидесятниками и теми, кто пришел им на смену. Между тем, диссидентство в СССР зародилось раньше, и шестидесятники не были первыми. Мало кто знает об их предшественниках — пятидесятниках. Хрущёвская оттепель продлилась недолго — после событий в Венгрии последовал всплеск антихрущёвских настроений, на которые власть ответила репрессиями: были арестованы более трех тысяч человек. Осенью 1957 года в Москве по делу Московского университета арестовали девятых, среди них — молодые ученые, выпускники истфака МГУ Лев Краснопевцев, Леонид Рендель, Владимир Меньшиков, Николай Покровский, Николай Обушков, Марат Чешков,

студент третьего курса истфака МГУ Вадим Козовой и двое молодых инженеров — Михаил Семененко и Марк Гольдман. Группа ставила своей целью распространение среди населения правды о положении в СССР и поиск выхода страны из сложившейся критической ситуации. После июньского пленума ЦК КПСС 1957 года участники группы напечатали и разбросали в подъездах жилых домов на Красной Пресне и в Сокольниках листовки следующего содержания:

«Товарищи!

Никита Хрущёв с кучкой прихлебателей совершил государственный переворот. Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Сабуров, Первухин и Шендеров (а не только четверо, перечисленные в сообщении) осмелились

поднять руку на нового диктатора и пали жертвами ими же созданной сталинской системы произвола и насилия. Под флагом борьбы против сталинизма Хрущёв возрождает худшие сталинские традиции. Переворот был совершен тайне от народа и от партии самыми грязными приемами и методами. Но их нечего жалеть.

Мы все хорошо знаем нашего нового «дорогого учителя и вождя». Это он был любимцем Сталина и был введен им в Политбюро на место замученного Постышева. Это он истреблял партийные кадры Москвы и Украины в 1937–38 г.г. Это он укрупнил колхозы и довершил разорение деревни. Это он повысил цены, сниженные Сталиным. Это он ограбил народ, лишив его им же гарантированных облигаций, займов. Это он, пьяница и болтун, кукурузный герой, срамит нас в глазах всего мира.

Диктатура Хрущёва быстро приведет к окончательному развалу хозяйства, росту нищеты, политическому зажиму и, наконец, поставит под угрозу само существование России как великой державы.

Давление недовольного народа уже сыграло свою роль. Стачки в Москве, Ленинграде, Ярославле, Донбассе, на Урале (на очень многих предприятиях) осенью 1956 г., отношение народа к займам, удары, нанесенные народам Венгрии и Польши, сделали невозможным открытый возврат к сталинским порядкам, заставили правительство колебаться и маневрировать. Итак, рабочий класс начал борьбу.

Перед вами два пути: оставаться забытыми, покорными и терпеливыми холопами, лишенными чувства человеческого достоинства, или стать людьми, начав борьбу со сталинской системой угнетения, укрепляемой Хрущёвым.

Требуйте:

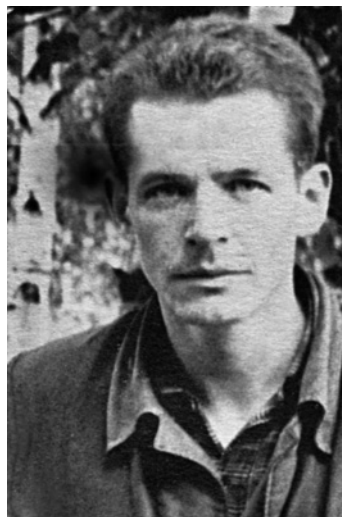
1. Широкой партийной и общенародной дискуссии.

2. Чрезвычайного съезда партии и чистки партии.

3. Суда над всеми сообщниками Сталина по убийствам 1935–1953 гг.

4. Отмены статьи 58, обязательной гласности политических процессов.

Л.Н. Краснопевцев
в молодости

5. Права всех трудящихся на забастовку.

6. Создания рабочих советов с правом смены администрации.

7. Усиления роли советов.

Следуйте примеру рабочих ЗИЛа, потребовавших выступления Хрущёва, Молотова и Маленкова по телевидению. Используйте все методы борьбы: митинги, письма в ЦК, забастовки.

Требуйте, чтобы нам сказали всю правду. Боритесь за свои права!

Прочти и передай другому.

Союз патриотов».

Все участники группы были арестованы, осуждены по статье 58, пункты 10 – антисоветская агитация и пропаганда – и 11 – групповая деятельность и отправлены в лагеря. Процесс назвали «делом Краснопевцева»: текстов антисоветского содержания больше всех написал именно Лев Краснопевцев, кроме того, встречи проходили у него на квартире. Десять лет мордовских лагерей и дальнейшая жизнь под надзором Лубянки до самой перестройки – вот цена, которую Лев Краснопевцев заплатил за свое нежелание мириться со сложившимся в стране положением. После заключения он работал токарем-фрезеровщиком на заводе имени Орджоникидзе, создал музей завода, музей Октябрьского района Москвы, а после перестройки – Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Вот уже

Сталин, Калинин, Ежов

двадцать с лишним лет этот Музей выполняет важную миссию — реабилитирует дореволюционный капитализм, тех самых «эксплуататоров», которые не только создавали материальные блага, но и вкладывали колоссальные средства в развитие социальной инфраструктуры, медицины, образования, науки и культуры.

Сегодня предлагаем читателям журнала интервью с человеком исключительного гражданского мужества **Львом Николаевичем Краснопецевым** — историком, диссидентом, основателем, а ныне — хранителем Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей.

— О пятидесятниках говорят мало, и сведения о них весьма скудны. Между тем, это очень важный момент — появление в обществе, где свежа память о сталинских репрессиях, людей, открыто заявляющих о своем несогласии с властью. Как и когда, на ваш взгляд, появляются в тоталитарном обществе такие ростки?

— Вы понимаете, это длительный процесс. И это очень интересная тема — как сформировался в 50-е годы этот первый слой людей, которые противились системе. Шел неизбежный процесс ее распада. Ни одна тоталитарная система не вечна, поскольку принцип тоталитарности противоречит основам человечес-

кой жизни, двум китам, на которых мы стоим: мысли и труду.

Мысль и труд требуют сотрудничества, требуют взаимодействия, а идея тоталитаризма заключается в подчинении, насилии, выстраивании всех в ряд. Поэтому тоталитарные системы могут иметь только временный успех в период кризисов цивилизации. Так получилось после Первой мировой войны. Тут и появился большевизм, появился фашизм. Но уже в 20-е, в 30-е годы тоталитаризм в Советском Союзе давал сбой. Репрессии 1937-го были попыткой заглушить этот кризис, залить кровью.

После Второй мировой эти процессы распада возобновились и усугубились. А система сопротивлялась, естественно. Начались все эти гонения и чистки, все эти так называемые дискуссии. Философская дискуссия — сорок седьмой год, было заявлено: существует принцип партийности в идеологии, и всё! Все эти Платоны и Аристотели — только через принцип большевистской партийности, а люди, которые не могут избавиться от домарксистских философских теорий, будут отвечать. Дальше — разгром литературы, музыки, науки, борьба с космополитами. Здесь еще, понимаете, в чём дело... Запад военного времени закончился, подъем, восторг от этой побе-

ды прошел, и образовалась некоторая пустота. Хорошо, ладно, мы победили, что делать дальше? Сама действительность питала зарождение критической мысли.

Начиналось всё с критики недостатков, формализма и призывов к оздоровлению, к возврату к исходным позициям, которые были провозглашены в 1917 году. Оснований для критики в начале 50-х было больше, чем достаточно, в том числе и в Университете. Среди студентов начинает вырисовываться тип молодого человека, непримиримого к существующей формалистической, бюрократической картине. Таких ребят становилось все больше. На

истфаке идеализм семнадцатого года был сильнее, чем в других коллективах, и это понятно: это идеологическое было учреждение, эти идеи вбивались в головы сильнее и значительнее, чем где бы то ни было. И тут же они видели практическую картину жизни. Ну, например, каждое лето бригады студентов исторического факультета отправлялись в хозяйства Зарайского района на уборку урожая, и там они видели весь этот ужас в сельском хозяйстве. И тут уже возникал вопрос: эта колхозная система, которая является насилием над природой, над человеком, годится ли она вообще? Такие вот были мысли.

Кризис тоталитарной системы наступил, когда те идеи и лозунги, которые были ее исходными пунктами, дали ей успех и власть в стране в реальной жизни, превратились в свою противоположность, и скрыть это было невозможно. Тоталитарная система разваливалась на две несовместимые части.

— Лев Николаевич, расскажите про вашу группу, как она складывалась?

— Молодежь — она всегда молодежь, всегда есть процент ребят, которые начинают сами, с нуля формировать свои взгляды, свое мировоззрение. Эти молодые люди критического направления, как правило, были активны в комсомольской работе и видели, что она превратилась в сплошной формализм и издевательство над здравым смыслом, что ничего, кроме сбора взносов, проведения собраний на заданную тему и принятия резолюций с одобрением решений партии и правительства в ней нет.

А в реальной жизни много проблем. В том же преподавании исторической науки много недостатков, бывают провалы, когда сотни двоек получают студенты на экзамене по какой-то коренной дисциплине. И что же такое у нас происходит? Мы говорим про идейность и строительство коммунизма, а на экзамене по истории Средних веков 120 двоек на курсе, в чем дело? А тут много вопросов: и о качестве лекций, и о качестве учебников, о ведении семинарских занятий, о подготовке к экзаменам. И вот разгорается баталия на комсомольском собрании с обсуждением всего этого. На истфаке отличался Леонид Рендель. Он был старше нас, он пришел из армии, очень активный был, и на каждом собрании громил недостатки и всякие вопросы поднимал. С точки зрения руководства это полезно — надо же было как-то противостоять падению качества образования. И на каждом курсе такие активные люди появлялись, вырастали.

Молодые люди участвовали в комсомольских мероприятиях по месту работы, учебы, но у них образовывались и какие-то свои круги, кружки, группы, их называли «по интересам»,

но фактически — по склонностям. Люди сближались, становились открытее в обмене мнениями, в разговорах. Шло вызревание новых общественных структур — неформальных, неофициальных — наряду с официальными, и вопрос был только в том, кто кого найдет.

Так складывалась и наша группа. Мы были очень разные. О Ренделе я уже сказал, это был такой громогласный трибун, заводила. На курсе, где училась Люба (*жена Льва Николаевича. — Прим. автора*) таким был Владимир Меньшиков — резкий критик, он был активный во всем, ездил в эти колхозы, работал там, как сумасшедший, и от других активности требовал. Николай Обушенков — из деревни, сын председателя колхоза. Коля Покровский — сын декана истфака Ростовского университета, совершенно из другой среды, научной, он был прирожденный исследователь. Через Леонида Ренделя мы познакомимся с Вадимом Козовым — студентом истфака. Через Володю Меньшикова к нам пришли два инженера — Марк Гольдман и Михаил Семененко, это были его школьные друзья. Так вот мы и собрались.

— В своих воспоминаниях вы пишете, что история как профессия многое дает человеку, но и поработает его: он не может игнорировать понимания происходящего, и вынужден действовать согласно этому пониманию, и что члены вашей группы, пройдя определенные этапы развития, попали в сеть своих открытий и стали заложниками своих идей. Вы понимали, чем это в конечном итоге может обернуться, но иначе поступить не могли.

— Каждый понимал, что проторенной дорогой он идти не может. А как ориентироваться в происходящем, как относиться к теории, к официальным оценкам исторических событий — мы же историки? У каждого в голове шел процесс переосмысления. Когда люди объединяются, и каждый начинает выкладывать, с чем он пришел, появляется смелость, появляется уверенность, что не я один такой странный, кто смотрит иначе. Мы об-

наруживали всё большую близость в теоретических вопросах и оценках современных событий. Создалась среда, необходимая для взаимной поддержки смелых выводов, которые каждый из нас сделал самостоятельно. Без такой поддержки трудно решиться на отрицание основных положений марксизма-ленинизма, к которому каждый из нас подходил интуитивно. Поэтому стремление к такому объединению было логичным и естественным. Объединение дало создание своего мира — отдельного, особого мира, отличного от официального, государственного, который не давал объяснения жизни вокруг нас. Это всегда было, и до революции было — молодежь создавала свои миры и жила в них. Основная масса молодежных групп, которые складывались тогда, стояла всё же на точке зрения XX съезда, считали, что да, правильно осудили сталинизм, а теперь надо заняться очищением ленинизма, что-то исправить, что-то убрать, что-то добавить, а затем на этой базе развиваться дальше. Такие настроения среди истафовцев даже и преобладали. Но мы вот пошли дальше.

— *Какой путь проделали вы?*

— У меня особый был путь. Мое самоопределение началось еще в годы войны, и, как это ни странно, с такого личного момента — буквально с физиологического раздражения культом Сталина. Мне уже тогда было ясно, что люди на своих плечах — кто на фронте, кто в тылу — выносят эту войну, и в то же время я слышу эти дифирамбы в адрес великого вождя — победителя. У меня это вызывало отвращение. Я убирал эту фигуру инстинктивно, само имя даже из своего внутреннего мира. Не произносил его имя, даже когда был секретарем комсомольской организации, не слушал выступлений, не читал приказы.

В школьном возрасте дальше отрицания дело не шло. В Университете было, конечно, очень сильное давление идеологии и пропаганды, но оно встречало противодействие со стороны самой науки. В начале 50-х годов

наука в моем сознании уже пересилила сталинизм окончательно. В 1952 году после ноябрьской демонстрации — мы с Леонидом Ренделем шли вместе — я ему сказал: «Знаешь, я думаю, пока Сталин у руля, никаких изменений не будет».

Когда осенью 1953 года был поставлен вопрос о культе личности, речь шла о том, что это противоречит основам ленинизма. Это, конечно, было воспринято положительно, это давало надежду. Я ведь и в партию вступил в 1955 году: хотя идеологические расхождения у меня становились всё больше, стоять в стороне от практической деятельности, которая приобретала такой положительный характер, не хотелось. И Обушков вступил тогда в партию. Были иллюзии, что не только культ личности будет отброшен, но и что какие-то системные изменения произойдут. Хотелось в этом участвовать, партийный билет давал больше возможностей.

— *После распространения листовки вас арестовали не сразу, через месяц. Более того, вы были назначены председателем международной встречи молодых историков. Видимо, власти боялись международного скандала — в Москве готовились к проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Как вы думаете, фестиваль отсрочил арест?*

— Да нет, не думаю, к этому шло. О нас накопилось достаточно информации, да мы и не конспирировали свою деятельность. Конечно, напрямую говорили о своем отношении к Ленину, к Марксу только в узком кругу, но сам стиль свободного мышления, свободных оценок — он поражал людей, и они с кем-то делились своими впечатлениями, а те — еще с кем-то, и доходило всё куда надо. А в это время уже были арестованы группы в Ленинграде, в Киеве, и за нами следили. Поэтому, когда арестовали Козового, ему назвали наши фамилии — они уже все знали.

— *Про фестиваль рассказывают разные люди, было бы интересно услышать от вас — каким увидели и запомнили его вы?*

— Фестиваль на меня, да и на многих, произвел совершенно ошеломляющее впечатление. После всей этой серой казенной официальной и организованных советских демонстраций вдруг в Москве произошло нечто необычное: собралась молодежь со всей планеты — свободная, радостная, открытая, такая приветливая, живая и талантливая. Тверская улица, Красная, Манежная площади — всё это было заполнено людьми, повсюду музыка, на открытых эстрадах делегации представляли культурные программы. Каждый день до самой ночи продолжался этот естественный всеобщий праздник без официальных мероприятий и президиумов. Мы чувствовали радость от своей принадлежности ко всему человечеству. Препятствий, ограничений не было, люди ходили, где хотели. Мы не видели агентов вражеских сил в гостях фестиваля, и они не видели в нас представителей этого ужасного сталинского мира: все рады, что приехали в Москву, Москва рада, что все приехали. Народ простой, небогатый — студенты в основном.

Фестиваль как-то сглаживал тяжелое впечатление от расправы над Венгрией и от пленума ЦК, недавно прошедшего. Мы не знали, что спецслужбы на фестивале работают во-

Фестиваль в Москве

всю и выявляют «друзей запада». И один участник нашей группы — Вадим Козовой был очень технично разоблачен и арестован сразу после фестиваля. К нему подошел человек, который назвался англичанином, и тот ему рассказал, что он принадлежит к нелегальной молодежной группе и чуть ли не фамилии назвал. А потом этот англичанин — ну, это наши работают, они умеют — потерял свой блокнот в метро. Работники метро нашли этот блокнот и отнесли, куда следует.

Мне фестиваль дал возможность еще раз встретиться с руководителями Союза польских студентов — мы познакомились, когда я был в Польше в составе делегации ЦК ВЛКСМ. Я рассказал, чем мы занимаемся, рассказал, что выпустили листовку. Они нам сочувствовали, но сочувствие это было грустным: они люди опытные, они понимали, чем это для нас обернется, попрощались со мной. Но все же фестиваль подогревал надежду на перемены к лучшему.

Продолжение интервью читайте в следующем номере.

Беседу вела Татьяна Кулешова

Борис Жуков

Тяжелые орудия австралопитеков

В первом номере нашего журнала за этот год, главная тема которого была посвящена палеоантропологии, мы рассказывали о загадке костей из Дикики. На двух костях крупных копытных возрастом 3,2–3,4 миллиона лет были обнаружены царапины, нанесенные камнем с острым краем. Кто же потрудился над ними, если до появления первых представителей рода *Ното* оставалось еще добрых 700 тысяч лет? Все соглашались, что это был какой-то австралопитек – фактически двуногая обезьяна. Но откуда он взял свое орудие? Одни антропологи полагали, что австралопитеку просто крупно повезло: он нашел расколовшийся от каких-то естественных причин камень как раз тогда, когда в его распоряжении была туша животного. Другие допускали, что австралопитеки могли и сами пытаться делать каменные орудия – и именно эти попытки задали то направление отбора, которое через некоторое время и трансформировало их в хабилисов. Отдать предпочтение какой-то одной из этих версий до сих пор было невозможно.

И вот уже в этом году научному сообществу была представлена сенсационная находка, сделанная еще в 2011-м. Американский палеоантрополог Соня Харманд, руководящая поисками древних гоминин на западном берегу озера Туркана (Рудольф) в Кении, случайно обнаружила в местности Ломекви целую россыпь оббитых кусков кремня. После обследования местности и раскопок в руки ученых попало 149 таких объектов. 120 из них просто лежали на склонах холмов, извлеченные эрозией. Но еще 29 нашлись в ходе целенаправленных раскопок пласта древних речных наносов, возраст которого (определенный весьма надежно) – около 3,3 миллиона лет.

Понимая, сколь сенсационна эта находка, группа Харманд привлекла к изучению своих трофеев коллег из 13 других лабораторий. Основные выводы длившегося годами исследования таковы.

Во-первых, сколы на камнях – результат не естественных процессов, а целенаправленной обработки. Ученые выявили три разных технологических приема: удар обрабатываемым камнем о твердую неподвижную основу (например, скалу), соударение двух камней и удар камнем-отбойником по камню-заготовке, лежащему на камне-наковальне. (Среди находок из Ломекви есть и отбойники, и наковальни, и заготовки, и получившиеся отщепы.)

Во-вторых, эти артефакты резко отличаются от древнейших известных орудий – олдувайских. Они грубее, примитивнее, разброс следов ударов на них гораздо шире. Наконец, орудия из Ломекви в 3–4 раза больше аналогичных олдувайских: одна из найденных наковален весит 15 килограммов.

Из всего этого неизбежно следует вывод: эти орудия изготавливали (причем регулярно) австралопитеки. Какой именно вид – сказать трудно. Напрашивается кандидатура кениантропа, жившего как раз в то время как раз в тех местах, но пока это не более чем догадка. Возможно, впрочем, подобная индустрия существовала не у одного вида – в районе Дикики кениантропы никогда не жили, зато там жили афарские австралопитеки, соплеменники знаменитой Люси.

И тут встает интересный и несколько щекотливый вопрос. Когда выяснилось, что человекообразные обезьяны в дикой природе не только постоянно пользуются орудиями, но и регулярно их изготавливают, специфику человеческой деятельности стали искать в «изготовлении орудий посредством орудий же». Предполагалось, что обезьяны неспособны ни на такую глубину планирования, ни на достаточно точные манипуляции с несколькими предметами одновременно. И вот перед нами орудия, изготовленные посредством других орудий, – но изготовленные существами с обезьяньим мозгом. Где же теперь проводить границу, обозначающую качественное и принципиальное отличие человека от обезьяны?

Одинокий голос Клары Иммервар

17 декабря 1914 года в лаборатории доктора Фрица Хабера прогремел взрыв. Стекла на втором этаже особенно вылетели, и стоявшая внизу Клара Хабер увидела вырвавшееся из окон пламя. Она ждала мужа и, конечно, сразу подумала о нём.

Клара в ужасе бросилась в здание и застала жуткую картину. Ее муж Фриц находился в состоянии шока: он, обезумев, бежал по коридору и рухнул без сознания, подхваченный ассистентами. В лаборатории, где произошла авария, возле стола корчился в агонии физик Отто Закур. Его кожа потрескалась, кровь сочилась из всех сосудов. Говорить он уже не мог, только хрипел. Поблизости находилось два ассистента, но они, почерневшие от копоти и контуженные, утратили способность двигаться и соображать. Кларе так и не удалось до них докричаться, и она,

Для меня женщины похожи на прекрасных бабочек: я восхищаюсь их расцветкой и блеском, но не более того.

*Фриц Хабер,
Нобелевский лауреат*

преодолевая ужас, расстегнула Закуру воротничок, чтобы хоть как-то облегчить дыхание, но спасти его было уже невозможно. Через несколько минут один из талантливейших физиков Европы умер у нее на руках.

Однако прежде чем это произошло, Клара метнулась в поисках какой-нибудь аптечки, открыла дверь в подсобное помещение и замерла на пороге... Там, в клетках, беспокойно метались собаки, свинка, две обезьяны, а рядом висели несколько противогазов. В тот момент она испытала шок, осознав, для чего здесь держат этих несчастных. Животные, запертые в неволе, были

приготовлены на заклание. Так же, как и бедняга Отто — одаренный ученый, всеобщий любимец, исключительно скромный и доброжелательный человек. Когда-то Закур был оппонентом на ее защите докторской диссертации. Он восхищался Кларой, единственный называл ее «фрау коллега», всегда встречал улыбкой и добрым словом. Больше не будет встречать.

Тогда она поняла: прежняя жизнь кончилась. И раньше ее путь — путь женщины-химика, жены своего талантливого, но вспыльчивого мужа — не был усеян розами. Ей приходилось выслушивать колкие замечания мужчин, терпеть недовольство директора лаборатории и вспышки гнева мужа. Но были и приятные моменты: прогулки на велосипеде, семейные вечера, испытание нового компрессора в лаборатории. А потом наступил 1914 год, за которым последовал 1915 — начало распространения иприта на фронтах Первой мировой войны.

Война уносит лучших, и Отто Закур стал первой жертвой газовой войны, которую начал ее муж. А она еще до что-то верила, верила его словам. Утром того рокового дня 17 декабря, еще до аварии, Фриц сказал ей, оправдываясь: «Я этой войны не хотел. Не я ее начал».

Потом он, ставший вдруг таким чужим, будет испытывать свои препараты на этих несчастных животных, которые вовсе не понимают, за что их обрекли на мучения. И это тоже только начало. Дальше наступит черед множества людей. Сколько их будет? Сотни? Тысячи? Кларе стало страшно. Надо что-то делать, чтобы этого не допустить.

Тогда она вспыхнула, наговорила Фрицу много колких, обидных слов, требовала понимания, просила образумиться. Но Хабер ее уже не слышал: он совершенно оглох, если можно оглохнуть от собственного триумфа.

Небольшую лабораторию ежедневно навещали генералы и министры кайзеровской Германии. Для наблюдения за первыми испытаниями газов они собрались на небольшой полигон. Клара Хабер узнала об этом и тоже приехала. Ее дальше не пустили, и она стояла неподалеку и кричала мужу, что это убийство.

Отто Закур

— В чём дело? — недовольно спросил генерал. — Чего хочет эта женщина?

— Не обращайтесь внимания, ваше превосходительство, — подобострастно бросил Хабер. — У нее просто нервный срыв.

Из отдаленной траншеи послышался визг убиваемых животных, тех самых — из лаборатории. Клара заткнула уши и бросилась бежать.

Эйфория Хабера проистекала от этого постоянно подогреваемого правительством чувства своей нужности, исключительности. Конечно, их всех интересовал не сам Фриц — провинциал, выходец из еврейской диаспоры. Гораздо больше, чем он сам, им нужен был его талант. И химик Хабер неотвратимо превращался в Доктора Смерть. Он жаждал исследовательского азарта и славы, а люди уже не интересовали его, они стали для него лишь ступенями этой лестницы на вершину жизни.

Для Клары увиденное 17 декабря было тяжелейшим ударом, возможно — трагической кульминацией всей ее жизни. Только профессионал мог в полной мере предвидеть последствия деятельности Хабера и его лаборатории, но ведь его жена и была таким профессионалом — первой женщиной с докторской степенью по химии.

Их первая встреча

Клара была хорошенькая. Для химика — даже слишком. В юности она днями пропадала в собственной лаборатории, заботливо оборудованной в оран-

Клара Иммервар

Фриц Хабер

жерее родительского дома. Сестер немало пугали ее сюрпризы: на день рождения брата Клара самостоятельно изготовила для праздничного торта бенгальские огни и внесла эту вспыхивающую, искрящуюся пирамиду в гостиную, вызвав ужас у женской половины семьи. Зато брат был в восторге. А она, уже забыв о своих взрывоопасных игрушках, с завистью смотрела на бабушкин подарок — новенький велосипед. В то время это была дорогая игрушка, но вскоре такой же появился и у Клары.

Женщина на велосипеде на рубеже XX века вызывала в маленьких городах смешанные чувства: от возмущения до восхищения. Так было везде: достаточно вспомнить рассказ Чехова «Человек в футляре» — там именно эта воздушная, двухколесная машина превратилась в

яблоко раздора между консервативным Беликовым и его новыми знакомыми Ковалёнками. Беликов возмущался неприличной открытостью женских ног при езде на велосипеде.

Примерно такими же взглядами некоторые провожали и Клару тогда еще Иммервар в развевающемся платье, а она, всегда смелая и независимая, игнорировала все косые взгляды и гордо неслась вперед, задрав нос. В этом вызове общественному мнению уже тогда проявлялся ее характер. Но судьба сильнее человека, и в конце концов произошло то, что и должно было произойти: напуганная лошадей, вставшей на дыбы, Клара с велосипеда грохнулась — прямо под ноги трем фатовато одетым студентам, одним из которых был Фриц Хабер. С этого момента ее участь была предрешена.

Молодые люди со смешливым любопытством смотрели, как симпатичная, извалившаяся в пыли блондинка сердито пытается подняться. Только один из них помог ей, а потом проводил до училища и удивился, когда увидел, что она свернула к педагогическому факультету:

— Вы хотите стать учительницей?

Вопрос был с подтекстом: речь ведь шла о женском обучении. И Клара гордо ответила:

— Это единственный шанс для женщин получить приличные знания.

Консервативный Фриц постарался не выдать свои сомнения: она ему нравилась. Нравилось ему и то, что девушка может быть другом, может понимать его научные интересы. С ней приятно разговаривать. Клара действительно очень отличалась от других немецких женщин. Она никогда не говорила о цветах, а при виде младенцев ее глаза не становились сентиментальными.

Бабушка Клары оказалась прозорливее: узнав от сына о новом знакомстве внучки, сокрушенно покачала головой: «Хаберы? Ой-ой-ой! Это же такая ортодоксальная семья». В еврейском мире все семьи наслышаны друг о друге, и бабушка заранее предчувствовала трудности, с которыми придется столкнуться талантливой и своенравной Кларе. Сама Клара ни о чем не подозревала. Хабер восхищал-

ся ее домашней лабораторией, помогал ставить опыты и даже радовался, что у них так много общего. Кажется, они созданы друг для друга и вместе станут продвигать науку вперед, к прогрессу человечества.

Первоначальная лояльность Фрица по отношению к свободе Клары была вызвана еще и тем, что он сам хорошо знал, что такое притеснение. Он был германским евреем, и у него возникали бесконечные споры с отцом. Хабер-старший, ортодоксальный еврей, торговавший аптечными настойками, видел в сыне только свое продолжение и хотел отправить его в коммерческое училище Будапешта и не одобрял стремление к научной карьере:

— В торговле ты сможешь достичь большего! Зачем тебе эти исследования?

— За химией будущее, папа! — возражал сын. — Я стану профессором!

— Каким профессором? Ты забыл, кто ты? В лучшем случае станешь ассистентом химика!

Фрица и Клару сблизило положение изгоев, вынужденных пробивать себе дорогу к большой науке. Ее отказывались принимать в институт, студенты пели ей издевательские песенки, лаборанты портили пробирки. Когда Клара решила по моде отрезать длинные волосы, сестра от ужаса уронила ножницы, а бабушка изрекла: «Самсона ты теперь не победишь».

Химики

Расставшись из-за учебы на несколько лет, Фриц и Клара неизбежно должны были вновь встретиться в химической лаборатории. На свадьбу бабушка подарила Кларе свой жемчуг — семейную реликвию.

Оба были счастливы, и Хабер с гордостью ввел супругу в свой институт. Химики встретили ее появление с некоторым недоумением, лишь Отто Закур поклонился: «Я очень рад, фрау коллега!» Ректор Энглер воспринял появление Клары иначе:

— Вы женились? Поздравляю! Но впредь не стоит приводить сюда жену.

— Моя супруга — доктор наук, она очень талантлива, — возразил Фриц.

— Я слышан об этом, — оборвал его начальник. — И всё же место дамы на живой природе, а не в химической лаборатории.

— Клара — автор многих публикаций в области химии.

— Я читал их, господин Хабер. Но, видите ли, женщина будет вносить в работу научной лаборатории беспокойство.

Энглер оказался и прав, и неправ. Если кто-то в лаборатории ронял пробирку или неудачно производил опыт, в этом винули Клару Хабер. А в 1901 году Клара еще и позволила себе упасть в обморок, надышавшись химических препаратов. Правда, причиной обморока была беременность, но ведь это только свидетельствует о том, что место женщины дома, а не среди вредных препаратов.

Рождение ребенка не изменило характера Клары и не отвратило ее от лаборатории: она была химиком до мозга костей и только потом женой и матерью. При первой возможности Клара являлась в лабораторию, и раздраженные ассистенты вкатывали за этой упрямецой коляску с кричащим младенцем. Теперь даже Фриц Хабер тяготился присутствием жены. Еще больше их разобщила его командировка в Америку. Жену, несмотря на ее просьбы, Хабер с собой не взял: «В США? С младенцем? Да и ты еще слаба».

Ректор Виктор Энглер

Клара скучала в обществе экономки и малыша, рассматривала открытки с видами, присланные из Америки, и думала о химических опытах. Нельзя ломать натуру человека. А Клара не обладала женской натурой. Младенец, плакавший на руках у собственной матери, замолкал и успокаивался, как только его брала экономка Роза. Эта девушка тоже ходила учиться. Клара поинтересовалась, какие курсы она посещает, и услышала в ответ: «Курсы медсестер, фрау Хабер. Это для простых людей, нам в институт не попасть. Но мне нравится учиться». «Еще одна борющаяся за свои права душа», — подумала Клара. Но в ответе Розы было столько скромности и достоинства, что Кларе даже стало стыдно своих амбиций.

В отсутствие Фрица ректор Энглер и его ассистент отказались пускать Клару в лабораторию. Энглер наговорил ей грубостей, а его подручный попытался силой вывести женщину и порвал на ней бабушкины бусы. С Кларой случилась истерика, и ее, плачущую, подбирающую жемчуг, забрала санитарная карета. Лечили нервные расстройства в то время просто и жестоко: надевали смирительную сорочку и топили в ледяной воде. Такие процедуры на время сделали Клару совершенно пассивной и равнодушной к происходящему.

Вернувшись из Америки, Хабер старался разнообразить ее жизнь, но это было уже не в его силах: он свою жену не понимал. Единственным человеком, оценившим профессиональные достоинства Клары, стал коллега Хабера, химик Давид Сакс. Он был австриец, а в Австрии, с ее высоким уровнем химии и медицины, к ученым женщинам относились с большим уважением. Сакс катал Клару на воздушном шаре, даже хотел увести ее из семьи. Верность супружескому долгу не дала Кларе изменить свою судьбу. На прощание Сакс сказал ей пророческие слова: «Вы совершаете большую ошибку».

Трагедия или статистика

Возможно, Клара как раз поступила умно, надев на себя маску любящей жены и матери. К ней наконец-то стали

относиться с уважением солидные немецкие мужчины, посещавшие их дом, — как относятся к достойной, социально адаптированной женщине, соблюдающей свой семейный долг. Мало этого — ее наконец-то перестали грубо выставлять из комнаты во время деловых разговоров, приглашали к общему столу, спрашивали совета. Но ей недолго пришлось носить эту маску. Началась война, и все вокруг как будто пошло с ума. По всем улицам с каменными лицами маршировали те самые новобранцы, которых Эрих-Мария Ремарк называл «седыми мальчиками». Газеты пестрели заголовками: «Мы идем к большой войне!» Даже ее собственный сын отдалялся всё больше, он с гордостью собирал военные пожертвования по поручению учителей. Клара запротестовала, отказалась дать ему денег на войну и услышала в ответ: «Мама, ты ведешь себя не патриотично!»

А потом произошел взрыв в лаборатории, и не стало Отто Закура. Клара решительно вошла в кабинет Хабера и потребовала объяснений.

— Отто погиб как герой во славу отечества! — отрезал он.

— Но для чего эти животные? Для чего противогазы? Чем вы там занимаетесь?

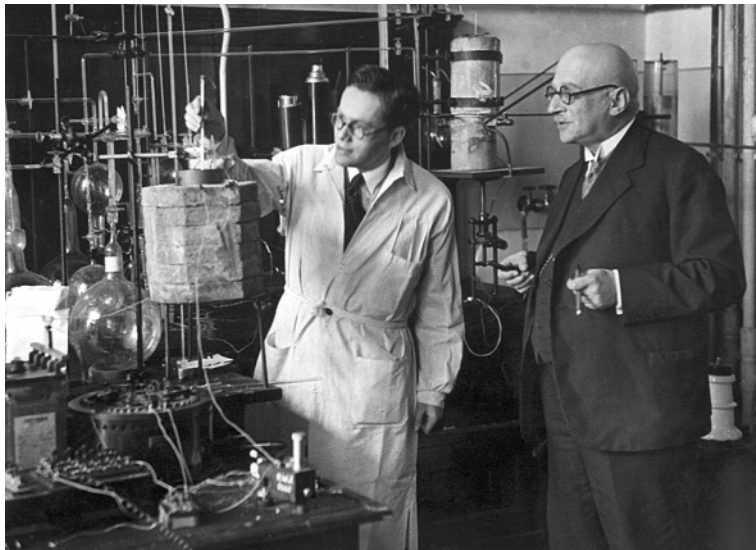
— Да, ты права, — Хабер зло и невесело рассмеялся. — Газеты врут о наших успехах. Армия увязла на Восточном фронте. И кайзер обязал нас...

Их жесткий разговор был прерван: к профессору Хаберу пришли «господа важные офицеры». Именно тогда она и узнала всё — пошла в лабораторию, изучила пробирки, поняла, что Хабер занимается изготовлением отравляющего вещества кожно-нарывного действия. Клара поехала на полигон, попыталась остановить Фрица. Ее выпроводили.

— Извините, — сказал Хабер. — Здоровье моей жены несколько расстроено.

— Жаль это слышать, — ответил генерал с иронической улыбкой.

Дома Хабер устроил ей безобразную сцену и впервые ее ударил. Поднявшись с пола, она сказала: «Ты говорил мне, что собираешься добывать хлеб

Фриц Хабер в лаборатории

из воды, на пользу обществу. Мы же об этом мечтали!»

Женщина, которая всем мешает

С этого декабрьского дня Клара превратилась для Фрица Хабера в большую проблему. Если бы она устраивала сцены только ему, с этим еще можно было бы мириться, но Клара принялась писать статьи. Она ведь и раньше, еще до замужества, это делала, причем весьма успешно. Но антивоенные статьи в вооруженной до зубов Германии 1915 года — безумие! Клару и считали безумной, опасной сумасшедшей. Сидевшие в редакции дамы-начальницы — именно в газетах, этом источнике пропаганды, женщины консервативной эпохи нашли-таки свою феминистскую лакуну — обвиняли Клару в отсутствии патриотизма, позорном пораженьстве и даже в предательстве:

— Это же пацифистский памфлет! О чем вы думали, когда это писали? Наши мужья отдают свои жизни на полях войны, а вы печатаете возмутительные гадости! Вы недостойны называться немецкой женщиной!

Она молча выслушивала патетические отповеди, забирала свои статьи и уходила, понимая, что бьется в закрытую дверь. Ее никто не слышал.

Клара обращалась к ученым, бывшим коллегам Фрица, просила о по-

мощи, говорила, что целью науки является мировой прогресс и помощь народам. Ее выслушивали, но помочь ничем не могли.

— Я не знаю, что мне делать! — говорила Клара Хабер. — Скажите, как мне быть?

— Ну, что же тут можно сказать. Мы живем в тяжелые времена. Ступайте домой и молитесь, чтобы всё поскорее закончилось.

Двенадцатилетний Герман стал гордо носить мундир, подаренный отцом. Когда Клара велела ему переодеться в штатское, мальчик обиженно бросил: «Я тебя ненавижу!»

Так она оказалась в полной изоляции.

Ядовитые зеленые облака

22 апреля 1915 года началось сражение у Ипра, целью которого был эксперимент со смертельно опасным оружием. Для тех, кто это организовал, — игра, не более. А то, что на кону сотни и тысячи жизней, так ведь это... Хабер так и говорил: «Люди — расходный материал. Они всё равно когда-нибудь умрут».

Над траншеями внезапно поплыли зеленоватые облака. Они плыли в сторону и накрывали окопы, будто одеялом, потом поднимались вверх

Ипритовая атака

Солдаты, пораженные ипритом

и, подгоняемые ветром, превращались в бело-голубой туман, похожий на тот естественный туман, который можно видеть над полем поутру. За этим туманом наступали германские войска. В двух километрах к западу от станции Ипр ощутили запах газа, а затем у людей начало жечь глаза, отекала слизистая оболочка носа и горла, началось удушье. Французские войска состояли в основном из алжирцев, и они первые испытали на себе действие газов. Алжирцы бежали и падали, они сильно кашляли и задыхались, некоторые покрывались гнойными язвами. Войска были деморализованы и рассыпаны, лазареты переполнены.

Однако германцы кое в чем прочитались. Войска кайзера были остановлены, многие немецкие солдаты бежали от собственного газа.

Пленные, которых захватили в течение ближайших дней, объясняли, что их не снабдили защитными масками, а многие противогазы оказались попросту неисправны, поэтому они сами пострадали: газ причинил острую боль их глазам и повредил легкие.

В общей сложности из-за газа, произведенного в лаборатории Хабера, пострадали 100 000 человек. Многие неучтенные скончались позже, поэтому не попали в число потерь.

2 мая 1915 года Хабер праздновал победу. Кайзер наградил его и сделал почетным капитаном германской армии. В их доме танцевали и веселились чиновники и генералы. Вино лилось рекой. Фриц поднимал одиност за другим – за победу, за альянс войны и науки, за здоровье кайзера. Поздно ночью, когда гости уже разошлись, он услышал выстрел. Клара

вышла в сад и на ступеньках дома пустила себе пулю в грудь.

В своем прощальном письме мужу она писала:

«Дорогой Фриц! Когда мы встретились, мне казалось, что мы оба станем служить науке, ее благородным деяниям. Это был наш союз, и он давал мне силы.

Мне жаль, что я не оправдала твоих ожиданий. Я хотела быть хорошей матерью, но едва ли я нужна своему сыну. Возможно, я могла быть хорошей женой, но этого не случилось, потому что я ошибалась, думая, что идея науки нас объединяет. Я оказалась никем не услышана и не понята. Что ж. Возможно, кто-то услышит мое молчание».

Нобелевский лауреат

Хабер после смерти жены горевал недолго: отечество требовало от него новых свершений. Он давно уже заметил себе замену прежней жене — свою секретаршу Шарлотту. В конце войны они поженились, и у них родились еще два сына. В 1918 году химик получил Нобелевскую премию за каталитическое образование аммиака из водорода и атмосферного азота в условиях высокой температуры и давления. Хлеб, о котором говорила Клара, уже не был нужен, главной ценностью стало золото, и Хабер хотел добыть драгоценный металл из воды.

Но Фриц в своем рвении и азарте забыл о своем происхождении, и оно вскоре напомнило ему о себе само. В стране пришел к власти нацизм. Для Хабера было сделано исключение: он мог спокойно трудиться в своей лаборатории. Однако ему предписывалось уволить всех сотрудников-евреев. Ученый возмутился: «Для меня имеют значение знания и талант, а не национальность». Тогда ему указали его собственное место.

Супруга Хабера, более дальновидная, чем он, уже развелась с ним и увезла детей в Англию. Хабер тоже поспешил уехать в Швейцарию. В этот момент о нем вспомнили его со-

Хабер в Швейцарии

родичи — пригласили возглавить институт в Палестине. Но в «землю обетованную» Хабер так и не уехал: он умер в Швейцарии в 1934 году от сердечного приступа.

Но даже после смерти ученого зловещая тень его научных открытий расплзалась по земле. Все родственники Хабера, все его братья и сестры погибли в концлагере Дахау от того самого газа, который он создал в своей лаборатории.

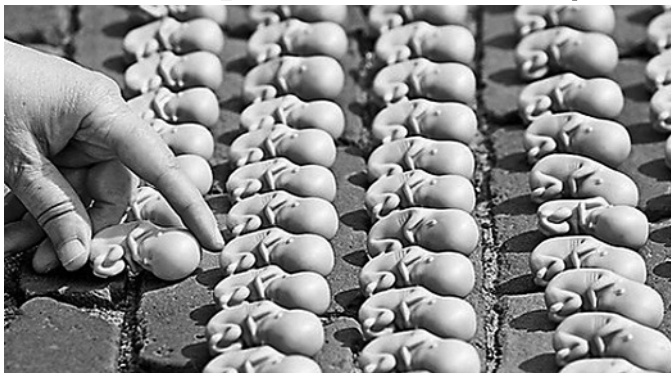
Сын Фрица и Клары Герман оказался в 1941 году во Франции, но гражданства ему не дали, и он перебрался в США с женой Маргарет, которая скончалась в самом конце войны. Все пережитое и ужас от деяний собственного отца сломали волю Германа Хабера, и в 1946 году он покончил с собой.

Так закончилась история этой семьи. Можно, конечно, сказать, что их всех убила война: и Хабера, и его родственников, и Клару, и Отто Закура, и сына Хаберов, и тех безымянных солдат, задохнувшихся в окопах. Но это будет размыто, безадресно. Виновных нужно называть поименно, как и тех, кто пытался этому противостоять.

Конечно, Клара ничего не могла сделать. Никакие усилия, никакие доводы уже не могли остановить запущенную машину смерти. И последний поступок Клары — это честный выбор профессионала, осознавшего свое бессилие.

Первая супруга Фрица так никогда и не стала Кларой Хабера. Она осталась Кларой Иммервар.

Жертвы аборта

Что мы знаем о лисе?..
Ничего. И то не все
Борис Заходер

Председатель Комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей *Елена Мизулина* **знает, что** число абортов у нас значительно выше, чем об этом сообщают чиновники Минздрава. «Не 900 примерно тысяч в год, а в 5–8 раз больше. То есть речь идет даже о миллионах абортов», – публично заявила она на заседании палаты, ссылаясь на экспертные оценки.

Константин Щеглов. О прекращении финансирования абортов за счёт налогоплательщиков вновь с беспокойством заговорили в обществе. «Медицинская газета», 20 марта 2015 года

Демоскоп знает больше.

Нам кажется, что депутат Мизулина совершенно правильно ставит под сомнение официальные оценки государственных ведомств, демострируя сопоставительные отношения законодательной и исполнительной ветвей власти. Предлагая смелую и широкую вилку – в 5–8 раз больше, – она оценивает, таким образом, число абортов в России в 4,5–7,2 миллиона в год.

Надо сказать, что данные Минздрава действительно отражают не все аборты, более полную оценку их числа дает Росстат, учитывающий также сведения о прерывании беременности в медицинских учреждениях других ведомств (например, Минобороны или МЧС), а также в частных медицинских учреждениях, имеющих лицензию на производство аборта. По данным Росстата за 2013 год, в стране было произведено 1012 тысяч абортов – как ви-

дим, несколько больше, чем по данным Минздрава (он отчитался за 881 тысячу абортов), но, скажем прямо, существенно меньше, чем полагает госпожа Мизулина.

Всё же мы не можем с порога отвергнуть и мнение г-жи Мизулиной, опирающейся, как-никак, «на экспертные оценки». Хотелось бы, конечно, хоть разок взглянуть на эти экспертные оценки и на их авторов, которые, кажется, окормляют не только Государственную Думу, но и Московскую патриархию, потому что те же миллионы абортов нет-нет да и возникают в выступлениях уважаемых церковных иерархов. Но пока не удастся.

Зато наличие экспертов-невидимок облегчает задачи Демоскопа. Ведь не станет же Демоскоп, с его хорошо известным уважением к власти, критиковать депутата Государственной Думы. Так и не до того еще можно до-

критиковаться! Да и не поймет нас госпожа Мизулина с нашими глубокомысленными вычислениями. Будучи юристом без специальной математической подготовки, до скольких-то она считать, возможно, умеет, по крайней мере, до двух — иначе как, например, отличить однополую любовь от двуполой? — но когда счет идет на миллионы, тут нужна целая Счетная палата с физико-математическим образованием. Так что, минуя г-жу Мизулину, мы обращаемся непосредственно к невидимым экспертам — они-то уж наверняка умеют считать до миллиона и даже дальше, возможно, даже и в рублях. Их мы и просим оценить наши контртезисы.

Итак, контртезис первый — даже если он и не понятен отдельным депутатам или служителям церкви, уверяем вас, в нём нет ничего неприличного: нельзя сделать аборт, если до этого не было зачатия.

Контртезис второй: общее количество зачатий в любой стране (даже и в России, привычно идущей по своему особому пути) зависит от количества женщин в тех возрастах, когда зачатие вообще возможно. Обычно к ним от-

носят возраста от 15 до 50 лет, количество женщин в этих возрастах в России известно.

Контртезис третий: общее количество зачатий зависит также от того, сколько зачатий приходится, в среднем, на одну женщину в каждой возрастной группе. В данном случае нас интересуют максимальные значения этого показателя: каким могло бы быть максимальное число зачатий в расчете, скажем, на одну женщину или на 1000 женщин в возрасте 20–24 года при полном отсутствии практики предотвращения беременности — и так для каждой возрастной группы.

Загвоздка в том, как оценить эти максимальные значения.

Есть несколько способов, воспользуемся самым простым и наглядным.

Имеются оценки возрастных коэффициентов рождаемости для населения Европейской России конца XIX века. В это время в России царили традиционные семейные ценности, брачность была очень ранней и всеобщей, подавляющее большинство населения, в основном крестьянского, не прибегало ни к предупреждению беременности, ни к аборту, в

Максимально возможное число зачатий в 2012 году и их последующее распределение при разных допущениях в отношении числа абортов

	При оценке числа абортов Росстата	При оценке числа абортов Мизулиной	
		Нижняя планка	Верхняя планка
Максимально возможное число зачатий в 2012 г.	7850	7850	7850
<i>Из них:</i>			
Предотвращено	4890	1454	–1246
Закончилось рождением в 2013 году*	1896	1896	1896
Закончилось абортом в 2012 году**	1064	4500	7200

* Чтобы не усложнять расчет, мы принимаем, что все дети, родившиеся в 2013 году, были зачаты в 2012, хотя, конечно, это не так. Часть из них была зачата уже в 2013 году. Это допущение делает наш расчет не совсем точным, однако на порядок величин, конечно, не влияет.

** Здесь та же условность: какая-то часть прерывания беременностей, возникших в 2012 году, могла быть совершена в первые месяцы 2013 года, однако мы сопоставляем число рождений 2013 года с числом зачатий 2012 года, пренебрегая возникающей при этом небольшой погрешностью.

результате уровень рождаемости был одним из самых высоких в истории. Коэффициент суммарной рождаемости превышал 7 рождений на одну женщину.

Хотя число рождений даже и при отсутствии практики искусственных абортов несколько меньше числа зачатий из-за возможных самопроизвольных абортов (выкидышей), разница обычно невелика, так что, с определенными оговорками, можно приравнять максимальное число зачатий на 1000 женщин каждой возрастной группы к числу фактических рождений у этих женщин (тоже на 1000). В этом случае мы имеем все данные для расчета возможного максимального числа зачатий в 2012 году при условии, что ни одна женщина и ни одна супружеская пара не прибегает ни к каким методам предотвращения беременности.

Хотя мы понимаем, что такого числа зачатий, как в конце XIX века, даже и при отсутствии контрацепции в России начала XXI века быть не может, потому что у нас нет той ранней и всеобщей брачности, которая в былые времена сильно отличала Россию от стран Западной Европы, но мы делаем скидку для г-жи Мизулиной, точнее, для ее экспертов, и на все соглашались. Пусть будет то, что получилось в результате нашего расчета: в 2012 году все российские женщины в возрасте от 15 до 50 лет могли бы зачать, не прибегая к соблазну контрацепции, 7850 тысяч детей.

Далее мы оказываемся на развилке. Согласно статистике, только 1896 тысяч этих зачатий закончились рождением детей в 2013 году. По данным Росстата, еще 1064 тысячи закончились абортом, а 4890 тысячи в действительности не состоялись, так как были сознательно предотвращены.

Оценка мизулинских экспертов дает совсем другой результат. В лучшем случае, сознательное предупреждение беременности предотвратило около 1,5 миллиона зачатий, все остальные беременности состоялись и были прерваны искусственным абортом. В худшем же случае

число прерванных беременностей оказывается отрицательной величиной, мы не знаем, как это трактовать и ждем пояснений от авторов экспертных оценок.

Но даже если ограничиться минимальной оценкой («в 5 раз больше»), то нельзя не подивиться поверившей в нее г-же Мизулиной: за кого она принимает российских женщин?

Может быть, она просто не знает, что большинство из них знакомы со средствами предотвращения зачатия? Это было бы даже симпатично: что-то вроде милой и наивной Долли Облонской, которая, наплодив кучу детей, вдруг случайно узнала о возможности самой регулировать их число. «Открытие это, вдруг объяснившее для нее все те непонятные для нее прежде семьи, в которых было только по одному и по два ребенка, вызвало в ней столько мыслей, соображений и противоречивых чувств, что она ничего не умела сказать... Это было то самое, о чем она мечтала еще нынче дорогой, но теперь, узнав, что это возможно, она ужаснулась».

Но так ли наивна г-жа Мизулина? В одном интервью она рассказала: «Я хотела троих. Мы с моим мужем хотели троих. Но случилось так, как случилось. Нам даровала судьба двоих». Демоскоп далек от того, чтобы комментировать личную жизнь депутата, наше внимание привлек лишь один небольшой фрагмент ее высказывания: «Я хотела троих». Судя по эти словам, г-жа Мизулина — далеко не Долли Облонская, она отнюдь не чужда представлений о том, что люди могут планировать число собственных детей, и эти представления ее ничуть не ужасают. Мы не знаем, каким способом депутат ограничила число своих детей двумя или намеревалась ограничить тремя, но то, что она верит экспертам, утверждающим, будто большинство россиян делает это с помощью аборта, нас настораживает. Не слишком ли г-жа Мизулина оторвалась от жизни?

Было время, когда число абортов в России поднялось до немыслимых ве-

личин. В середине 1960-х годов их число достигало 5,5–5,6 миллиона (сегодняшние сновидения г-жи Мизулиной и ее единомышленников), почти три из четырех зачатий заканчивались абортom. За это мы должны благодарить тогдашний Минздрав, а может быть и тогдашнее политическое руководство СССР, которые прочно перекрыли пути в страну развернувшейся как раз в это время на Западе «контрацептивной революции».

Но в начале 1990-х годов то ностальгическое время закончилось, Минздрав и его политическое начальство утратили монополию на всё на свете, резко расширилась доступность современных противозачаточных средств и информации о них. Более того, любимое государство в кои веки вспомнило, что оно должно помогать своим гражданам находить ответы на изменившиеся в корне условия их семейного существования, а не рекомендовать им жить по старинке, и даже учредило специальную программу «Планирование семьи», целями которой было «обеспечить семье рождение желанного ребенка, повысить сексуальную культуру семьи, молодежи; обеспечить высокий уровень медицинской технологии планирования семьи, добиваться снижения материнской и младенческой заболеваемости и смертности; снизить число абортom на 25–30 процентов от исходного уровня».

Правда, довольно скоро государство – не без помощи добрых людей, которых особенно много среди депутатов Государственной Думы, – стало сворачивать эту программу. Но было уже поздно, число абортom быстро пошло на спад, задания программы очень скоро оказались перевыполненными. В 1994 году, когда принималась программа, в стране было сделано 3060 тысяч абортom, в 2013 – 1012 тысяч, на 67% меньше.

Снижение числа абортom принадлежит к числу безусловных демографических достижений последних двух десятилетий, но почему-то наши депутаты, пропагандисты и прикнущие к ним любители, которые

во всем ищут только позитив, этого реального достижения замечать не желают. Отсюда и фантастические 4–6 миллионов абортom, которые требуют срочной мобилизации каких-нибудь репрессивных мер – а то наше государство как-то совсем забыло, что добро должно быть с кулаками, и всё глубже и глубже увязает в болоте либерализма.

Каждый, буквально каждый – от депутата Государственной Думы до приходского священника – знает, что женщины делают абортom для своего удовольствия. Можно ли ответить на это чем-то, кроме осуждения и наказания? И надо торопиться, потому что абортom становится всё меньше и меньше, неровен час, докатымся до состояния каких-нибудь Швейцарии или Нидерландов, где на 100 родов приходится 13–15 абортom, – тогда наши борцы с абортom могут попасть под сокращение.

Хорошо еще, что у нас есть замечательная гуманная, просвещенная и сознательная общественность, в том числе и медицинская, которая тоже считает, что надо усилить борьбу с абортom, пока они совсем не сошли на нет. Нас порадовало, например, решение XVIII конгресса Союза педиатров России, «прошедшего, – как сообщает пресса, – с участием зарубежных специалистов», поддержать предложение вывести абортom из системы обязательного медицинского страхования. Если пока нет возможности полностью восстановить норму дореволюционного Уложения о наказаниях, предусматривавшую тюремное заключение женщины, сделавшей аборт, на срок от 4 до 5 лет, так хоть рублем накажем.

В то же время нас удивляет, что наши, безусловно просвещенные критики свободы абортom не ссылаются на таких известных и успешных борцов против этой свободы, как Гитлер, Сталин или Чаушеску. Та же госпожа Мизулина, например, что же она – какой-то Иван, не помнящий родства?

Александр Горянин

Легко ли стереть стереотипы?

Ф.В. Шелов-Коведяев.

Мир и мы.

Стереть стереотипы. –

СПб, Алетейя, 2012.

Объемистая книга Федора Шелова-Коведяева «Мир и мы» вызывает немедленное желание взять ее в руки, и причин тому несколько. Главная из них в том, что автор представляет собой крайне редкое среди отечественных политиков и публицистов явление прозападного настроенного российского патриота. Ярко выраженный патриот, но при этом враждебный узкому национализму и, вдобавок, либерал и консерватор – есть от чего впасть в ступор нестойким умам бывших преподавателей марксизма. Шелов-Коведяев отстаивает свои взгляды всегда непоколебимо и последовательно, и это одно уже гарантирует нестандартное чтение.

Другая причина заключается в хорошо известных фактах биографии автора. 13 месяцев (притом судьбоносных для становления новой России – с октября 1991 по ноябрь 1992) Шелов-Коведяев был первым заместителем министра иностранных дел РСФСР (затем РФ), специальным представителем Президента России (в ранге министра), курировал отношения с государствами СНГ и международными организациями. В числе его заслуг установление рабочих отношений с Евросоюзом и с НАТО после ликвидации Варшавского пакта, сохранение за Россией постоянного членства в Совете Безопасности (тот, кто думает, что это случилось само собой, ошибается: постоянным членством в Совбезе с правом вето располагал самоликвидировавшийся СССР, а постсоветская Рос-

сия, уже как новое государство, должна была утверждать свое преемство).

Проевропейский настрой 36-летнего дипломата вызывал скрежет зубовный прокоммунистических сил, однако причиной расставания Шелова-Коведяева с МИДом стал не этот скрежет, а личное несогласие с начавшимися переменами внешнего курса страны. Действия министра Козырева перестали его устраивать, и он подал в отставку – жест в то время почти неслыханный. Советская чиновная привычка брать под козырек при смене начальственного курса еще продолжала господствовать, и Шелов-Коведяев сломал ее одним из первых, хотя даже в наши дни отставки по принципиальным соображениям – дело нечастое. Интересно отметить, что ряд сотрудников МИДа с облегчением отнесся к уходу коллеги главным образом из-за его широкополой шляпы, а еще потому, что подписываясь своей двойной дворянской фамилией, он соблюдал твердые знаки в конце каждой ее составляющей.

Уйдя из МИДа, Шелов-Коведяев продолжил свою деятельность как народный депутат РФ, член Конституционной комиссии. В 1993–1995 годах был заместителем председателя Комиссии

законодательных предположений при Президенте РФ, членом политсовета партии «Демократический выбор России», сопредседателем Международного Российского клуба, созданного для продвижения русской культуры и развития связей с соотечественниками в ближнем и дальнем Зарубежье. После 1995 года вернулся к преподавательской (профессор политологии Высшей школы экономики) и научной работе.

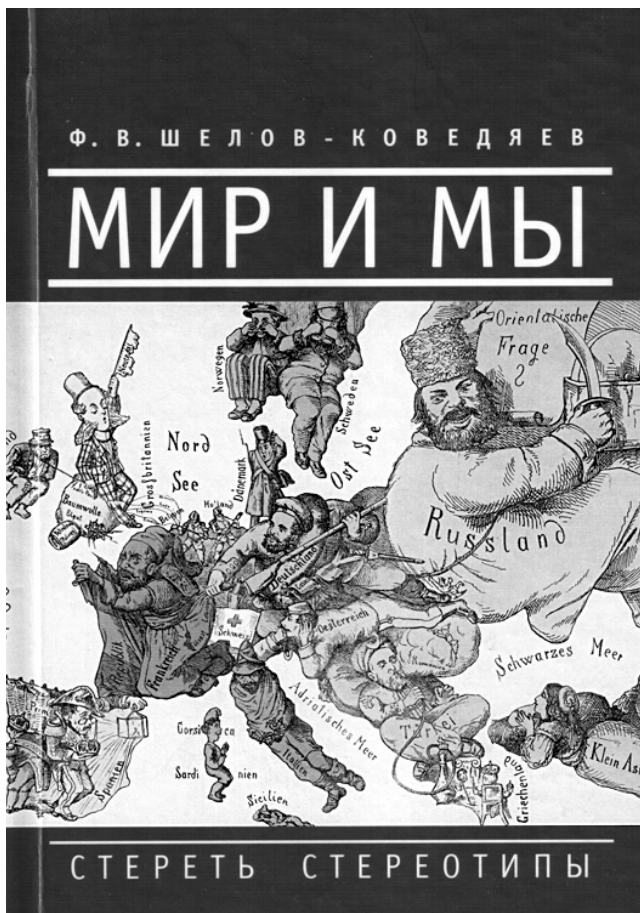
Книги такого автора (а Шелов-Коведяев по образованию и доперестроечной научной специализации — еще и византолог, знаток античной и раннесредневековой истории и географии, а, значит, привык мыслить пространствами, эпохами и этносами) заведомо интересны.

Очень важно и то, что Шелов-Коведяев — враг обтекаемых, неуверенных, застенчивых формулировок. Как человек со стройной и законченной (что не обязательно синонимично слову «верной») картиной мира, он излагает свои мнения четко и резко, причем его уверенность порой гипнотизирует. Так, он без оговорок и тени сомнений называет конечным врагом России Китай и призывает не строить на этот счет иллюзий. Хотя не исключает возможности длительных ситуативных отношений с Китаем — торговых и иных.

Но заветная идея (или даже идеал) автора — стратегический союз России с Западом и в первую очередь с США, «единственной страной Запада, сохранившей позитивную энергетику» (стр. 84). И, добавил бы я, страной, сохранившей четко выра-

женную (при всех возможных и законных оговорках) этическую составляющую в политике, о чем часто забывают или просто не берут в расчет политики, имеющие дело с этой страной.

По мысли автора, Россия попала в слишком большую зависимость от собственных стереотипов. Если в вялое, бессобытийное время (а когда бывает такое?) с этим еще можно мириться, то в пору нынешнего мирового системного кризиса, когда жизнь ставит перед нами всё новые жесткие вызовы, не пересматривать стереотипы просто опасно. В рамках такого пересмотра Шелов-Коведяев призывает — и этот совет многих поразит — брать лучшее из опыта бездумно и огульно охаянных 90-х. В значительно худших условиях конца существования СССР Борис Ельцин сумел сломать не просто опасные — гибельные стереотипы, и этим, возмож-

но, спас страну. Теперь у России есть всё, чего ей тогда не доставало: и огромные золотовалютные резервы, и дееспособные субъекты бизнеса, и опыт, позволяющий избежать тех издержек, которые неизбежны при «корректировке» экономики, и (да, да!) административный ресурс Кремля.

Книга Шелова-Коведяева насыщена смыслами, по-хорошему «плотна». Вот названия нескольких глав: «Свобода есть судьба», «Мегапроект для Леванта», «Динозавры Евросоюза», «Сны разума», «Материк Византии», «Бедный маркиз», «Этническая история России», «Беловежье», «Газофобия», «Правовая тайга», «Заграница не поможет», «Фантомы евразийства», «Веберовские химеры», «Нужен кураж», «Транспортное сердце мира». А всего таких глав 61. Плюс заключение «Кризис – отличное время для реформ». В книге затрагиваются, среди прочего, такие темы, как Смутное время, Чаадаев, славянофильство, русско-польские антиномии, культурная антропология женщины и многое другое, но всё это не случайные вставные куски – нет, у автора одно вытекает из другого в его «публицистической поэме», призванной показать наши взаимоотношения с миром.

Последовательно излагать содержание такой книги – дело безнадежное. Ограничусь тем, что перескажу наиболее нетривиальные авторские мысли.

Современный кризис нельзя сводить только к экономике; мы имеем дело с психологическим, культурным и – шире – цивилизационным кризисом планетарного размаха. Нынешний кризис – сложное переплетение накопившихся разноплановых явлений, отягчающих друг друга. Налицо цивилизационный надлом Запада, больно ударивший и по России. Происходящее в мире носит характер в первую очередь культурного кризиса и не имеет исключительно экономического объяснения, как убеждены многие. Роль социокультурных факторов в развитии кризиса возрастала на протяжении всего XX

века, выражаясь, среди прочего, и в кризисе экономической науки. Но есть признаки того, что в процессе преодоления кризиса происходит становление каркаса новой мировой архитектуры. В России переплетающиеся кризисы и вызовы наложились на обострившиеся внутренние недуги, что усугубляет «историю болезни». До сих пор у нас преобладали попытки ухода от трудностей, а не выхода из них. В итоге российский власти борются в основном не с тем кризисом. Так, имея нелиберальную экономику, они еще более усиливают нелиберальные меры, чем тормозят выздоровление.

Автор скептически относится к экономикоцентричному восприятию мира, в марксизме его никак не заподозришь. Привязывание к экономике внеэкономических категорий сплошь и рядом порождает нелепые выводы. Так, подверженные экономикоцентричному мышлению демографы склонны игнорировать социальные, культурные, биологические, психологические и иные аспекты рассматриваемых ими проблем и это приводит подобных исследователей, например, к выводам о благотворности для экономики России сокращения ее населения. Абсолютизация чисто экономических факторов бытия, фетишизация «новой экономики», как и другие болезни современной экономической науки, не позволяют ей давать достоверные прогнозы по большинству важнейших тенденций мирового развития. Существует масса факторов, заставляющих рассматривать функционирование экономики лишь как «вторичную объективность».

Присущее нашим элитам жесткое противопоставление тактического и стратегического подходов – опасная ошибка, первопричина постоянно увеличивающегося в последние годы разрыва между потребностями в реформировании страны и сложившейся у нас культурой планирования. Эту проблему можно решить с помощью «метода анализа иерархий» или построения «дерева целей», на кото-

ром всегда ясно видна иерархия целей, иерархия политик, иерархия направлений, иерархия задач. Смысл этих построенных состоит в выявлении «удельного веса» каждого элемента целевой программы и их взаимовлияния в ходе разработки и выполнения комплекса назревших задач.

В переломный момент своей истории мы ощутили малочисленность своего политического класса, чей дефицит не ощущался ранее столь драматически. Именно политический класс, а не одно лишь правительство, должен противостоять современным вызовам и соответствовать целям, стоящим ныне перед Россией, видеть ее в мировом контексте, быть готовым к преодолению шаблонов и фантомов исторического сознания, а главное — уметь формулировать требования, которые общество обязано своевременно предъявить к себе, к власти, к поведению страны на мировой арене.

Особое значение в окружающей нас реальности имеют фундаментальные, прежде всего христианские, культурные и нравственные ценности. Их нельзя путать со стереотипами. Стереотипы в конце концов сменяют друг друга, а ценности остаются неизменными. Стереотипы, пока они «работают», опасны тем, что не рефлексируются. Хороший пример: расхожая постмодернистская ошибка о мифе как бессмыслице. Между тем, миф есть не заблуждение, а живая непосредственно и комплексно переживаемая реальность. Миф есть символ, а человек мыслит символами, он не может мыслить без мифа. Вне мифа не может быть воодушевляющего образа будущего. И, значит, некуда будет стремиться. Даже вредоносный миф может быть позитивно переосмыслен.

Какие стереотипы сегодня опаснее всего? Устаревшие клише оценок Востока и Запада, 90-х и «нулевых» годов, внешней, внутренней, экономической и социальной политики на разных этапах нашей недавней истории, ошибочные оценки рисков и вызовов, которые бросает гражданам России и власти необходимость

модернизации всей нашей общественной системы, недооценка этой необходимости.

Сложные саморазвивающиеся системы (а общество, нация, человечество в целом, безусловно, являются таковыми) не могут иметь единственного варианта будущего. Если мы ищем таковой, то занимаемся пустым и вредным делом.

Еще одной химерой является демонизация культурных различий. Ярче всего данный тезис виден на примере отношения Запада к конфуцианской цивилизации. В западных работах 1960—1970 годов о Китае общим местом было такое рассуждение: у этой страны нет будущего, ибо она населена конфуцианцами, а они не признают ценность индивидуализма, они заражены патернализмом и коллективизмом, частная инициатива подавляется авторитетом старшего и так далее. Когда Китай поднялся на нынешнюю ступень своего развития, те же авторы стали писать: ничего удивительного, ведь там сильна культура конфуцианства, посмотрите, как они кооперативны и солидарны, какая у них замечательная трудовая этика.

Еще один опасный штамп, как на Востоке, так и на Западе, представлен убеждением, что всё и дальше будет идти примерно так, как идет сейчас. Тут уместно вспомнить, что если мы действительно считаем, что западная цивилизация, частью которой является Россия, достигла сейчас своего пика, то путь дальше только один — вниз, и, чтобы избежать этого, нужны нетривиальные подходы и они откроют нам новые вершины, к которым можно будет идти.

Самоуспокоенность в прошлом всегда заканчивалась катастрофой. Рим был раздвоен варварами, чьи вожди ведь тоже знали латынь и охотно пользовались достижениями античной цивилизации (посмотрим на европейски образованных и европеизированных в быту лидеров беднейших стран Азии и Африки). Безмятежность элит, поделивших, казалось бы, мир, взорвалась в начале XX столетия страшной мировой войной,

плавно переросшей в свою вторую стадию 1939–1945 годов.

Убежденность в универсальности той или иной модели демократии является особо вредным стереотипом. Дело не только в том, что при переносе институтов из одной почвы в другую необходимо учитывать специфику последней (с чем, наконец, согласились уже почти все серьезные теоретики и практики). Гораздо важнее то, что до сих пор слабо учитывается такая банальная для антропологии истина: заимствования ведут в новой для себя среде совсем иначе, чем в родной, потому, что не только новация адаптирует под себя среду, но и она сама адаптируется к последней.

Мировой кризис поубавил фанфар по поводу, которым еще недавно «развитый мир» гордился как одним из главных своих достижений, полагая, что добился нового качества эффективности. Этот повод состоял в достижении неслыханной быстроты обновления модельного ряда технических и прочих новинок. При этом было упущено из виду, что эта быстрота не только делает бессмысленным производство качественного продукта, так как качество тормозит стимулирование новых приобретений, но и ведет к полному обесмысливанию всяких новаций, поскольку уже сейчас хорошо представима ситуация, в которой для внедрения технологических новшеств будут требоваться считанные дни. То есть, любой продукт может морально устареть раньше, чем сможет показать ожидаемый результат.

Мало того, безудержное потребление ведет не только к экологическим, экономическим и социальным катаклизмам, но и к экспоненциальному росту давления на развитый мир со стороны его периферии (телевизор ныне есть и в шатре бедуина, и в шалаше папуаса), что грозит масштабным цивилизационным срывом. Вот только не поздно ли человечество задумалось об этом?

Есть большие сомнения в том, что отношение к жизни как удовольствию (гедонизм) может быть продук-

тивным. Совершенно прав был Гегель, который определял развитие как тяжелую, кропотливую, напряженную работу, направленную на преодоление человеком самого себя. Современная рефлексивная философия считает развитием создание новой реальности. Само же ее формирование невозможно без того, чтобы на какое-то время (подобно тому, как это случается с ремонтом жилища) не поступиться привычным уровнем комфорта. Готовности же к этому в гедонистической модели бытия места как раз и нет. А это ставит под вопрос саму вероятность развития общества, которое исповедует гедонизм.

Автор, на мой взгляд, спокойно мог не затрагивать совершенно пустой вопрос о том, является Россия Европой или нет, это не его уровень. В наши дни сотни якобы общественно-политических сайтов должны чем-то заполнять свое пространство, и к их услугам сложилась целая армия первокурсниц журналистских ПТУ, готовых за крошечные деньги осветить любой вопрос, вот пусть и рассуждают о Европе. России (в отличие от Польши или Румынии) чуждо желание быть и слыть непременно Европой, Европой, Европой. Более того, нам, возможно, и не хотелось бы быть частью чего-то, что меньше нас, но мы слишком погрязли в Европе, а Европа в нас.

Нельзя, впрочем, исключить, что европейскую тему Федор Вадимович затронул с целью лишний раз подчеркнуть свое неверие в любые прочные стратегические евразийские союзы (за пределами постсоветского пространства, разумеется).

И, прерывая (а не заканчивая — иначе мне потребовалась бы половина журнальной площади) изложение главных идей книги «Мир и мы», приведу самую краткую и одновременно самую неожиданную: «Необходим возврат к золотому стандарту».

Книгу стоит прочесть уже ради одной густоты мысли на квадратный дециметр страницы.

Как предотвратить слепоту

Международная группа ученых разработала новый метод лечения офтальмологических заболеваний, способный предотвратить развитие слепоты.

Многие виды слепоты связаны с аномальным ростом кровеносных сосудов в сетчатке глаза. Когда ткани глаза ощущают недостаток кислорода, в организме вырабатывается сигнальный белок, который стимулирует образование новых сосудов. Проведя исследования на мышах, ученые обнаружили, что короткие отрезки РНК, регулирующие активацию и экспрессию генов, способны подавлять патологический рост сосудов, сохраняя при этом здоровье нормальных кровеносных сосудов в глазах.

Биологи собираются провести клинические испытания этого метода, который может заложить основу для создания нового класса терапевтических средств.

Еще один способ вылечить облысение

Группа японских биологов использовала стволовые клетки для выращивания «зародышей» волосных луковиц. В ходе опытов такие клетки брали у лабораторных мышей и пересаживали грызунам, лишенным волосного покрова. Из первой партии пересаженных волос проросли примерно 75%, однако они оказались бесцветными и жесткими. Во вторую партию волосных луковиц добавили культуры стволовых клеток, придающих волосам цвет и мягкость. Они оказались полностью идентичны настоящим волосам, а «всхо-

жесть» усовершенствованных луковиц сохранилась на уровне 75%.

После этого ученые создали «зародыши» волосных луковиц из стволовых клеток человека, они оказались столь же эффективными. Биологи готовы пересадить искусственные волосы добровольцам-людям и считают, что эта методика позволит лысым мужчинам восстановить шевелюру за считанные недели.

Это уменьшит похмелье

Ученые из Южной Кореи нашли новый способ уменьшить похмелье после употребления спиртных напитков. По их мнению, алкоголь следует насыщать кислородом, из-за чего алкоголь в человеческом организме распадается на воду и углекислый газ.

Был проведен эксперимент с участием добровольцев. Одним давали насыщенный кислородом алкоголь, другим – обычный. В результате

«отключить» два вида генов.

Канадские ученые установили, что в клетках ленивых людей содержится меньше митохондрий (они синтезируют энергию клеток). Если их недостаточно в клетках мышечной ткани, те плохо поглощают глюкозу. Сейчас биологи впервые доказали взаимосвязь между энергосберегающим ферментом, работой митохондрий и физической активностью.

У мышей из экспериментальной группы в ходе опытов были деактивированы гены, отвечающие за энергобаланс в скелетных мышцах. Интересно, что эти мыши вели себя намного пассивнее, чем мыши с нормальными генами из контрольной группы. Ученые считают, что человеческая лень вызвана точно такими же причинами.

Есть жизнь после смерти

Биологи наконец доказали, что у каждого человека действительно существует душа, которая продолжает жить после того, как сердце перестает биться.

Итак, «когда сердце перестает биться, а кровь перестает течь по сосудам, микротрубки теряют свое квантовое состояние. Однако квантовая информация, которая в них находится, не разрушается. Она не может быть уничтожена, а потому рассеивается по Вселенной. Если пациент, попав в реанимацию, выживает, он рассказывает о «белом свете», может даже видеть, как он «выходит» из своего тела. Если же больной умирает, то квантовая информация неопределенное время существует вне тела. Она и есть душа», – объяснили специалисты.

выяснилось, что лучше себя чувствовали и имели меньше спирта в крови те, кто пил напиток с высоким содержанием кислорода.

Лень – явление генетическое

Для того, чтобы стать лентяем, оказывается, надо

Вирус хронической усталости

Американские исследователи провели генетический анализ образцов крови 37 пациентов, которым был поставлен диагноз «синдром хронической усталости», а также аналогичные образцы у 44 здоровых добровольцев. В результате у 86,5 процента пациентов были обнаружены генетические последовательности, характерные для вируса, связанного с вирусом лейкоза мышей. В контрольной группе такие последовательности выявили лишь у троих людей (6,8%). Через 15 лет после начала исследования были взяты повторные образцы у восьми участников, вирус был обнаружен у семи из них.

Несмотря на эти данные, вирусная природа синдрома хронической усталости всё же еще подвергается сомнению.

Пересадка пениса прошла успешно

Первую в мире успешную операцию по пересадке пениса осуществили хирурги из Кейптауна (ЮАР). За несколько месяцев 21-летний пациент полностью оправился от последствий 10-часовой операции: организм принял пересаженный орган, который адекватно выполняет все свои функции.

Пациенту, чье имя не разглашается, три года назад ампутировали пенис из-за осложнений после обрезания. Едва ли не самым сложным было получить согласие семьи донора. Перед похоронами донора врачам пришлось изготовить для него модель пениса из кожи живота.

Кейптаунский пациент уже живет полноценной

жизнью и, по словам врачей, полностью удовлетворен результатом операции.

Долго сидеть на работе – опасно

Как заявляют ученые, сидячий образ жизни опасен для здоровья: из-за этого развиваются неврозы и появляется депрессия.

В исследовании приняли участие девять групп добровольцев. Фиксировалось время, проведенное людьми за компьютерами, за выполнением какой-либо письменной работы или на диване у телевизора. Результаты показали, что кри-

10% мужского населения и 5% женского.

Новое поколение аппаратов для дистанционного разрушения камней позволяет раздробить камень любого отдела мочевого тракта в амбулаторных условиях, не причиняя пациенту какого-либо дискомфорта. Лишь если камень имеет значительные размеры, требуется операция в стационаре. После выписки пациент должен пройти обследование на выявление возможных причин камнеобразования. Новые методики лабораторной диагностики позволяют выявить обменные нарушения в организме пациента, определить состав камня, оценить влияние сопутствующих заболеваний. Принципиально новым является не какой-то метод лечения в отдельности, а комплексный подход к каждому пациенту с учетом его индивидуальных особенностей.

Работа и зачатие

Британские ученые пришли к выводу, что существует связь между занятостью женщины на работе и ее способностью забеременеть. Физиологи проанализировали данные женщин старше 33 лет. 44% испытуемых имели избыточный вес, 22% курили, у 33% рабочий день длился 8 часов, в обязанности 40% входил подъем тяжестей. В итоге было установлено, что женщинам с избыточным весом и тем, которые вынуждены поднимать тяжести, в три раза труднее забеременеть, чем остальным. А дамы, которые работают в комфортных для них условиях, проблем с зачатием не испытывают.

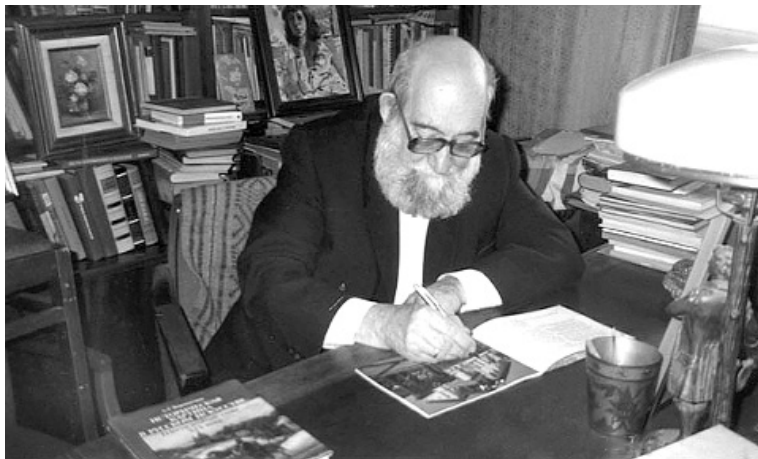
тическим порогом являются два часа, проведенные в сидячем положении, уровень тревожности в этом случае зашкаливает.

Как поясняют ученые, такое явление объясняется физиологией. От долгого сидения на одном месте нарушается метаболизм, что приводит к ухудшению эмоционального состояния. Офисным сотрудникам следует задуматься, стоит ли им вести малоподвижный образ жизни или надо почаще двигаться и заниматься спортом.

Кое что о мочекаменной болезни

В наше время камни в почках обнаруживают у

Профессор Вульфсон

О своем учителе я написала несколько статей при его жизни. Тогда это было просто. Просто потому, что можно было показать написанное и увидеть реакцию, сопоставить персонаж и живого человека, выяснить, узнает ли он себя в моем очерке. После его ухода писать о нём стало трудно. У написанного слова есть магия обретающей собственную жизнь и подменяющей ею реальность. Григорий Наумович Вульфсон был спокоен и противоречив, как жизнь с ее виражами и поворотами. Я боюсь сделать его простым и одномерным, сделать «белее» и мягче, чем он был на самом деле, потому что я любила его таким – ершистым, колючим, добрым, непредсказуемым, любящим, пристрастным, жестким и упрямым.

Конечно, он не уникален. Но при всём при том он – типичный университетский человек. Причем настолько, что само понятие «университетский человек» ассоциируется у меня с

таким типом личности. И дело не в том, что всеми 24 часами суток он был связан с университетом, а скорее в том, что он олицетворял специфическую университетскую культуру, был ее носителем и создателем.

Знавшие Вульфсона близко или «шапочно» люди воспринимали его как «профессора». Это определение было как имя при его фамилии – профессор Вульфсон. Казалось, что профессором он родился и всегда был. Университетские люди придавали ему такое же символическое значение, как, скажем, колоннам главного корпуса, без которых Казанский университет не мыслится. И попытка понять феномен Вульфсона – это подсознательное стремление понять и себя, попытка осмыслить собственные университетским людям ценности и идеалы.

Практически каждый день в сопровождении аспирантки или коллеги Вульфсон подбегал на трамвае к университетскому холму и поднимался по крутой лестнице к университетским корпусам. Он делал это шестьдесят лет, с тех пор как выписался из военного госпиталя и встал на протез правой ноги. В последние годы жизни не-

Елена Вишленкова – профессор, доктор исторических наук.

По книге «Поколения ВШЭ. Учителя об учителях». Издательский дом Высшей школы экономики, Москва, 2013.

Г. Н. Вульфсон

сколько грузный, он шел не торопясь, опираясь на массивную резную трость. Мимо пробегали, вежливо здороваясь, студенты и аспиранты, преподаватели останавливались и пожимали ему руку, справлялись о самочувствии. В ответ Вульфсон слегка наклонял голову, отвечал на приветствия, некоторым дамам церемонно целовал руки. По мере продвижения Григорий Наумович обрастал людьми. В здание он входил в сопровождении оживленно разговаривающей группы разновозрастных коллег. И тут они вливались в студенческо-преподавательскую толпу, ожидавшую прихода лифта. Открытие его дверей всегда сопровождалось толкотней, хохотом студентов и возмущенными возгласами преподавателей. В ситуации хаоса Вульфсон брал на себя функции дирижера. Он чувствовал себя в университете хозяином. Это была его территория. За ее пределы профессор не мог определять устои жизни, придавать ей желаемый порядок, но здесь он царствовал и режиссировал. В результате в лифт входили сначала педагогические дамы, затем коллеги мужского рода, затем студентки. Юношам, как правило, предлагалось подняться пешком. Двери закрывались в тишине. А в лифте он балагурил со «счастливыми».

Для многих университетских людей кафедра является продолжением дома.

Вульфсон же был ее заботливым домовладельцем. В самые тяжелые времена он создавал в этом помещении уют и занимался о стиле: приносил из дома подлинники картин, доставал обои, договаривался с комендантом о мебели, подбивал аспирантов сделать косметический ремонт и так далее. В нём была «домовитость», ярко окрашенная профессией. Стиль и вкус профессора сформировались на образцах российской культуры XIX века. Он был профессиональным знатоком интерьера, экспертом антикварной мебели, часов и вещей.

Увлечшись в молодости темой разночинцев, Григорий Наумович вживался в своих персонажей. Антропологи назвали этот метод «плотным описанием». Вульфсон этого названия не знал. Просто это было присущий ему метод познания прошлого. Он пропускал его через себя. Прошлое не должно быть мертвым и ушедшим. Оно — часть настоящего. Его разночинец имел не только правовой статус и политические убеждения, но обитал в конкретных домах, пользовался мебелью, ел определенную еду, думал о деньгах, читал известные Вульфсону книги и газеты, выражал свои мысли характерными для этого слоя словами, проявлял эмоции специфическими восклицаниями и жестами. Он носил одежду, и его костюм был выражением социальной психологии и субкультуры.

Чтобы ее почувствовать, уловить дух времени, Вульфсон окружил себя предметами разночинного быта. Многие годы он добывал эти вещи: выменивал у алкоголиков, скупал у торговцев, находил на свалках, выискивал на чердаках заброшенных домов. С годами его дом наполнялся подсвечниками, канделябрами, картинами, шоколадницами, ящиками для перевозки обуви, курительными трубками, пенсне, ножами для резания газет и прочими вещами старого быта.

О назначении многих из них рядовой советский человек даже и не догадывался. Григорий Наумович же признавался, что с ними ощущает себя человеком прошлого столетия. Он мог приготовить блюда, которые ели эти люди. Он знал стоимость продуктов того времени, знал, на сколько времени хватает свечи

и как пользоваться гусиным пером. А это другое, нежели пересказ текстов, ощущение прошлого. Его знание было почти тактильным. И люди из вульфсоновских книг тоже представляли живыми. Рассказывая о них, он говорил их голосами, характерными для них фразами. Например, рассказывая об историке А.П. Шапове, Григорий Наумович пытался воспроизводить его невнятную дикцию и интонации речи. Видимо, такая практика помогала ему сплункать в логику противоречивых поступков и решений выпускника духовной академии. Вульфсон жалел, что не может отправиться на родину Шапова, в сибирское село Анга. Он был уверен, что, побывав там, сможет понять истоки смятения и напряжения, в которых всю жизнь находился Афанасий Прокопьевич.

Историко-биографический жанр был безумно интересен Вульфсону в силу того, что ему вообще были интересны люди. Я думаю, что этим в конечном счете был продиктован его выбор профессии, а также тематика его исследований и характер педагогической работы. Человек в истории не был для Вульфсона категорией абстрактной или социологической. Поэтому так увлекательно читаются его книги о судьбах «невьдающихся» людей.

Советская научная политика сыграла с ним злую шутку. История быта, повседневная жизнь и социальная культура в то время не были самоценными темами. Эти сюжеты находились на периферии исследовательского поля, могли быть лишь второстепенными сюжетами в освещении или решении социально значимых проблем. А подлинные научные открытия Вульфсона лежали именно в этой области. В результате его основное исследование по совету академика М.В. Нечкиной получило название, которое возвело барьер между ним и читателем. «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации» (Казань, 1974). Специалисты хвалили книгу, но пресыщенного революционной тематикой читателя 1970-х годов не привлекали подобные сюжеты, помещенные к тому же в краеведческий контекст. Книга с таким названием воспринималась

как одно из многочисленных ангажированных изданий, и «ребенок был выплеснут вместе с мутной водой».

В исследованиях 1980-х годов по микроистории и истории повседневности на книги Вульфсона ссылок практически не было. В них цитировалась лишь одна статья, опубликованная Вульфсоном в 1967 году в «Очерках истории народов Поволжья и Приуралья». Это его заделало. Он, не без оснований, считал себя одним из первых отечественных бытописателей, специалистом по социальной истории, понятой широко. Значит, заключал исследователь, книга не попала к тому читателю, которому была адресована. В этом отношении Вульфсон-ученый не получил того признания, которого заслуживал. Его труды воспринимались тогда как краеведческие. Между тем его знания и амбиции были иными.

Здесь следует оговориться. У Вульфсона не было снобизма по отношению к краеведению. Напротив, он с большим уважением относился к исследовательской работе таких историков, сам был патриотом Казани, любил и знал историю губернии. На заседаниях кафедры и диссертационного совета Григорий Наумович рекомендовал коллегам ориентировать студентов на анализ архивных документов, сохранившихся в Казани. Но во всём этом есть «но». Он чувствовал разницу между «локальной» темой и темой, разрабатываемой на местном материале. Проблемы истории Казани, управления регионом, просвещения местного населения и так далее он выводил на уровень общероссийских и общечеловеческих забот. Локальная история была призмой, иногда моделью для понимания широких процессов в империи. Поэтому его история казанских слобод была одновременно историей урбанизации, тема казанских попечителей и учебных заведений — историей российского просвещения, а историко-биографические сюжеты из жизни казанских общественных деятелей — историей идей. В этом отношении он не страшился размаха, а боялся мелкотемья.

И всё же расправить крылья в науке — так, как он бы мог, ему не удалось. По своим интеллектуальным способностям и лидерским данным Григорий На-

умович, наверное, имел все шансы стать создателем научного направления. Как водится, причин тому, что он не стал им, много — и личные обстоятельства, и состояние науки в то время, а еще, видимо, и то, что он не был кабинетным ученым, что был талантливым педагогом и обладал редкими в нашей среде качествами организатора науки.

Да, в идеале университетский человек должен быть ученым и педагогом одновременно. Но в реальности он отдает предпочтение той или другой своей ипостаси. В Вульфсоне взял верх педагог. И сам он считал это главным своим достоинством, видел в этом свое призвание. И не потому, что был слаб в других областях. Отнюдь нет. Просто Григорий Наумович был натурой страстной и отдавался любимому делу целиком. Он занимался со студентами и аспирантами так много, что был по-настоящему соавтором выполненных под его руководством диссертаций и дипломных работ. Каждая мысль была продумана, обсуждена, подобраны термины и определения. Он читал яркие лекции, на которые приходили люди «со стороны», и гордился аплодисментами своих слушателей. В его домашнем кабинете на письменном столе стояла литая скульптура крылатого Пегаса, подаренная ему студентами в 1950-е годы. За это он получил партийный выговор, но с подарком расставаться отказался.

Когда-то для того, чтобы сделать из себя искусного оратора, он «ставил голос» в театре, много работал над собственной не идеальной от природы дикцией. Университетские люди старшего поколения рассказывают, что голос и каждое слово молодого Вульфсона отдавались в соседних аудиториях. Вести занятия в них было трудно. Однако с годами его лекционный курс делался менее театральным, но более глубоким в содержательном отношении, в лекциях стало меньше артистизма, больше четкости, элементов диалога со слушателями. Для него было важно «задеть» студента, высечь в нем исследовательскую искру.

Григорий Наумович консультировал студентов до и после практических занятий, встречался с ними в библиоте-

ке, в архиве. Он учил «мастерству историка». На время обучения аспирант становился членом его семьи и находился в состоянии постоянного диалога с учителем. Его ученики ходили с ним в мастерские художников, антикварные лавки, издательства, присутствовали на его занятиях. Он учил не просто писать диссертацию, он делился жизненным опытом, передавал ученику свои ценности, формировал по своему образу и подобию. Под его руководством было защищено 37 диссертаций. Конечно, отношения Вульфсона с учениками были разными, поскольку разными были и эти люди. Он осознавал, что имеет дело с душами людей, а не просто с их текстами.

Общение с аспирантами, коллегами, работа в диссертационном совете, аудиторные занятия со студентами занимали все его время. Но, кроме этого, он умудрялся бывать на заседаниях попечительского совета Объединенного музея, редактировать многочисленные статьи библиографического словаря воспитанников Казанского университета, ездить по издательствам и вести переговоры о цене и качестве университетских изданий, посещать концерты, обсуждать произведения своих друзей-художников. Его имя неразрывно связано с исторической реконструкцией актового зала Казанского университета. За этой лаконичной фразой стоят многочисленные поездки по стране в поисках изготовителей венской мебели, хрустальных плафонов, заказы портретов, обоев, паркета, переговоры с реставраторами, поиски в архивных фондах. Вульфсон умел уговорить, заинтересовать, настоять, умел торговаться о цене заказа — дар в ученой среде чрезвычайно редкий.

Как человек духовно богатый, он трагил энергию щедро. В своих отношениях с коллегами, учениками, родственниками, просто знакомыми он неизменно был стороной активной и созидательной. Это свойство могло утомлять и тяготить, но чаще всего в нем нуждались, как все мы нуждаемся в равнодушном человеке. Поэтому к нему приходили, его терпели, ему прощали, его благодарили, ему рассказывали о сокровенном, показыва-

ли детей и избранников, несли на прочтение рукописи. Каждый знал, что он не будет отговариваться занятостью, прикрываться сухой вежливостью. Но на похвалу рассчитывать было трудно. Она, как правило, оказывалась скупой — и потому особенно ценной. Чаще же речь шла о несостоявшемся, о неслучившемся — о профессиональном идеале. Но людям работающим такое выявление нужно больше всего.

Круг общения Вульфсона всегда был чрезвычайно широк, и составляли его люди разные. Он общался с дворниками, слесарями, продавщицами и даже бомжами — и вместе с тем с академиками, директорами, ректорами. Думаю, что

его искусство находить общую тему и общий язык с людьми разных социальных слоев, полов, возрастов и характеров было основано, с одной стороны, на интересе к ним, а с другой — на богатстве собственной личности, искусстве перевоплощения. Мне кажется, что все эти столь разные персонажи жили в нем самом, а потому ему не стоило труда чувствовать себя равным им всем. У него не было ни мании величия, ни комплекса неполноценности. А потому не надо было снисходить или потягиваться.

Впрочем, одного интереса к людям мало для их понимания и приятия. У Вульфсона было что-то еще. Я бы назвала это «семейностью». Кажется, семья являлась единственно возможной для него формой существования, и она не ограничивалась «малым кругом», то есть супругой и детьми. Вульфсон включал в понятие семьи своих друзей и учеников, а также членов кафедры, факультета, университе-

Г. Н. Вульфсон – научный руководитель реставрационных работ

та. Со всеми ними он вел себя как человек, который за них отвечает.

Так уж в жизни бывает, что прозорливость к человеку приходит через несчастье. Попав добровольцем на фронт, потеряв в первых же боях ногу, пройдя через операции в полевых и тыловых госпиталях, Вульфсон вернулся в девятнадцать лет в Казань инвалидом. Физический недостаток делает человека психологически уязвимым, но благодаря этому он научается соотносить свои желания и возможности, знает, за что и сколько должен заплатить. Кажется, что забрав часть тела, Бог дарует человеку интуицию. Во всяком случае, она позволяла Вульфсону почти безошибочно «угадывать» людей ныне живущих и понимать людей из прошлых веков.

Вообще история по Вульфсону чрезвычайно антропологична — это переплетенные судьбы конкретных людей.

Он создал ее из их поступков, из их восприятия мира, из их конфликтов и чувств. Понятое таким образом прошлое включало в том числе и то, что люди могли, но не сделали, что хотели, но не сказали, — свободу их непростых решений. В этом отношении Григория Наумовича чрезвычайно влекло поле психоистории и психолингвистики.

В реальности знакомство Вульфсона с достижениями этих наук так и не состоялось. Условия отечественной науки, а также провинциального университета в советские годы ограничили возможности его приобщения к результатам науки мировой. Он осознавал это как ущербность. Пока позволяли возраст и физическое состояние, он часто ездил на конференции, совещания, симпозиумы ради общения с коллегами. Ему нужна была «критическая среда» в профессии. В последние годы, когда Вульфсон из-за физической слабости отказался от дальних поездок, он побуждал учеников устанавливать научные контакты, расширять профессиональное общение, использовать шанс зарубежных стажировок. Он жадно слушал и впитывал наши рассказы о новых исследованиях, об обсуждаемых идеях, наши оценки деятельности коллег, суждения о состоянии других университетов, исторического образования в них. Я была поражена, когда в восемьдесят лет он каждый день приезжал на лекции, которые в феврале 2000 года в Казани читали ведущие специалисты страны для молодых преподавателей истории. Он учился всю свою жизнь, и это было потребностью его натуры.

И еще Вульфсону было свойственно сверхвнимание к историческому документу. Он умел «выжимать» его, видел написанное между строк. Его логика интерпретации источника шла от автора. Признание за ним «слабостей» — политической и культурной ангажированности, пристрастности, комплексов, нарушений памяти, социальных интересов, болезней, страха и прочего — вело к разработке теории создания исторического источника. Он сам вел дневник и записывал воспоминания, чтобы выявить уязвимые свойства текстов памяти.

Вообще, философию источника Вульфсон считал основой исторической профессии, полагал, что методы работы с источниками делают историю наукой, отделяют ее от любительства. Свои мысли по этому поводу он изложил в ряде статей, но главным образом они зафиксированы в его лекционном курсе, предназначенном для студентов-дипломников и аспирантов.

У Григория Наумовича было особенно трепетное отношение к языку исторического текста. Видимо, оно — производное от его тонкого лингвистического вкуса. Вульфсон не просто знал русский язык, он его чувствовал, как чувствуют художественную ценность полотна. Ругая автора плохо написанного текста, он объяснял: «Я субъективен, но русский язык люблю и портить его не дам». Толковые словари Даля и Ожегова, словарь синонимов всегда лежали на его рабочем столе. Он постоянно пользовался ими. У него была даже своеобразная «игра в слова» с аспирантами, когда надо было подобрать наиболее удачное определение обсуждаемому явлению или несколько синонимов к слову, либо сформулировать значение используемого понятия. Он обращал внимание учеников на речевые формулы, которыми говорили исторические персонажи, на то, как они молчали, как начинали и завершали письмо. Там он искал культурный код времени.

Вульфсон был мастером формулировок. Это признавали за ним все, оттого он был председателем аттестационной комиссии, составлял от лица диссертационного совета проекты заключений. К нему приходили за советом начинающие диссертацию аспиранты и закончившие монографический труд коллеги. Григорий Наумович считал, что историк — это писатель, который обращается к историческому материалу и пользуется научными методами обработки текстов. И коль это так, то конечная продукция профессионального историка должна читаться. Это есть критерий качества. Ему не нравились, более того, его раздражали наукообразные тексты, написанные как «отчет о проделанной работе», закодированные от читателя. Он не был человеком, склонным к эзотерике, и сектантское сознание было ему чуждо.

А еще он не любил многословных людей, считал, что под «словоблудием» скрывается нищета мысли. Он ценил в историке искусство слушать и слышать, наблюдать и видеть. Очевидно, история для него была профессионально осмысленной памятью. И она богаче у тех, кто обладает духовным опытом. Для Вульфсона человек духовно скупой или бедный попадал в категорию профессиональных мошенников. Таких всегда было много, и профессора это чрезвычайно удручало. Иногда это ощущение удрученности захлестывало и наводило на мрачные мысли о настоящем и будущем исторической науки и образования. В более оптимистичные моменты он утешал себя мыслью о том, что муть осядет. Как правило, оптимизм появлялся после прочтения какой-либо яркой работы.

Впрочем, Вульфсон не был ни оптимистом, ни пессимистом. У него было невероятно сильное витальное чувство. Он знал жизнь в ее привлекательных и тяжелых проявлениях и ценил ее, а потому всегда боролся. Она не давалась ему легко, но Григорий Наумович научился с ней управляться. Он умел жить настоящим: здесь и сейчас проявлять реальную заботу о близких, обустроить свой быт, заботиться о здоровье, создавать в жизни праздники, наслаждаться ритуалами. В этом отношении в его сознании не было разрыва между жизнью публичной и частной. Он ценил красивую одежду, видел в ней форму самовыражения человека. К каждому учебному году Вульфсон старался пошить новый костюм, прийти на лекцию в бабочке и роговом пенсне. Он всегда отмечал новинки во внешнем виде коллег, любил поговорить о ювелирных украшениях с дамами. У него было эстетическое отношение к жизни. К тому же университетский человек, по его мнению, должен обладать неким статусным поведением, быть привлекательным. Философия эстетствующей нищеты не была ему свойственна. Даже в годы экономических кризисов в нашей стране он был уверен, что умный и неленивый человек способен зарабатывать на приличную

жизнь, что всё можно научиться делать.

Пока казалось, что времени впереди еще много, Вульфсон брался за множество разных дел и заработков. Неизменным было лишь правило не выходить за рамки профессии. Среди его занятий и увлечений были библиография, музей, реконструкция, консультации учителей и так далее. А за год до смерти он признавался, что берется лишь за дела, обещающие бессмертие. Он хотел, чтобы его ученики и потомки гордились его именем. Это то, что он им оставлял. Среди «бессмертных» дел он числил подготовку аспирантов (живой памяти о нём) и создание библиографического словаря воспитанников Казанского университета.

Почему-то ему хотелось сделать число своих учеников круглым — 30, 40... Получилось 37, и еще одна работа осталась незавершенной. У всех в памяти есть воспоминания о конфликтах учителя и переросшего ученика. Вульфсон страстно хотел больших и талантливых учеников. Только такие могли сделать его имя бессмертным. Он гордился их делами, создавал специальный альбом с их авторефератами, фотографиями, записями. А от учеников он ждал — и даже, скорее, не ждал, а требовал — благодарности. Видимо, это то, что ему было необходимо в жизни.

При жизни Вульфсона вышел первый том библиографического словаря «Казанский университет: 1804—2004». Том роскошный. Трудно поверить, что он готовился не организацией, а маленькой группой энтузиастов. Вульфсон гордился им, как отец первенцем. В университетской среде издание сразу же получило название «словарь Вульфсона». Таковым он и останется в анналах Казанского университета. Так что Григорий Наумович получил желанное.

Мой учитель был чрезвычайно разносторонним и ярким человеком, и это воплотилось в его делах, в его стиле жизни. История жила в его словах, одежде, жестах, поступках и принятых решениях. И мыслил он себя исторически — делил жизнь на тленную и нетленную. В суете забот он умел выбрать то, что всегда будет иметь ценность. Это особая мудрость жизни.

Дмитрий Бавильский

Пирожные Ман- дель- штама

Павел Нерлер.

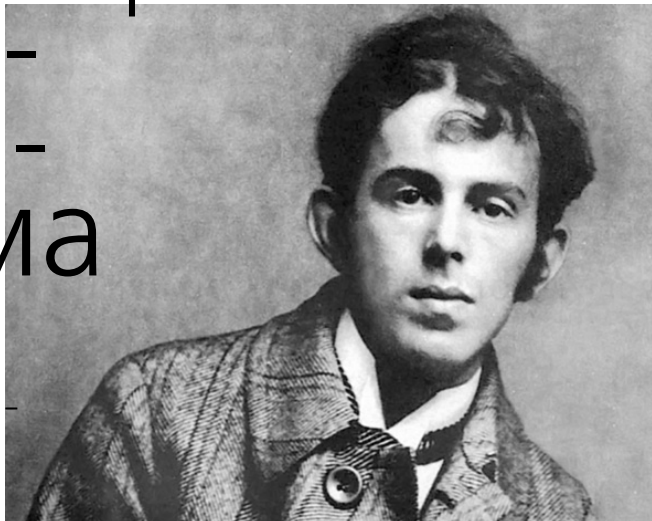
Con amore:

Этюды о Манделъштаме.

М.: НЛО, 2014.

(Научная библиотека.

Вып. СХХV)

Самым известным текстом из книги «Этюд о Манделъштаме» стал очерк «В одиннадцатом бараке», перепечатанный многими изданиями — от «Огонька» до сайта ПЕН-центра. Это реконструкция последних одиннадцати недель жизни великого поэта, скрупулезно собранная из немногочисленных документов и обрывков воспоминаний.

Детальная, насколько возможно, история жизни Осипа Манделъштама после ареста завершает раздел книги, посвященный разным местам, связанным с жизнью или творчеством поэта. Манделъштама предостаточно помотало по Европе, России и СССР — скитальческая судьба его, разделенная женой Надеждой Яковлевной, «сводила» Манделъштама с Грузией и Арменией, Воронежем и Северным Уралом, Киевом и Верхней Волгой. Не говоря о Петрограде и Москве, а также о европейских путешествиях молодого человека, родившегося в Варшаве, учившегося в Париже и Гейдельберге, путешествовавшего по Италии (в отличие от других исследователей, Нерлер уверен, что Манделъштам посещал Венецию),

сочинявшего стихи об Америке.

Раздел «Манделъштамовские места» — одна из пяти монументальных частей сборника, окруженный, с одной стороны, подборкой исследований о поэтике Манделъштама («Солнечная fuga»), с другой — набором биографических статей «Современники и современницы», посвященных людям, окружавшим поэта в разные периоды жизни. Наиболее подробно здесь рассказывается о Надежде Яковлевне Манделъштам, жене и «свидетельнице поэзии», сохранившей произведения «опального поэта», донесшей их до современного читателя, несмотря на все гонения и лишения, выпавшие на долю манделъштамовского архива в десятилетия террора и войны. Надежда Яковлевна запоминала стихи мужа, поскольку в какие-то времена их было опасно даже записывать. В более либеральные эпохи Надежда Яковлевна распространяла их в списках, подключала добровольцев и исследователей к изучению и сохранению рукописей, а еще позже написала две, без преувеличения, великих книги воспоминаний о муже и эпохе беспрецедент-

ного давления на российское общество, каждого отдельного советского человека. Вынужденно оказавшихся заложниками подлой политической системы, враждебной всему живому.

В этом же разделе Нерлер пишет об адресатах любовной лирики поэта (Наталье Штемпель, Ольге Ваксель), поэтах-попутчиках (Бенедикте Лившице и его жене, Владиславе Ходасевиче, Валентине Парнахе) и первых исследователях жизни и творчества Мандельштама (Николай Харджиев, Павел Лукницкий). И, разумеется, о Марине Цветаевой и Анне Ахматовой, отношения с которыми были для Мандельштама судьбоносными.

В каком-то смысле, «Сon amore» – не одна, а сразу несколько книг, спрессованных в большой, под 900 страниц, том. Павел Нерлер – один из самых деятельных и важных исследователей Мандельштама, создатель Мандельштамовского общества и редактор-составитель многочисленных сборников стихов и прозы поэта, инициатор и участник создания его собраний сочинений, вышедших в перестроечной России: например, «черного» двухтомника, изданного «Художественной литературой», «синего четырехтомника». Почти всё, связанное с Мандельштамом, от научных конференций и круглых столов до мемориальных досок и памятников, так или иначе оказывается завязанным на нерлеровский энтузиазм.

Нынешний том научных и биографических очерков получился таким объемным потому, что состоит из текстов, написанных по конкретным поводам. Все это – выступления, предисловия, статьи и исследования разных лет, дополнительно переработанные автором и выстроенные в поступательном порядке для того, чтобы как будто разрозненная мозаика вдруг выстроилась в стройное биографическое, историко-филологическое повествование. В еще одну «Жизнь замечательного человека».

Но и это еще не всё. Прежде чем стать крупнейшим специалистом по Мандельштаму, Нерлер, закончивший геофак МГУ, начинал как само-

Надежда Мандельштам

деятельный энтузиаст, прошедший все стадии вовлечения в странный, но тем не менее строгий и стройный культ величайшего, может быть, русского поэта XX века. Два раздела «Сon amore» – первый и последний – фиксируют «этапы большого пути» самого Павла Нерлера, посвятившего жизнь этому, для него безусловного святому, культу. В книге публикуется масса биографических бумаг Нерлера, как бы прожившего бок о бок с Мандельштамом практически всю свою сознательную творческую жизнь.

Том открывается мемуарными листками, рассказывающими о юности Нерлера и людях, бывших рядом с ним в эпоху «великих литературных открытий» («Коля Поболь»), и о самых важных проектах современного мандельштамоведения, в которых Нерлер участвовал. Здесь – рассказ о создании Мандельштамовской комиссии и Мандельштамовского общества, сообщение о разработке Мандельштамовской энциклопедии (она пока в работе). Здесь же – воспоминания о «Слове и культуре» – одной из первых «со-

Ольга Ваксель

ветских» книг прозы поэта, об уже упоминавшихся двухтомнике и четырехтомнике, без которых немыслима нынешняя наша библиографическая жизнь. Отдельный очерк этого раздела посвящен «Глобусу Мандельштама» (материалы о поэте в архивах мира, их «встречи в сети») и содержит массу важной информации для всех, сочувствующих мандельштамовскому творчеству, интересующихся им.

В приложениях Нерлер публикует фрагменты своих дневников 1980–1984 годов, показывающих всю степень авторской вовлеченности в изучение жизни и творчества О.Э., увлеченности распутыванием разных творческих и жизненных тайн Мандельштама. Дневники содержат много интересного о встречах с современниками поэта, с его исследователями; рассказы об архивных находках и исследовательских догадках, чуть позже напечатанных статьи из основного корпуса «Соп атоге». Допуская читателей в свою лабораторию, Нерлер не только «вскрывает прием», но и выстраивает в книге еще один, параллельный, сюжет, посвященный состоянию нынешнего мандельштамоведения, истории цензурных препон и ситуативных сложностей с изданием книг, проясняет некоторые текстологические вопросы. Делает он это легко и ненавязчиво, тем более, что в мандельштамовском культе, созданном из личного участия и неформального человеческого тепла, сложно разделить, скажем, поэтическую и биографическую составляющие. Некоторые из попутчиков и друзей, которым Мандельштам посвящал свои тексты, становились его добровольными помощниками, хранителями архива, многолетними исследователями и пропагандистами.

Очерки раздела «Современники и современницы», составленного, как и другие части «Соп атоге», по хронологическому принципу, заметно теплеют (эмоционально нагреваются и даже накаляются) по мере приближения к нынешним временам. Если статьи о вдове Александра Грина или о Борисе Горнунге, Николае Бруни

или Павле Калецком выдержаны в умиротворенном филологическом тоне, то в рассказе о роли Николая Харджиева («Первый старатель») кипят нешуточные страсти. В споре Харджиева с Надеждой Яковлевной, Нерлер, разумеется, следует за вдовой. Точно так же Нерлер становится ядовитым и пристрастным едва ли не при каждом упоминании Эммы Герштейн, оставившей неканонические («скандальные») и предельно трезвые мемуары о чете Мандельштамов. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что один из очерков этой увлекательной книги посвящен именно Эмме Герштейн.

Эмма Герштейн, литературовед и ближайшая подруга семьи Мандельштамов, берет в этом конфликте сторону Харджиева. Беседа с ней идет следом за интервью с Николаем Ивановичем и касается все тех же великих поэтов и писателей, обреченных на бессменный читательский интерес. Неслучайно, разговаривая с Харджиевым и наводя с собеседником мосты сочувствия, Ирина Врубель-Голубкина в своей книге, изданной недавно тем же «НЛО»*, вспоминает о Герштейн, связывая два этих диалога в диологию.

В «Соп атоге» вообще много посвящений. Каждому эссе в этой книге предпослано по несколько фамилий дорогих автору и виртуальному «мандельштамовскому обществу» активных читателей, охочих до новых знаний или концепций. Крохоборческая манера Нерлера, собирающего буквально всё, связанное с поэтом, систематизирующего и описывающего, «подшивающего к делу» любую, казалось бы, второстепенную мелочь, как нельзя лучше удовлетворяет простой читательский интерес к расширению знания о «предмете». Книг о Мандельштаме выходит много, но они, чаще всего, узкоспециальные или предельно научные. Нерлеру же удалось соединить

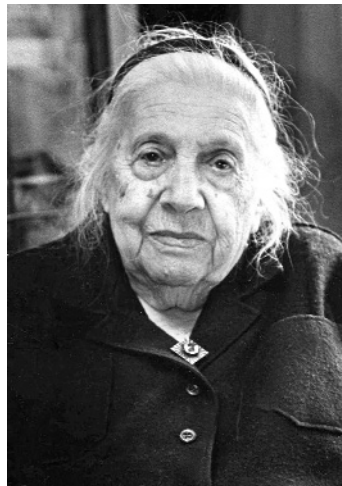
* Ирина Врубель-Голубкина. Разговоры в зеркале / Предисловие Л. Кантор-Казовской. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

мощную «научную базу» с широким просветительским посылом. Неформальный характер посмертного изучения жизни и творчества О.Э. помогает автору сделать «Сop amoge» не только захватывающе интересной, но и доступной. Эмоционально понятной, близкой.

В небольшом, но тревожном разделе сборника «Слово и бескультурие», объединяющем несколько памфлетов и полемических откликов Нерлера на «публикации в СМИ», приводятся отрывки из некоторых рецензий на книги Мандельштама («Четвертый том Мандельштама, вышедший только что и содержащий незначительные, вообще говоря, письма поэта, как-то и обозначил пройденный поворот. Если угодно — конец времени Мандельштама...»), а также фрагменты из выступлений Владимира Мединского, нынешнего министра культуры РФ, выбравшего почему-то именно исследователей Мандельштама в качестве мишени для несправедливой критики. «Если ведомству необходимо подготовить госпрограмму «Развитие культуры», мы не сможем отчитаться за нее в правительстве исследованием творчества Мандельштама или монографиями о средневековой архитектуре Британии», — заявил Мединский в интервью «Российской газете», чтобы спустя еще две недели, в годовщину смерти Мандельштама, почти буквально повторить эти же слова в связи с посещением Института искусствознания в Козицком переулке. Не понимая, что использование Мандельштама в качестве «фигуры речи», даже и с негативными коннотациями, есть косвенное признание незаменимости поэта, укорененности его в актуальном культурном контексте. Ведь для того, чтобы министерские размышлизмы были переведены на человеческий язык более-менее правильно, нужна именно безусловная фамилия.

Иногда я мечтаю о том, что было бы, останься Мандельштам жив. Если бы он, подобно Ходасевичу или Набокову, смог уехать в Европу или спрятаться. Дожить до статуса патриарха, при-

Эмма Герштейн

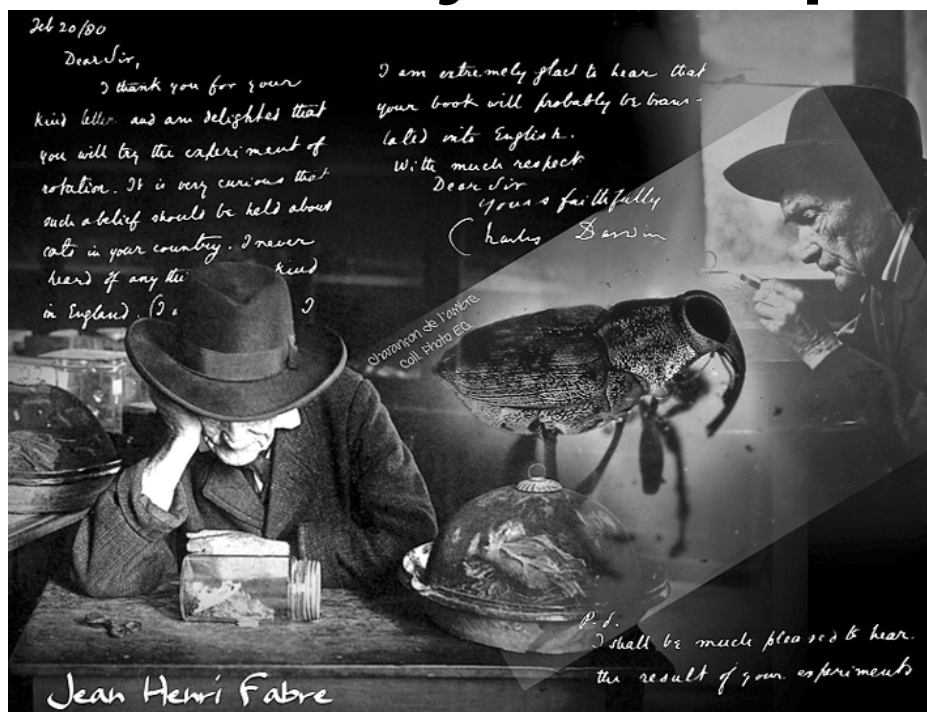
жизненного небожителя вроде Гёте. Иногда я представляю, что Цветаева, вместо того, чтобы «плита, метла, деньги» (именно так Марина Ивановна описывала свою жизнь в письме Рильке), занималась своим «непосредственным делом», продуктивно двигая русскую поэзию и прозу в недостижимое далеко. Если бы все мы имели, в конечном счете, не клочки да закоулочки, превращающие Мандельштама с его принципиально неполным канонам в какого-то древнеримского поэта, известного лишь по отрывкам, но многотомного гения, чье многопудье с золотым обрезом нужно не столько ему, сколько всем нам, каждому из нас. И если бы Ахматова не тряслась над своими письмами и стихами, постоянно сжигая крамолу, как сильно бы изменилась русская жизнь. Причем как внешняя, так и внутренняя, разработанная и размятая «категориальным аппаратом», украшенная и углубленная снайперски точными формулировками главных гениев века.

Однако мы имеем то, что имеем.

У Беллы Ахмадулиной есть прекрасное стихотворение о Мандельштаме, большом любителе пирожных, «лакомке, лишенном хлеба». Заканчивается оно не менее пронзительно, чем книга Павла Нерлера:

В моем кошмаре, в том раю,
где жив он, где его я прячу,
он сыт! А я его кормлю
огромной сладостью. И плачу.

Натуралист на пустыре

Октябрь 1915 года. Мир уже больше года охвачен невиданной войной. Бои идут не только в Европе, но и вдали от нее — в Месопотамии, в Танганьике, на просторах Атлантики. В мировую бойню ввязывается Болгария. Белград занят немцами, остатки сербской армии под ударами с трех сторон отступают к Адриатике. Русская армия вслед за Польшей оставляет и Литву. Англо-французское наступление в Артуа выдыхается, не достигнув заметных результатов, — как и десантная операция союзников в Дарданеллах. Ежедневно на полях сражений и в полосе военных действий гибнут тысячи и тысячи молодых, здоровых людей — цвет европейских наций. И в этом потоке смер-

тей мало кто обратил внимания еще на одну: 11 октября на юге Франции, в далеком от всех фронтов городке Сериньян, в собственном доме мирно угасает дряхлый, почти 92-летний старик — Жан-Анри Фабр.

Положение этого человека в истории науки своеобразно и довольно двусмысленно. Еще при жизни он получил целый ворох самых престижных научных и государственных наград и, наверное, по сей день остается самым знаменитым энтомологом всех времен и народов. Но при этом мало кто может вразумительно сказать — а что же, собственно, сделал этот ученый, какие явления он открыл, какие теории выдвинул? Если человека, знакомого с

историей биологии, спросить, кто такой Фабр, то ответ наверняка будет содержать самые лестные эпитеты – если уж не «великий», то как минимум «крупнейший» и «выдающийся». А если просто попросить назвать наиболее значительных биологов XIX века, то четверо из пяти не упомянут Фабра вообще. Словно бы человек достиг выдающихся успехов в своей области, да только сама эта область – как бы и не совсем наука. Или, по крайней мере, лежит где-то далеко в стороне от магистральных проблем и путей науки.

Поприще Фабра действительно необычно для его века. В ту пору «естественная история» еще не была поделена границами отдельных дисциплин – все занимались всем, и один и тот же ученый мог с успехом исследовать то структуру горных пород, то строение усюногих раков, то экологическую роль дождевых червей, то способы выражения эмоций у приматов. Бесспорной царицей биологии была сравнительная анатомия, а другими «горячими точками», наиболее бурно развивавшимися направлениями – сравнительная эмбриология и филогения. В пространстве же передний край науки проходил вдали от обжитой Европы – в джунглях Амазонии и Малайи, в пустынях Центральной Азии, в морях и океанах. Фабр тоже интересовался широким кругом проблем естествознания, писал популярные книги по химии и астрономии, создал отличные атласы грибов южной Франции и морских раковин Корсики, но свои оригинальные исследования ограничил единственным классом живых существ – насекомыми (лишь изредка заглядывая к их соседям по системе природы – паукообразным), которых изучал в ближайших окрестностях городов, где он жил, а в последние десятилетия – так просто рядом с собственным домом или в нем самом. И хотя он пытался исследовать их строение и даже выделять и описывать новые виды (позднее упраздненные более сведущими в этом деле учеными), главным предметом его интересов было *поведение*. Этот эфемерный феномен Фабр и изучал более полувека.

Биография Фабра описана подробно и многократно (в том числе и на русском языке (можно напомнить биографический очерк Н.Н. Плавильщикова, предпосланный русскому изданию однотомника избранных трудов Фабра, или книгу И.А. Халифмана и Е.Н. Васильевой в серии «Жизнь замечательных людей»). Поэтому напомним только самое основное из нее. Фабр родился 22 декабря 1823 года в довольно бедной семье, однако благодаря своим способностям и интересу к наукам смог получить образование и стать учителем начальной, а затем и средней школы. Преподавал в городе Карпантра, затем в Аяччо на Корсике, а последние 19 лет своей учительской деятельности – в Авиньоне. В последние годы Второй империи был привлечен министром просвещения Виктором Дюпюи к работе над проектом реформирования школьного образования и даже успел получить свой первый орден Почетного легиона. Но после падения Наполеона III эти знаки внимания вышли Фабру боком: в 1871 году он был уволен из авиньонского лицея и фактически отлучен от единственной профессии, которой владел. Однако примерно в это время вошли в моду научно-популярные книжки по естествознанию для детей, которые Фабр начал писать, еще будучи учителем. Доход от этих книг не только обеспечил Фабру и его семье кусок хлеба и крышу над головой, но и позволил ему в 1879 году осуществить свою давнюю мечту: неподалеку от Оранжа (в котором он жил после изгнания из школы), в городке Сериньян Фабр купил дом и прилежащий к нему довольно большой участок земли – бывший виноградник. Официально этот участок именовался «пустырем» (*harmas*), и это слово вскоре стало названием всего «имения» Фабра – как бы подчеркивая, что пустырь, превращенный новым владельцем в микрорайон для насекомых и энтомологическую лабораторию под открытым небом, является главной ценностью владения. В «Пустыре» Фабр и прожил все оставшиеся годы, засадив часть

его плодовыми деревьями и цветущими кустами, а большую часть оставив в первозданном виде.

Миром насекомых Фабр увлекся уже во взрослом возрасте, когда ему перевалило за 30, и продолжал полевые наблюдения почти до конца своей долгой жизни. В 1855 году вышла его первая научная статья — об одиночной осы церцерис. Поселившись в «Пустыре», Фабр стал публиковать свои наблюдения в виде серии книг под общим названием «Энтомологические воспоминания». Томики «Воспоминаний» выходили регулярно три десятилетия, последний, десятый, вышел в 1909 году. А вся научная деятельность Фабра вместила в себя первый период истории зоопсихологии целиком: начав свои исследования за несколько лет до выхода «Происхождения видов», Фабр дождался манифеста Уотсона и становления бихевиоризма* (хотя вряд ли узнал об этом: в последние годы он уже не работал с литературой, да и прежде не очень интересовался отвлеченными вопросами). Прогремела перевернувшая «естественную историю» дарвиновская революция (которую Фабр так и не принял до конца своих дней — что не мешало ему переписываться с Дарвином и даже ставить предложенные тем опыты, а Дарвину и его последователям — обильно цитировать Фабра и использовать его наблюдения), зародились, расцвели и вступили в полосу кризиса зоопсихология и собственно психология, вспыхнула и угасла теория тропизмов Лёба, Чарлз Уитмен и Конви Ллойд Морган наконец-то утвердили поведение животных (то, чем Фабр занимался всю свою жизнь) в качестве самостоятельного предмета исследований, Иван Павлов начал публиковать первые результаты изучения условных рефлексов.

Круто менялась и вся биология: процвел и увял неоламаркизм и другие эволюционные построения XIX века, едва возникшая генетика заявила свои притязания стать основой всех наук о живом, экспериментальная эмбриология бросала вызов последовательному материализму

* Подробнее о бихевиоризме см. «Знание — сила», № 2, 2013.

предыдущего столетия, в круг понятий ученых вошли хромосомы, хлоропласты, вирусы, гормоны, витамины, фагоциты, антитела, группы крови. А упрямый старый натуралист день за днем и год за годом смотрел и описывал, как жук-навозник катит свой шар, как личинка осы сколии с церемонностью и неизменностью ритуала королевской трапезы ест свое огромное блюдо — личинку бронзовки, как жуки-могильщики закапывают в землю трупик мыши и как гусеницы походного шелкопряда идут своим бесконечным походом... Его не соблазняли возможности, открываемые новыми приборами и методами, он не вставал под знамена того или другого теоретического лагеря и не обсуждал корректность методологии. Он наблюдал.

Что он увидел там, на своем пустыре, за полвека с лишним сосредоточенных наблюдений? Помимо детального и достоверного описания поведения множества видов, Фабру принадлежит целый ряд конкретных открытий, каждого из которых хватило бы, чтобы вписать имя его автора в историю науки. Он открыл явление гиперметаморфоза у жуков-нарывников: личинка первого возраста (триунгулин), закончив свое развитие и перелиняв, превращается не в куколку и не во взрослое насекомое, а опять-таки в личинку, но совсем другого типа — толстую, червеобразную, малоподвижную. Он опроверг миф о «самоубийстве» скорпиона, окруженного кольцом огня, и разобрался с механизмом мнимого «притворства» насекомых (реакции замирания, когда внезапно потревоженный жучок падает и неподвижно лежит, прижав лапки к телу, словно мертвый). И в частности, он разгадал волновавшую натуралистов предыдущего поколения загадку: почему добыча ос-охотниц, сложенная в норку, не высыхает и не разлагается за то время, что ею питается личинка осы? Леон Дюфур, исследовавший этот феномен на одном из видов осы церцерис, охотящемся за жуками-златками, предположил, что оса, убивая жука жалом, одновременно впрыскивает ему какое-то

вещество, препятствующее гниению. Фабр доказал, что дело обстоит совсем иначе: церцерис не убивает, а парализует жука, поражая его нервные узлы. Жук лишается подвижности, но остается живым и свежим — до тех пор, пока прожорливая личинка осы не доберется до его жизненно важных органов. И, как показали дальнейшие исследования Фабра, точно так же поступают другие осы-охотницы: аммофила — с гусеницей озимой совки, сфлекс — с кузнечиком, помпил — с тарантулом и так далее.

Это представляло старое доброе понятие «инстинкт» совершенно в новом свете. Одно дело — просто воткнуть жало в жертву определенного вида и впрыснуть ей дозу яда, который довершит дело. Как ни удивительно, что новорожденная церцерис, не выдавшая еще ни одного жука, знает, что ее добыча — златки, это в конце концов не более удивительно, чем столь же врожденное знание кошки о том, как следует поступать с мышами. Но точные и строго дозированные инъекции в нервные узлы, расположение которых невозможно установить по внешнему виду жертвы — это совсем другое дело. Откуда оса могла получить столь изощренное знание?

Модный во второй половине XIX века антропоморфизм тут был совершенно бессилем: у человека нет столь сложных и подробных врожденных программ поведения, и ему трудно да-

же представить, что могла бы думать и чувствовать оса, выполняя такую программу. Не впечатлял и эволюционный подход. Дарвин писал, что инстинкты формируются так же, как и морфологические структуры: отбором мелких случайных изменений (в данном случае — поведения). Но как это приложить к данному случаю? Когда-то осы тыкали жалом во что попало, потом отбор сохранил только тех, что жалили жуков, затем — тех, кто предпочитал исключительно златок, и наконец — только тех, кто наносил удары строго в нервные узлы и никуда больше? Но опыты Фабра показали: ни на мертвом, ни на недообездвиженном жуке личинка осы не дотянет до окукливания. Если бы эволюция шла таким путем, осы-церцерис давным-давно исчезли бы с лица Земли, не достигнув нынешнего совершенства в своих приемах. Впрочем, что там церцерис! Ее добыча неплохо защищена прочным панцирем, но сама совершенно безоружна. А вот другая оса-парализатор — помпил — охотится на крупных ядовитых пауков, и точка, в которую она должна нанести удар, — прямо возле смертоносных крючковых хелицер. Малейшая неточность в движениях — и охотник сам превратится в дичь. Можно ли представить, что такое поведение возникло как цепочка мелких случайных изменений?! (Именно поэтому Фабр и считал теорию Дарвина «бесполезной» и «ничего

не объясняющей» в интересной ему области).

Тогда, может быть, правы последователи модного в 1870-е – 1900-е годы направления – психолamarкизма? Может, изощренные приемы ос-охотниц когда-то были изобретены сознательно, затем в результате многократного применения вошли в привычку и в конце концов закрепились наследственно так, что теперь каждая оса владеет ими от рождения? Эта схема, выдвинутая в середине XVIII века известным философом и просветителем Этьеном де Кондильяком, в последней трети XIX столетия снова обрела некоторую популярность.

Вопрос о соотношении инстинкта и разума – пожалуй, единственный крупный и острый теоретический вопрос, явно интересовавший Фабра. Снова и снова Фабр обращался к нему, исследуя самые сложные и совершенные формы поведения у самых разных видов своих шестиногих подопечных и пытаясь найти в их действиях если не разум, то хотя бы сознательное намерение, оценку результата своих усилий и соотнесение дальнейших действий с этим результатом. И всякий раз ответ был отрицательный. Насекомое может поражать сложностью и совершенством своих действий – но лишь до тех пор, пока оно действует в стандартной, веками повторявшейся ситуации и встречается лишь с такими трудностями, с которыми регулярно сталкивались бесчисленные поколения его предков. Всё, чего в естественных условиях не бывает или бывает слишком редко, ставит насекомое в тупик и превращает его столь целесообразное поведение в бессмысленное и порой самоубийственное.

Вот молодая, только что вылупившаяся из куколки пчела-каменщик выходит из своего гнезда, прогрызая пробку из самодельного цемента, которой запечатала вход ее мать. Если дополнительно закрыть вход в гнездо кусочком бумаги, плотно прилегающим к пробке, пчела без труда прогрызет и ее. Но если накрыть гнездо колпаком из такой же бумаги, юная пчела так и умрет под ним: в тот момент, когда она выбралась в свободное пространство и

расправила крылья, программа прогрызания останавливается и больше уже не запускается.

Вот гусеницы походного шелкопряда на марше: они движутся строго друг за другом, каждая ползет вдоль шелковинки, оставленной предыдущей. Если осторожно поставить первую гусеницу на шелковый след последней, колонна замкнется в кольцо – и гусеницы будут ходить по кругу, пока не упадут от истощения, но ни одна из них не попытается прервать бессмысленное кружение. И оса аммофила деловито запечатывает норку, из которой Фабр только что выкинул парализованную гусеницу вместе с отложенным на нее яичком. Они валяются тут же, на виду у осы, но она не обращает на них ни малейшего внимания.

Многолетние наблюдения и остроумные опыты Фабра доказали: инстинкт и разум – не две степени развития одной и той же способности. Это два совершенно разных феномена, сами принципы действия которых абсолютно различны. Инстинкт может развиваться, становясь сложнее и совершеннее, но никакое развитие не превратит инстинктивное действие в хоть немного разумное – и точно так же никакая «привычка» не превратит разумное действие в инстинктивное. Между этими двумя формами поведения – пропасть, и чем дальше они развиваются, тем дальше уходят друг от друга.

В XX веке наука о поведении внесла некоторые коррективы в этот категорический вывод. Разум и инстинкт действительно имеют разную природу и никогда не превращаются друг в друга, но могут причудливым образом переплетаться и взаимодействовать в текущем поведении. Но этот сюжет уже не имеет отношения к Фабру и вообще требует отдельного разговора. Нас сейчас интересует другое: казалось бы, столь бескомпромиссный вывод просто не оставляет Фабру другого выхода, как разделить набирающий силу взгляд на животных (ну хотя бы только на насекомых) как на автоматы, лишённые всякой психической жизни. И действительно, в одном из немногочисленных «лирико-теоретических»

отступлений мы читаем: «Насекомое не свободно и не сознательно в своей деятельности. Оно лишь внешнее проявление внутренних процессов, вроде, например, пищеварения. Насекомое строит, ткёт ткани и коконы, охотится, парализует, жалит точно так же, как оно переваривает пищу, выделяет яд, шелк для кокона, воск для сотов, не отдавая себе отчета в цели и средствах. Оно не сознает своих чудных талантов точно так же, как жукенок ничего не знает о своей работе ученого химика».

Однако при чтении трудов Фабра возникает неотвязное ощущение конфликта между тем, что в них утверждается, — и тем, как это говорится. Снова и снова Фабр доказывает: всё поведение того или иного насекомого — лишь проявления инстинкта, там нет ничего разумного и сознательного, и само шестиногое существо не вольно хоть что-то изменить в своем поведении. Но при этом сам слог, выбор слов, построение фраз проникнуты горячим сочувствием и уважением к этим странным созданиям, столь похожим и столь непохожим на нас. Текст пестрит выражениями типа «труженик», «мои маленькие друзья», «нежная мать», «свирепый охотник оказался жалким строителем» и тому подобное. Фабр пишет о «мимике торжества» у аммофилы, а реакцию другой осы-парализатора на предложенную дичь не того пола выражает словами: «Самца на обед моей личинке! За кого вы ее принимаете?». Конечно, это не более, чем литературный прием, призванный облегчить читателю восприятие сообщаемых сведений, «оживить» рассказ о странных существах. (Фабр был не чужд литературных амбиций — и, между прочим, «Энтомологические воспоминания» были в 1904 году номинированы на Нобелевскую премию по литературе). Но этот прием — по замыслу автора или вопреки ему — достигает и еще одной цели: не имея возможности достоверно изобразить или описать внутренний мир насекомых, Фабр тем не менее поддерживает в читателе уверенность, что этот мир есть. Да, за действиями насекомых стоит совсем не то, что за внешне сходными с ними действиями

людей — но *что-то* всё же стоит. Это «что-то» трудно исследовать и почти невозможно вообразить — но и игнорировать его нельзя.

Фабр не создал никакой общей теории поведения животных, не примкнул ни к одной из теорий, созданных его современниками или предшественниками, и вообще мало обсуждал общие вопросы (за исключением вопроса о соотношении инстинкта и разума). «Тысячи теорий не стоят одного факта», — писал он. В этой нелюбви к теоретизированию была и сила его, и слабость. Сила — потому что она сообщала его наблюдениям непредвзятость и достоверность, делая его труды ценнейшим сводом надежных фактических данных для ученых любых школ и направлений. Слабость — потому что даже «Монблан фактов», не пронизанных единой глубокой идеей, плохо удерживается в памяти коллег и потомков — и потому слабо влияет на развитие науки.

Фабр — безусловный наследник традиции великих французских натуралистов, на сочинениях которых он рос. Но когда он вошел в науку, времена Бюфонов и Ламарков, для которых естественная история была органичной частью философии, уже безвозвратно миновали. А эпоха создания теорий, объяснявших поведение животных из него самого, время Лоренца и Тинбергена началось, когда Фабра уже не было в живых.

И всё же, помимо множества конкретных наблюдений и ряда частных открытий, помимо доказательства инстинктивного характера почти всего наблюдаемого поведения насекомых, Фабр оставил после себя еще кое-что: метод. Сосредоточенное, многолетнее, тщательное и беспристрастное вглядывание в естественное поведение своего «объекта», при необходимости дополняемое простыми и остроумными полевыми экспериментами. В руках ученых XX века, вооруженных фотоаппаратом, магнитофоном, видеокамерой и другими техническими средствами, этот метод принес богатейшие плоды.

Но это уже совсем другая история.

Если женщина некрасива, значит, мало водки!

Физиологи разгадали секрет этого известного высказывания. Оказалось, что под воздействием алкоголя мужчины действительно теряют способность различать более и менее симпатичные женские лица.

На сей раз эксперимент с участием 74 студентов проводили в баре. Половина из них не употребляла алкоголь, а вторая половина была подвыпившей. Ученые показали обеим группам студентов фотографии девушек и попросили выбрать самых привлекательных.

Трезвые студенты называли симпатичными девушек с правильными чертами лица, а пьяные говорили, что им нравятся и обладательницы непривлекательной внешности. Более того – мужчины остаются более внимательными ко внешности представительниц противоположного пола, чем женщины. Пьяные женщины становятся менее разборчивыми потому, что не уделяют такого пристального внимания внешности потенциального партнера.

Исследователи также хотят узнать, на какие

еще способности оказывает сильное влияние алкоголь.

Папаши, подождите в сторонке!

Эксперты из Бирмингемского университета уверяют, что мужчины, которые присутствуют при рождении ребенка, могут чувствовать опустошение.

Будущие отцы считают, что их роль сводится лишь к пассивной поддержке супруги, которая не прерывает общения с ребенком. Потому они и стремятся присутствовать при родах. Однако это приводит лишь к эмоциональным проблемам, что никому не идет на пользу.

«Если испытать нечто подобное в самом начале исполнения важной роли родителя, отцовские чувства могут испариться, – говорят физиологи, – вернуть веру в себя будет очень трудно».

По словам ученых, мужчинам стоит во время схваток и родов супруги находиться в коридоре или в комнате ожидания, а не у изголовья любимой.

Брак полезен для мужского здоровья

Британские специалисты (и снова они!) обнаружили, что брак более полезен для мужского здоровья, нежели для женского.

В исследованиях участвовало около 9 тысяч добровольцев. Физиологи обследовали их и выявили, что наличие или отсутствие брачных уз практически не влияет на здоровье представительниц прекрасного пола. Более того – здоровье женщин, никогда не вступавших в брак, намного крепче, чем у холостых мужчин. Так, например, 14% холостяков страдают от сердечно-сосудистых заболеваний. А вот незамужних дам данная проблема практически обходит стороной. Что тут можно сказать – неженатым мужчинам следует пересмотреть свои позиции.

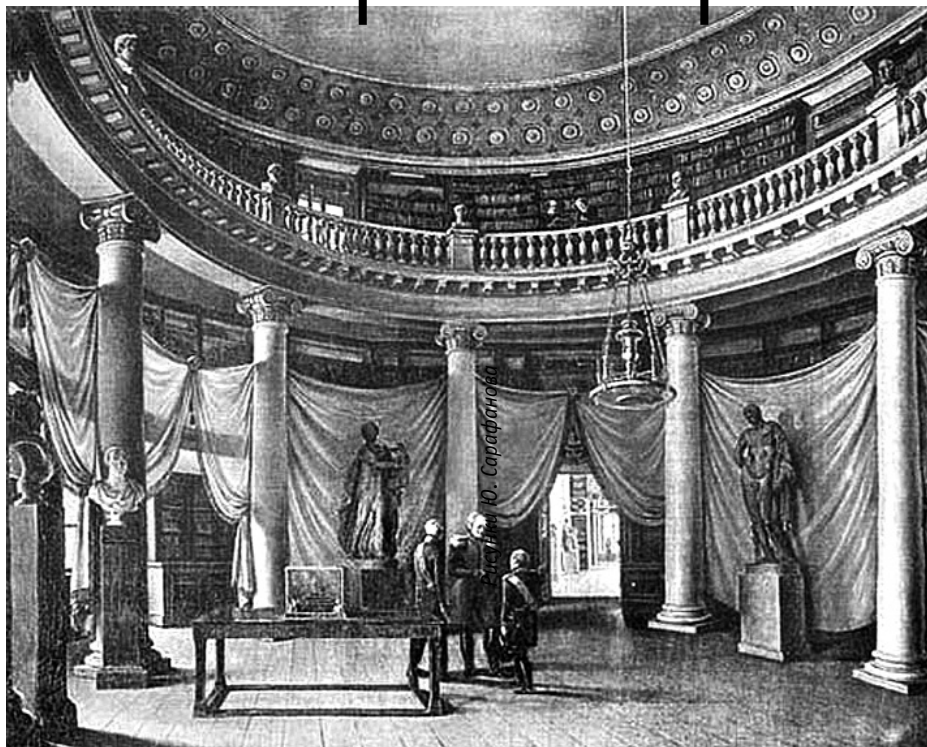
Может появиться ребенок однополых родителей

Британские ученые показали возможность получения человеческих яйцеклетки и сперматозоида из кожи двух взрослых людей одного пола. Такая технология может помочь стать родителями бесплодным парам, а также людям нетрадиционной сексуальной ориентации.

Клетки кожи биологи перепрограммировали в стволовые, причем накопившиеся в них с возрастом эпигенетические мутации исчезли. Технология не способна исключить передачу мутации будущему ребенку, но в большинстве случаев этого не произойдет. Особенно вдохновляет перспектива использования клеток кожи для мужчин, переживших в детстве онкологию и оставшихся бесплодными. Технология может пригодиться и пожилым парам.

Ученые считают, что эмбрион можно будет создать уже через два года.

Читальная зала для лиц без разбора

Как-то раз, зимой 1778 года, Великий князь Павел Петрович присутствовал на обеде у обер-камергера двора Ивана Ивановича Шувалова. Подавали филейку по-султански, бомбы а ля Сарданапал, гуся в обуви, голубей по-станиславски, жаркое императрикс и так далее, и так далее... Великий князь отчаянно скучал; присутствующие за столом – Воронцов, Вяземский, Салтыков были ему неинтересны. Потёмкин вообще раздражал, как и иностранные дипломаты, надеявшиеся лицезреть проявле-

ния неприязни наследника к фавориту. Наследник же только и ждал того момента, когда отведав десерта, старички возьмутся за табаки и можно будет вежливо откланяться.

Накануне Павел Петрович послал Шувалову тайком от матери письмецо с просьбой разрешить поработать ему с архивами в знаменитой шуваловской библиотеке, о которой уже столько был наслышан. На самом деле Павла интересовали письма: Вольтер, Дидро, Фридрих Великий... Шувалов не мог не понимать, что чтение этой перепис-

*Библиотека Ярослава
Мудрого. Художник
О. Гальчинская*

ки Павлом может не понравится Екатерине, но и отказать Великому князю тоже не мог, а посему «для равновесия» и усадил Павла за стол вместе с ненавистным Потёмкиным и старичками-ретроградями в присутствии послов.

С облегчением покидая обеденную залу, Павел совершенно пропустил мимо ушей просьбу провожавшего его Шувалова «ничему не удивляться» и, поблагодарив, чуть не бегом устремился к заветной цели. Он хорошо помнил, как в детстве не раз бывал в этой огромной, светлых тонов зале с особенным, уютным запахом, который так волновал его когда-то.

Но едва переступив порог шуваловской библиотеки, Великий князь в первый момент усомнился, туда ли он попал. И даже невольно попятился...

В конце XVIII века библиотеки во дворцах знати и в домах богатых людей были уже обычным делом.

Да и сама история библиотек, как социально-культурного явления российской действительности, ко времени правления Екатерины Второй насчитывала не менее восьми веков.

Ещё в 1037 году князь Ярослав Мудрый основал первую библиотеку Киевской Руси. В Софийском соборе князь расположил самое полное по тем временам собрание письменных памятников — от Евангелия и Книги пророков до Жития святых, а также создал хранилище государственных документов. Вслед за Киевской библиотекой подобные книжные и рукописные собрания возникают при монастырях Новгорода, Владимира, Чернигова. В XV–XVII веках формируется Патриаршая библиотека, а также библиотеки Аптекарского приказа, Посольского и Пушкарского приказов, а в 1714 году по указу Петра Первого была основана библиотека Академии наук, которая открылась уже после его смерти, в 1725 году.

Конечно, всё это были учрежденческие или, как сейчас говорят, «ведомст-

венные» библиотеки, однако уже при Екатерине Второй посещать их получили возможность и лица, официально к данным ведомствам отношения не имеющие.

И всё же... Для такой гигантской страны, как Россия, круг приобщенных к свободному чтению людей оставался непростительно узок.

Во второй половине XVIII века даже представить себе такую картину, какую увидел Великий князь Павел Петрович, стоя в дверях библиотеки Ивана Ивановича Шувалова, было бы немыслимо!

Сама библиотека была великолепна. Просторная зала, светлая, в меру теплая, но с хорошей вентиляцией, устланная мягкими коврами, поглощающими звук шагов, обставленная множеством столов и столиков, стульев и кресел, где можно было расположиться по собственному вкусу или удобству. А главное — книги... книги, от обилия которых голова могла пойти кругом.

Но странное дело — не разбегались глаза и не кружилась голова у входящего, скорее, напротив — внимание сосредотачивалось, а ноги точно сами вели к нужному шкафу. Вся библиотека была ненавязчиво поделена на несколько своеобразных открытых кабинетов, где можно было сразу погрузиться в выбранную заранее тему и даже уединиться. Каждое «частное пространство» имело свой стол, кресло, письменные приборы...

Вот в таких «кабинетах» внезапно и предстал глазам цесаревича самый разнообразный люд.

...Знакомая ему дама, гувернантка приемной дочери Шувалова, подняв глаза на вошедшего, несколько секунд глядела на Павла, точно его не видя, потом быстро поднялась и присела. Павел кивнул и повернулся было направо: там сидел молодой человек, выше головы обложенный книгами и что-то быстро записывал. Он вскочил и низко по этикету поклонился. Это был начинающий поэт Костров, принятый в доме обер-камергера, и его присутствие, как и присутствие гувернантки (родом из семьи Салтыковых),

если и не понравилось Павлу, искавшему уединения, то, во всяком случае, приличествовало случаю.

Зато слева сидело нечто совсем уж тут неуместное. Молодой мужичонка в голошейке (рубаха без воротника. — *Прим. авт.*) и зипуне, на ногах одни онучи. Этот даже глазом не повел на Великого князя и продолжал стремительно заполнять лист бумаги столбцами цифр...

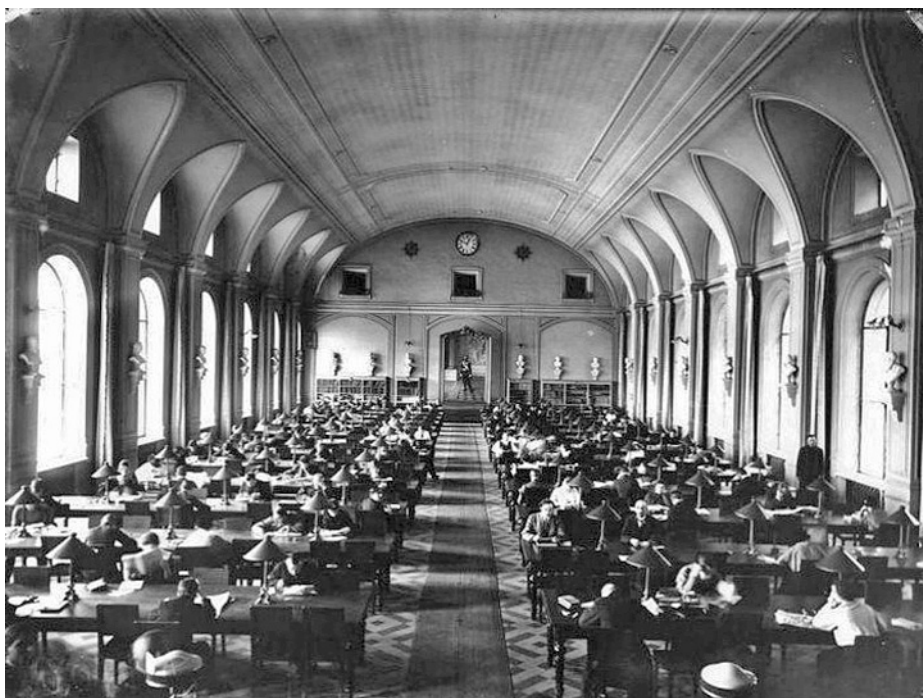
«А... это, видимо, тот новый Ломоносов, — припомнил Павел Петрович. — Как бишь его... тот, гений доморощенный... Свешников! Да бог с ним!»

Но взгляд цесаревича уже выхватил из пространства залы и другие странные персонажи. Еще человек пять или шесть, разного рода и племени, преспокойно расположились за столами и в креслах: один, по виду явно не дворянского звания, сидел на приставленной к полкам лесенке; другой глядел в телескоп, третий, похожий на купчишку из мелочной лавочки, тыкал пальцем в «пуговки», стараясь разобраться в действии механизма...

Тут необходимо сказать, как организован был поиск книг в библиотеке Ивана Ивановича Шувалова. Внутри древесины каждого из шкафов был устроен механизм. Чтобы достать книгу с высокой полки, достаточно было нажать на кнопку («пуговку») с номером, который соответствовал номеру полки, и та сразу опускалась так, что достаточно было лишь протянуть руку за нужным томом. Взяв книгу, посетитель мог вернуть полку на место вторичным нажатием «пуговки».

Павел недоумевал... И хотя он знал, что дом мецената открыт для самых разных посетителей, но... библиотека! Эта святая святых домашнего мира, где можно найти отдохновение от мирской суеты, забыть в обшестве величайших умов и талантов всех народов и веков! Библиотека, куда допущен может быть лишь избранный, куда нет ходу...

«А кому нет ходу в царство книг., а не тому ли, кому нет ходу и в царствие небесное?! — задался я вопросом, малодушно отвезжая в те поры от Ивана Ивановича». Так позже напишет Великий князь Павел Петрович

Один из залов публички. 60-е годы

своему другу детства Юрию Александровичу Нелединскому-Мелецкому, бывшему тогда в Швеции. — «И верно ли допускать в оное всех, **без разбора лиц?**»...

Мать Павла, государыня Екатерина такими вопросами не задавалась. Находясь под влиянием Шувалова, Строганова и других русских меценатов-просветителей, императрица собрала прекрасную библиотеку и подарила ее

Эрмитажу, а незадолго до смерти подписала указ о создании первой российской Публичной библиотеки, знаменитой потом «Публички», известной каждому петербуржцу.

Для этой библиотеки Екатерина приказала архитектору Соколову спроектировать специальное здание на углу Сенной и Невского проспекта. Любопытно, что начало фондам этой библиотеки положили военные книжные и рукописные трофеи, бережно вывезенные в Россию Александром Суворовым.

Строительство здания завершилось в 1801 году. Но ее открытие задержали военные события, и лишь 2 января 1814 года первая в России государственная Публичная библиотека была торжественно открыта.

Кстати говоря, при Павле Петровиче строящейся библиотеке был передан большой телескоп знаменитого астронома Гершеля и задумано оборудование обсерватории.

Сейчас петербургская «Публичка» носит имя великого русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина и является второй после «Ленинки» по количеству собранных в ней книг.

Кстати говоря, цесаревич Павел Петрович, в первый раз малодушно сбежавший от шокировавшей его великокняжеское достоинство публики, на следующий же день снова отправился в библиотеку Шувалова.

Из письма тому же Нелединскому-Мелецкому мы узнаем, что Иван Иванович предложил Великому князю отдельный кабинет, объяснив, что раз и навсегда «положил свободный доступ в читательную залу всем без разбора лиц», и отменит, конечно же, свое распоряжение, ежели Его высочество того пожелает. «Однако ж, — пишет Павел, — где бы еще мог я наблюдать столь близко сие непредугаданное разнообразие лиц...»

Из чего делаем заключение, что принцип «без разбора лиц» нарушен так и не был, однако наследник, посещая библиотеку Шувалова, называемую «читательной залой», больше занимался наблюдениями за присутствующими там читателями, чем читал сам.

Несколькими годами позже Шувалов предложил обществу еще одно нововведение. Один из библиотечных шкафов в его доме был отведен для книг, которые посетители могли уносить домой и пользоваться ими определенное время. Затем книги в большинстве своем возвращались на свои места, однако далеко не все, хотя и по разным обстоятельствам.

В сентябре 1787 года в доме купца Пегасова случился пожар. И о существовании самого купца, и о пожаре

Библиотека Франциска Тригге

в его доме мы узнаем исключительно благодаря нескольким строчкам из письма пятнадцатилетнего тогда Павла Строганова своему наставнику, в котором он, как о небывалом факте, сообщает о том, как этот купец Пегасов, чьи сыновья приносили домой для чтения книги из библиотеки Шувалова, после пожара купил на базаре «два десятка волюмов» (томов) и вернул их в дом мещаната взамен сгоревших.

Здесь уместно напомнить, что восемнадцатый век — это своего рода пограничный век, навсегда отделивший Средневековье от Нового времени. Уместно также напомнить, насколько ценны были книги в недавнем от века Просвещения времени! Характерен пример знаменитой «библиотеки Франциска Тригге» с «прикованными книгами».

Эта библиотека была основана в 1598 году в городе Грентэм (Линкольншир) и могла служить примером новаторства и демократического отношения к праву человека на знание, поскольку в ней был открыт доступ к книгам лицам, не имеющим отношения к духовенству или университетам. Простые граждане городка Грентэм имели возможность читать там книги. Однако... Все книги в этой библиотеке были прикованы цепями в полкам.

Был еще пример того, как в те времена пытались помочь алчущим знаний не войти в искушение кражи книг — библиотека города Дублин, основанная в 1701 году. Там читателя запирали в клетку.

Справедливости ради нужно сказать, что прообразом по-настоящему общедоступной библиотеки, то есть библиотеки, проход в которую разрешался «без разбора лиц», пришел в Европу с Востока. Единственным ограничением в этом случае служила лишь религиозная принадлежность.

Речь идет о так называемых вакфных библиотеках.

Вакф — такая форма собственности, при которой собрание книг не являлось частной собственностью, а находилась в «вечном пользовании исламской общины». В этом случае именно самый широкий оборот книг среди читателей-мусульман являлся показателем успешности такой формы благотворительной деятельности. А небогатых или приезжих посетителей бесплатно обеспечивали бумагой и — даже временным жильем (!).

Жена султана Сулеймана Великолепного Хуррем, например, имела в созданном ею вакфе обширную библиотеку, составленную из книг по медицине, праву, математике, астрономии, магии, сборников поэзии, коллекций алхимических опытов. С помощью султана Хуррем обычно удавалось и отстоять свой библиотечный «фонд» от ревизий наиболее рьяных поборников чистоты ислама.

Именно в библиотеках вакфов мы наблюдаем и первые прецеденты выдачи книг читателям на дом. Например, арабский ученый Якут аль-Хамави пишет о подобной процедуре, как о весьма свободной, причем выдавалось порой до двух десятков книг «в одни руки».

Увы, многие исламские библиотеки погибли в религиозных войнах, сгорели в пожарах, были разграблены во время крестовых походов в XI—XIII веках.

К сожалению, и опыт общедоступности книг из библиотеки русского мецената Ивана Ивановича Шувалова начал распространяться не сразу. Когда в июне 1795 года задуманное Екатериной II строительство первой российской Публичной библиотеки «возымело свое начало», государыня, хотя и одобрила первый законодатель-

ный регламент, выразившийся словами «НА ПОЛЬЗУ ОБЩУЮ», однако главным ее замыслом было другое.

Огромная библиотека должна была олицетворять мощь Российской империи и «общенародный», «материнский» характер правления русской императрицы. А отнюдь не общую доступность, способствующую распространению вольнолюбия и якобинства. Понимая это, Иван Иванович Шувалов завещал свою богатейшую библиотеку Академии наук и Московскому университету, что и было сделано после его смерти.

После убийства императора Павла друг его юности Александр Строганов, взявший на себя функции директора строящейся библиотеки, сделал всё возможное, чтобы будущая Публичная библиотека «сохранила свое бытие». Строганов много занимался планами и возведением книгохранилища, разбором и классификацией книг и поставил своей задачей открыть библиотеку в самое ближайшее время.

Именно благодаря Александру Сергеевичу Строганову «Публичка» пополнилась рукописями Эразма Роттердамского, Лейбница, Вольтера и Руссо, архив библиотеки получил рукописные издания древнейших французских монастырей, а также интересные государственные документы из архива Бастилии.

Однако, пройдет еще 15 лет... Россия переживет смену правительств, тяжелую войну — «грозу двенадцатого года»... Именно после этой войны, поднявшей самосознание всех сословий российского государства, государственная власть признает, наконец, право на получение знаний «без разбора лиц» за всеми своими гражданами.

Преемник Строганова на посту директора Императорской Публичной библиотеки А.Н. Оленин писал в августе 1814 года: *«Истинная цель открытого книгохранилища состоит в том, чтоб всякий, кто бы он ни был, мог требовать для своего употребления всякого рода печатные книги, даже самые редкие... и пользоваться ими безмездно, не унося их токмо домой».*

Тридцать два года Оленин станет занимать это пост, который принесет ему уважение и почет в среде русской интеллигенции и вполне заслуженную похвалу историка Ключевского, писавшего: «...трудно вспомнить в ходе русского просвещения крупное дело или крупного дельца, не припоминая и Оленина. Не быв крупным светилом, он как-то умел бросить свой луч на каждое современное ему светлое явление в этих областях нашей жизни».

Любопытно, что по настоянию Оленина в «Положение о публичной библиотеке» было добавлено правило об обязательной бесплатной доставке в библиотеку в двух экземплярах всего, что выходит в свет из-под печатного станка в России. Таким образом раз и навсегда была решена проблема регулярного получения российских книг и других изданий.

«Как дерево посредством корня получает первоначальную свою растительную силу, так точно возрастание сего книгохранилища основано и утверждается на законе, которого действием приносится в оное из всей отечественной земли по два образца новых произведений книгопечатного искусства» — написал Оленин в одном из своих отчетов. Это своего рода наказ будущим директорам «Публички», от которого никто из них никогда не отступал.

Еще в 1778 году Великий князь Павел Петрович, осознав, пусть и не сразу, феномен первой в нашей истории «Публички» мецената-просветителя Ивана Ивановича Шувалова, отправил в дар шуваловской библиотеке несколько десятков прекрасно иллюстрированных книг по истории крестовых походов, животному миру и географии. В приложенном к этому дару письме Павла было сказано, что сам он вырос на этих книгах и вот теперь, посылая часть из них, он надеется, что они послужат «к расширению знания и живой склонности к фантазированию» у тех отроков, которым Иван Иванович сочтет нужным их дать.

Таким образом, сам того не ведая, Павел Петрович подал идею созда-

Александр Сергеевич Строганов

Алексей Николаевич Оленин

ния своего рода прообраза детского «филиала» общедоступной библиотеки. Но лишь через сто лет, в 1878 году, Россия получит свою первую общедоступную детскую библиотеку, которую откроет в Москве известный библиофил А.Д. Торопов. Перед Первой мировой войной детских библиотек в России будет уже (все-го!) двадцать.

«...а сколь дивно провел я эти часы, отнюдь не жалея об несбывшемся единении моем, — писал цесаревич Павел своему другу Нелединскому-Мелецкому, — а как расцветают мыслию, как одушевляются человеческие лица у самых разных сословий за занятием оным..., приобретая схожие, точно самою природою положенные черты...»

И дальше: «А помнишь ли, как цитировал нам в детстве Никита Иванович великого Петрарку. (Никита Иванович Панин, воспитатель Павла и дядя Нелединского-Мелецкого. — Прим. авт.): «Нельзя держать книги запертыми точно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память».

И таракан на что-нибудь полезен...

Талант приспособления у тараканов истине замечателен. Эта группа насекомых, будучи одной из самых древних (тараканы существовали уже 300 миллионов лет назад), одно время – в каменноугольный период – была вообще ведущей на земном шаре, составляя свыше 40% всех тогдашних насекомых. Но и сегодня она насчитывает около 5000 разных видов, которые обитают буквально повсюду (кроме разве Антарктиды). За это время тараканы почти не изменились, если не считать того, что стали больше по размеру, а их самки утратили наружный яйцеклад. Они так же плохо летают, так же – в массе своей – боятся света и так же едят все, вплоть до клея на почтовых марках, а при надобности – друг друга и даже людей. Точнее, отдельные наружные ткани человека (по свидетельствам моряков в старину, им более всего нравятся наши ногти!). Впрочем, они могут выжить чуть не месяц и при полном отсутствии еды. Столь же выносливы они и в отношении радиации, хотя тут они не рекордсмены: их уровень смертельной радиации в 10 раз больше человеческого, тогда как у дрозофилы он больше в 100 раз, а у одного из видов ос – в 140. Зато тараканы, хотя и нуждаются в воздухе для дыхания, могут обходиться без него до 45 минут и находиться под водой до получаса. (Кстати, дышат тараканы через своего рода «жабры», а руководит вдохами-выдохами уровень концентрации углекислого газа в теле.) И, наконец, если таракану отрезать голову, то его тело может довольно долго двигаться без головы, а голова может шевелить усиками без тела. Но на это способны многие насекомые, просто по причине особого устройства их мозга. Собственно «мозг», то есть головной мозг, составляет у них лишь небольшую часть нервной системы и выполняет не все до единой жизненные функции – некоторые такие функции выполняют те участки нервной системы, которые находятся в теле насекомого.

Что является специфической особенностью тараканов – это их желание жить в доме человека. Правда, из 5000 тараканских видов таким желанием одержимы лишь четыре – немецкий, американский, азиатский (этот вдобавок любит свет) и черный (или восточный). Мало того, что они оставляют повсюду свои феромонные следы, вонь и микробы, – они еще зачастую вызывают аллергические реакции и вдобавок ко всему – шипят, сильно выдыхая воздух через свои «жабры» в момент опасности или ухаживания за дамой. Всё это породило наше к ним заслуженное отвращение. Но вот недавно оказалось, что у тараканов есть очень интересные для людей умения. Они обладают развитым чувством равновесия, удерживаясь при самом резком наклоне поверхности и даже при отсутствии одной ноги, могут быстро двигаться по очень неровной поверхности и резко менять направление бега.

Оказалось, что всем этим таракан обязан своим замечательным ногам. Они у него покрыты множеством коротких отростков, похожих на те, что соединяют между собой наши нейроны. Это сходство оказалось не случайным. Исследования показали, что эти отростки непрерывно передают мозгу таракана детальнейшую – благодаря их множеству – информацию об условиях тараканьего бега, что позволяет мозгу столь же непрерывно и детально координировать этот бег. Изучив этот удивительный тараканий механизм, ученые воспроизвели его, создав механическую руку, способную брать и удерживать очень мелкие предметы, затем серию роботов, способных держать равновесие на неровной местности и поворачивать на 90 градусов на полном бегу, а недавно – робота «Скорокана», который движется быстрее самого таракана, развивая скорость около 10 километров в час.

Видите, и таракан может быть полезен.

З а г л я н у т ь в **XXII** век

Каждый раз, когда посещаю Центральную Городскую Деловую библиотеку (ЦГДБ), память неизменно возвращает меня в далекий 1981 год: РГУ, первый курс, залитая солнцем аудитория, преподаватель – замечательный профессор Т.В. Мура-нинский – читает лекцию по введению в специальность. Отвлекаясь от основной темы, излагает теории «Четырех революций» и «Глобальной деревни» Маршалла Маклюэна, бесстрашно, в отличие от нас, студентов, поглядывая на дверь, затем увлеченно говорит о библиотеке будущего. И я представляю ее именно такой, как ЦГДБ...

Деловая библиотека – постоянный участник международных профессиональных конференций, форумов и конгрессов, а также организатор выездных мероприятий в рамках Программы «Библиотеки Европы» и центр по информированию международного сообщества обо всех технических и социальных инновациях, реализованных здесь. Сотрудники ЦГДБ – частые гости на ведущих российских телевизионных каналах (Первый, Культура, Москва-24).

Перечислим лишь некоторые титулы и награды директора этого необычного учреждения **Натальи Аветиковны Забелиной**: заслуженный работник культуры Российской Федерации, ветеран труда, лауреат ВВЦ, две медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней, «Менеджер года – 2003», Почетная грамота Правительства Москвы. Но превыше всех регалий – искренняя любовь читателей к необычайно красивой и доброжелательной женщине, блестящему эрудиту и неутомимой труженице.

– Наталья Аветиковна, в нынешнем году ЦГДБ отмечает 20-летний юбилей, поэтому первый вопрос – традиционный, об истоках.

– Начиналось всё в 1991 году, когда в нашей библиотеке № 98 Северо-Восточного административного округа Москвы появился Терри Истен, очень известный в США специалист, занимающийся телекоммуникационными технологиями и возглавляющий фонд «XXII век», родоначальник первого кабельного телевидения. Приехав в Россию, он был немало удивлен отсутствию в нашей стране деловой библиотеки и, в частности, вопрошал: «У вас появился новый класс – предпринимателей и бизнесменов. Но куда же они ходят, где черпают новую информацию?» Вместе с президентом Международного банка идей Сергеем Николаевичем Агапитовым Терри начал объезжать московские библиотеки. Просмотрев практически все, они приехали к нам в последнюю очередь. Мы быстро нашли общий язык и решили воплотить идею создания деловой библиотеки на базе нашей. Будучи человеком авантюрным и мало тогда понимающая в компьютерных и телекоммуникационных технологиях, я согласилась связаться в этот проект. Рассуждала так: нет ничего непостижимого, если ты хочешь это понять. Мы тут же все устроились на курсы, стали проходить обучение по новым направлениям, читать необходимую литературу.

Модернизация началась с того, что фонд Терри поставил нам оборудование – макинтоши, факсы, ксероксы, было установлено кабельное телевидение. Началась совершенно новая для моих коллег и меня жизнь, закрутилось какое-то немислимое колесо истории. Благодаря фонду Терри наше учреждение сделало потрясающий рывок в развитии. В настоящее время налажено сотрудничество не только с американскими партнерами, но и с Францией, Великобританией, Венгрией, Аргентиной, Республикой Куба.

Трудности, конечно, тоже имелись. Однажды, устав обивать порог главного финансового чиновника по культуре, я заявила: «Если не подпишите распоря-

жение о бюджете библиотеки, то принесу в ваш кабинет раскладушку и останусь здесь, пока не получу автограф». Чиновник дрогнул. И подписал документ!

– Сегодня часто приходится слышать об отсутствии «информационного голода» и ставится под сомнение роль библиотек, поскольку «Интернет убьет кино, видео и домино», а если серьезно – способен ответить на все вопросы. Что вы думаете по этому поводу?

– Во-первых, не следует переоценивать Всемирную паутину. В ней часто предлагаются (вернее, уже лежат!) устаревшие, а порой искаженные сведения. Чтобы отделить зерна от плевел, нужны очень квалифицированные специалисты. Не везде они есть. И, во-вторых: сама информация там дается без пояснений, без комментариев. Чтобы разобраться в ней, тоже нужен опытный консультант.

– Насколько ваше учреждение соответствует критериям «Библиотеки будущего»?

– Не считите за нескромность, однако соответствует, как никакое другое. С 2008 года у нас внедрена система автоматизации библиотечных процессов с применением технологии радиочастотной идентификации (RFiD), которая позволила существенно ускорить и повысить качество обслуживания читателей. Установлена система «Телелифт», предназначенная для автоматизированной адресной доставки литературы и документов из одного отдела в другой. Действует портативная станция выдачи и возврата литературы «Библиолокс». Интернет-класс доступен для всех посетителей, независимо от их гражданства и места проживания. В наших стенах функционирует беспроводная сеть WiFi, благодаря которой сотрудники обеспечивают подключение ноутбуков и других портативных устройств к Всемирной паутине. Обучаем компьютерной грамотности пенсионеров и людей с ограниченными возможностями. Все услуги (а их более пятидесяти) предоставляются бесплатно.

На сайте библиотеки, который, в свою очередь, интегрирован с популярными социальными сетями, мож-

Проект «Холокост»

но участвовать в обсуждении новинок. В режиме on-line предоставляются консультации по самому широкому кругу вопросов. Пользователи, у которых отсутствует доступ в Интернет, могут получить справку по телефону.

В будущем произойдет технологическое замещение ряда профессий. И

функции библиотекаря существенно изменятся. Библиотечное обслуживание будет полностью автоматизировано, и библиотекарям предстоит роль консультанта-профессионала высокого уровня, например, по юридической тематике, как это осуществляется в ЦГДБ. У нас уже сейчас имеются отде-

лы и сотрудники, которых вы не найдете ни в одной другой библиотеке — отраслевые специалисты. По сути, ЦГДБ является просветительским центром по важной и необходимой сейчас тематике — рыночной экономике. Так, в библиотеке действует информационно-аналитическая служба, консалтинговый отдел, маркетинговый, менеджмента, PR. Там работают специалисты, имеющие большой практический опыт. Многие из них прошли школу ведущих российских академий, некоторые учились за рубежом. Один из ведущих наших консультантов — руководитель крупной риэлторской компании. Он сам пришел к нам и предложил свои услуги. И говорит, что работа в библиотеке ему нравится!

Вопрос же о судьбе бумажного издания много лет волнует мир. О том, что книги в привычном для нас виде исчезнут, говорили уже — как вы думаете, когда?

— Помню, в 1970-е годы нам, школьникам, рассказывали, что собрание сочинений Льва Толстого поместится на микрофильме...

— Гораздо раньше! Еще в конце XIX века. Могу с уверенностью утверждать, что это утопия. Книги никуда не уйдут. Да, сегодня чаще встретишь человека с электронным чтивом, нежели с традиционным, однако художественная литература не в состоянии перейти окончательно в медиаресурс. Бумажная книга — это совершенно незаменимый элемент досуга, необходимая часть жизни человека, она натуральная, так как бумага делается из дерева, а дерево произрастает из земли. Я не говорю уже о детской книге, где так важна хорошая иллюстрация, экран ее не заменит. Это же относится и к альбомам по искусству, даже если ваш компьютер располагает исключительно высоким уровнем разрешения.

Учитывая специфику нашего учреждения, следует отметить: деловая информация быстро устаревает и не будет храниться 200 лет в каждой библиотеке, как произведения великих классиков. Однако постоянный прирост новых и обновляющихся сведений позволяет рассчитывать и наде-

яться на востребованность библиотеки с ее информационными запасами в настоящем и даже в далеком будущем.

Сегодня ЦГДБ проводит различные исследования на базе собственных методик, опросных листов. Тематика выполняемых работ широка, и практически каждое структурное подразделение органов власти и управления может сформулировать свой запрос для исследований подобного рода. Они проводятся практически молниеносно, профессионально и имеют огромную ценность при принятии решений. Постановка задач при проведении исследований и методика являются ноу-хау нашего учреждения. Конечно, делимся опытом: в апреле этого года организовали семинар для библиотечных работников профессиональных образовательных учреждений города Москвы «Деловая библиотека — современный информационно-образовательный и культурно-просветительский центр».

— Каков ваш постоянный читатель? Он непременно связан с бизнесом?

— 70 процентов фонда ЦГДБ составляют издания деловой тематики, то есть по экономике, финансам, праву; 30 — художественная литература и книги по отделам. Деловые круги, различные фирмы представлены, в основном, в качестве коллективного пользователя и насчитывают 15 процентов. 60 процентов — учащая молодежь, студенты вузов и колледжей. Будущие экономисты, финансисты и юристы имеют возможность не только подобрать необходимую литературу, но и получить консультацию наших специалистов, настоящих профессионалов по интересующей тематике. Остальные читатели — представители разных профессий.

Крупными потребителями информационно-аналитических и консалтинговых услуг являются сторонние организации, работающие на коммерческой основе. Они обращаются по интересующим их вопросам, таким, как ситуация в сфере кредитования в разных отраслях промышленности, финансовая состоятельность предприятий и тому подобное.

– *Расскажите о проектах ЦГДБ.*

– Неоценимую помощь во всех начинаниях оказывают наши постоянные партнеры: Фонд поддержки Героев Советского Союза и Российской Федерации имени Е.Н. Кочешкова, Московский городской Совет ветеранов, Мемориальный Музей космонавтики, редакция журнала «Юный краевед», МОО «Клуб Героев» и ВОО «Трудовая доблесть России», Центр поддержки ветеранов и патриотического воспитания молодежи «Связь поколений». Главное событие нынешнего года – 70-летие Великой Победы. Один из проектов, который мы осуществляем совместно с Московской Городской думой и Столичным цехом деятелей культуры под председательством Народного артиста России Евгения Герасимова, называется «Герои России». Цель его – формирование у молодежи чувства гордости, уважения к Родине, защитникам Отечества.

14 апреля этого года в нашей библиотеке состоялась презентация работ участников победителей литературно-патриотического конкурса «Летопись Великой Отечественной войны в очерках юных корреспондентов». Мероприятие прошло при поддержке Региональной общественной организации «Московский городской Совет женщин» совместно с Департаментом образования города столицы. Свои работы на конкурс прислали учащиеся школ Алексеевского, Ярославского и Лосиноостровского районов. В ЦГДБ также были подведены итоги Городского конкурса «70 книг о войне». Еще одно мероприятие, приуроченное к знаменательной дате – проводимый в марте-апреле Департаментом культуры города Москвы и нашим учреждением Городской конкурс «Семейная реликвия», где фигурируют не только книги, но и личные вещи, связанные с событиями семидесятилетней давности. Всего было представлено 64 работы – компьютерные презентации на тему семейных реликвий (виртуальные музеи), связанные с Великой Отечественной войной (награды, трофеи, письма, фотографии и так далее). Тема мужества всегда актуальна. Важное событие в

жизни ЦГДБ – выигрыш гранта на проект «Холокост», это огромная, почти километровая экспозиция, подготовленная нашими сотрудниками в Парке Победы на Поклонной горе.

Мы, разумеется, обращаемся к теме Победы не только в юбилейные дни. В библиотеке традиционно проводятся встречи с ветеранами и участниками Великой Отечественной. Чувство благодарности за их героический подвиг с годами не угасает! Среди этих, уже очень пожилых, но отличающихся завидной энергией людей, немало наших постоянных читателей. Один из них – Алексей Иванович Юдин, большой друг библиотеки, в прошлом летчик. С каким интересом слушает его молодежь! Недавно он отметил 90-летие, получил поздравительную телеграмму от Президента России В.В. Путина. Раньше Алексей Иванович жил неподалеку, несколько лет назад он переехал в другой район, однако когда мы привлекаем его к выступлениям и работе в жюри, ни разу ни отказался.

2015 год – также Год литературы, в его рамках организован проект «Литературный голос», предусматривающий ряд встреч с писателями. Первая, состоявшаяся в январе – с выдающимся российским поэтом, неутомимым «шестидесятником» Евгением Евтушенко. В отделе абонентного обслуживания читатели могут ознакомиться со списками номинантов литературных премий «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный Бестселлер», «Букеровская премия».

Много лет действует проект «Лучшие книги издательств – московским библиотекам», им руководил доктор физико-математических наук, профессор, замечательный просветитель С.П. Капица. Большой утратой для нас стала кончина Сергея Петровича в 2012 году, ныне проект возглавляет его сын, Федор Сергеевич Капица – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН. В проекте участвуют более 45 издательств, цель его – оперативное информирование о новых изданиях, пропаганда книги и чтения, обсуждение актуаль-

ных проблем комплектования фондов. На наших ежемесячных встречах можно задать вопросы издателям, приобрести интересующие книги и периодику, в том числе и бесплатно.

В прошлом году наша библиотека отметила 200-летие со дня рождения великого русского поэта проведением городского конкурса чтецов «Мой Лермонтов».

Большое внимание уделяется работе с юными читателями. В Деловой библиотеке 26 февраля 2015 года состоялся круглый стол: «Организация работы с молодежью в социокультурном пространстве Алексеевского района в условиях межведомственного взаимодействия». В том же месяце был проведен День открытых дверей – для преподавателей и студентов Московского института экономики, политики и права (МИЭПП). 8 апреля мы организовали еще один День открытых дверей – для учащихся 3 курса Колледжа индустрии гостеприимства и менеджмента № 23. Подобное общение – отличный повод посетить библиотеку сегодняшнюю, библиотеку XXI века и собственными глазами увидеть, что в ней происходит, оценить достижения, внести предложения по работе. Юношам и девушкам, нацеленным на продвижение по службе, тем, кто мечтает о реализации и признании своих талантов, адресована книжная выставка «Правила карьеры».

20 апреля в рамках ежегодных «Терешковских чтений» мы провели для школьников тематическое мероприятие, посвященное Дню космонавтики, «Он сказал: «Поехали!»». В прошлом году в «Терешковских чтениях» приняли активное участие суворовцы четвертого, пятого и шестого курсов. Тематика работ, представленных на чтениях, отличалась разнообразием. Ребята подготовили и зачитали доклады и презентации по истории освоения внеземного пространства, биографии первой в мире женщины-космонавта Валентины Владимировны Терешковой и на другие «космические» темы. В подготовке суворовцам помогли воспитатели учебных курсов, педагоги отдельных дисциплин.

Для самых маленьких читателей мы устраиваем викторины «Знаете ли вы басни И.А. Крылова?», Рождественские театрализованные представления, проводим литературные забавы по русским народным сказкам, веселые состязания и угощения на Масленицу (кстати, мы не против, когда «подтягиваются» и взрослые). Всегда рады нашим подаркам малыши из малообеспеченных и многодетных семей. Общаемся, в основном, не в помещении, а на свежем воздухе, даже в зимние дни. 25 мая у центрального входа в библиотеку прошел «Литературный праздник мира, солнца, света, и добра», приуроченный к Международному Дню защиты детей, незадолго до него отметили 210-летие со дня рождения Х.К. Андерсена. Год назад мы отпраздновали юбилей (90 лет!) ныне живущего классика детской литературы Анатолия Алексина – автора замечательных книг (в том числе, и для взрослых): «Саша и Шура», «Поздний ребенок», «Мой брат играет на кларнете», «Безумная Евдокия», «Третий в пятом ряду», «Домашний совет», «Игрушка», «Проверенных» многими поколениями читателей.

Вернусь к «взрослым» проектам. Нашему учреждению довелось быть координационным центром при решении ряда крупных начинаний, носящих характер общегосударственных. Например, ЦГДБ координировала реализацию библиотворительного мегапроекта «Пушкинская Библиотека: книги для российских библиотек». Основная его задача – создание автоматизированной информационно-поисковой системы (ИПС) прижизненных изданий национального гения и книг, посвященных его творчеству. Сюда относятся также формирование ИПС генеалогического древа Александра Сергеевича, позволяющей по определенным признакам проследить и постоянно обновлять данные по его родственным связям. Пушкин – это своеобразный мост, который связывает регионы страны с точки зрения не только культуры, но и понимания самой России.

Беседа вела Наталья Рожкова

**Зомби
в Древней
Греции**

Мы уже писали о странных захоронениях, найденных в Германии, которые свидетельствуют о том, что местные жители боялись вампиров и зомби. Теперь американские археологи обнаружили аналогичные погребения и на территории древнегреческого поселения на Сицилии.

В ходе раскопок обнаружено 2905 захоронений, в двух из которых покойников «утяжелили» и надежно закрепили в могилах.

В частности, в одной из гробниц находились останки человека неизвестного пола, страдавшего при жизни от тяжелых болезней и недоедания. Скелет был полностью покрыт крупными черепками амфор, которые должны были помешать мертвому встать из могилы.

Подобным образом похоронили и ребенка тринадцати лет, чье тело прижали камнями.

Кроме того, на всей территории кладбища нашли множество табличек с закликаниями против воскрешения мертвых.

В разных концах Европы археологи до сих пор обнаруживают тела, пронзенные колом и с отделенной головой. Существование живых мертвецов науки не доказано, но наши предки предпочитали перестраховываться.

**Если заправить
автобус навозом...**

...получится новый рекорд скорости для пассажирских машин такого класса. На испытательном полигоне в графстве Бед-

фордшир автобус Bus Hound разогнался до 123,5 километров в час.

Bus Hound работает на биометане, который получают путем сбраживания навоза бактериями в биореакторе. Газ превращается в сжиженный, мало чем отличающийся от сжатого природного газа. Его закачивают в семь баков, которые расположены на крыше транспортного средства.

Для рекордного заезда с автобуса сняли ограничитель скорости и внесли несколько изменений в конструкцию подвески. «На полигоне автобус ревел подобно бомбардировщику – ведь его аэродинамика не рассчитана на скорость в 120 километров в час», – сказал главный инженер компании-производителя.

Кстати, в Бристоле ходит рейсовый автобус, работающий на человеческих фекалиях. Поговаривают, что подобное топливо неэффективно. Что ж, будущее покажет.

**Секрет простого
человеческого
счастья**

Компания Yeo Valley заказала научное исследование, в ходе которого эксперты спросили 4000 взрослых людей про их об-

раз жизни и попросили оценить свой уровень счастья. После чего фирма сообщила, что британцы становятся счастливее вовсе не из-за приобретения дорогой собственности.

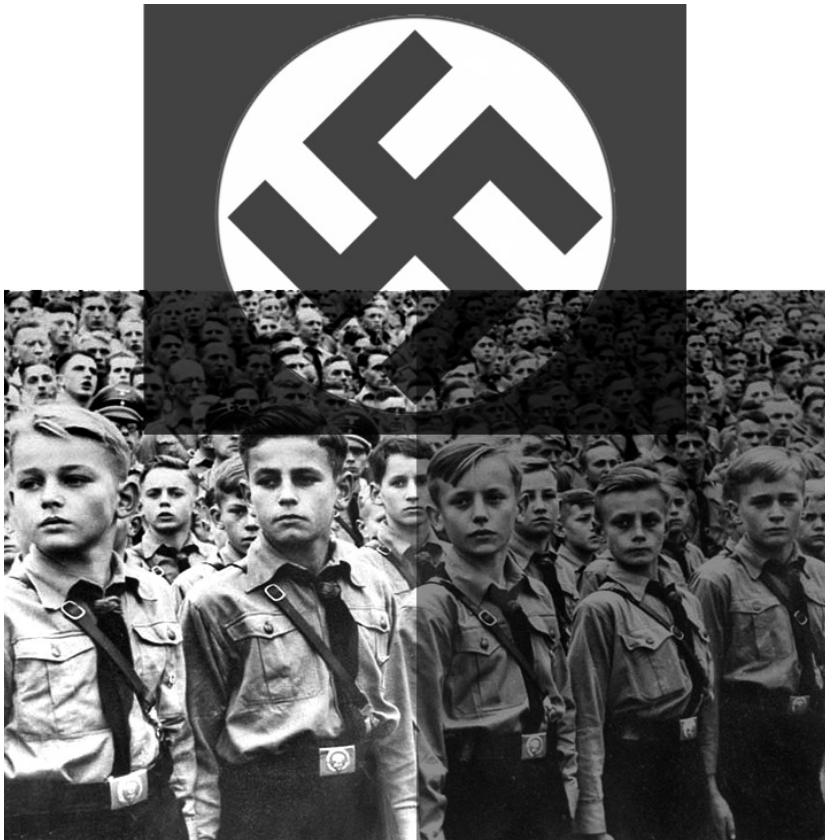
Так, самые счастливые люди ежедневно работают по 7 часов 25 минут, за 20 минут добираются до дома и спят в среднем по 6 часов 25 минут. Они проводят свободное время с детьми, смотрят мыльные оперы, дважды в год выходят в оплачиваемый отпуск, занимаются спортом и не злоупотребляют алко-

голем. Формула счастья включает как минимум одну вечеринку с друзьями или один беззаботный шопинг в неделю.

«Большинство считает важным спокойный сон, время, проведенное с детьми, любимыми и друзьями, – сообщил представитель компании. – Наша жизнь полна трудностей, а потому сделать нас счастливее помогут такие простые радости, как сериалы, домашняя пища и вечеринки».

В лучах свастики, в тени свастики

В 1926 году, когда после тяжелого кризиса начала двадцатых будущее Веймарской республики казалось безоблачным, в стране была создана новая молодежная организация – «Гитлерюгенд». Карликовая группка, ставшая всего через десяток лет колоссом. В 1933 году все другие молодежные организации, соперничавшие с ней, были запрещены. Отныне молодежь закалялась, как сталь, лишь в этой кузнице кадров.

Если в старинных сказках молодой путник застывал на развилке дорог у

камня с надписью «Пойдешь налево... Направо...», то юного немца в году 1939 муки выбора не тяготили. После принятия закона о «Гитлерюгенде» (1 декабря 1936) все дороги вели его туда. С 14 до 18 лет миновать эту организацию было нельзя, если ты, конечно, был истинным арийцем.

Путь неизбежен. Прибытие неотвратимо.

Уже в десять лет мальчики вступали в «Дойче Юнгфольк», «Немецкую молодежь», а девочки – в «Юнгмедельбунд» («Союз девочек»). Затем линия жизни

тянула белокурых ариек в «Союз немецких девушек». А мальчишки... Их кумир с высот популярности сказал о них: *«Необычайно активная, властная, жестокая молодежь — вот что я оставлю после себя»*. Такой должна была стать «Гитлеровская молодежь».

«Нам не нужны интеллектуальные упражнения. Знание разрушительно для моей молодежи». Но пепел книг, сожженных в 1933 году, давно развеялся. Мальчишки, в чьих взорах был *«блеск хищного зверя»*, держали в руках другие книги.

Новенькие, красивые книжки с картинками.

С саблей и винтовкой

К своим десяти годам читатели этих книжек были уже хорошо воспитанными мальчиками и девочками. Их с первого класса учили (и картинки в их букварях от страницы к странице напоминали им), что надо не забывать повторять «Зиг хайль!», при встрече вскидывать руку в гитлеровском салюте и любить свастику.

Так столетиями дети приучались повторять молитвы и поклоняться иконам.

Теперь, едва открыв прописи, они тараторили хором слово *heil*, одно из первых встречавшееся им. Рядом по чистой, белой странице букваря шли молодые, одинаково одетые герои, высоко вскинув руки. И рисованные мальчишки и девочки, такие же маленькие, как читатели этой первой в их жизни книжки, замерев, приветствовали героев тем же гитлеровским салютом. Эту восхитительную сцену хотелось разыгрывать на каждом шагу. Выбежать на улицу и салютовать всем одетым в военную форму героям. Какое счастье жить в стране, которая превыше всех! В стране, где героем может стать любой!

А как красивы люди, одетые в военную форму! В Третьем рейхе были очень популярны детские книжки с картинками, которые прославляли войну.

А что было на этих картинках?

Там были двойники читателей, правительные мальчишки. Они тоже жили в счастливой стране и тоже любили пра-

Чем не юная пионерка? Только «под сенью свастики в цвету»

вильного фюрера. Любили маршировать и салютовать. На каждом шагу и они встречали свастику, любуясь которой, не уставали кричать заветное «Хайль!» Потом в их руках, как по волшебству, оказывались винтовки и пулеметы; они нажимали на какие-то металлические выступы в этих громадных предметах (ведь они были малыши — сами ростом с винтовку). Оружие стреляло, отпугивая невидимых врагов, которые, как черти, скрывались в неслучайной дали. Туда же, с глаз долой, они кидали гранаты. Туда летели большие самолеты, плыли большие корабли. Пристыженные и отогнанные враги даже не рисковали выйти на поле боя и заочно расписывались в своем поголовном разгроме. Образцовые мальчишки снова могли маршировать под сенью свастики в цвету. Для детей, воспитанных отцом нации, не было более легкого занятия, чем побеждать на войне. Недаром их губы готовы были безостановочно твердить: «Зиг Хайль!» Гитлер же, превращенный в миллионы портретов, мог и дальше спокойно взирать на них, увеселенный в каждой комнате каждого дома.

Рисунок из книги «С саблей и винтовкой»

Вот пример иллюстрированной детской книжки о войне, в работе над которой принял участие известный для того времени художник — «С саблей и винтовкой» (1940). Оформил ее Фриц Кох-Гота, один из самых популярных карикатуристов Веймарской республики.

Всего лишь за семь лет до этого, в 1933 году, к нему обратился один из помощников Геббельса, надеясь на сотрудничество. *«Вы можете себе представить штурмовика, которого изобразил Кох-Гота?»* — рассмеялся художник. Теперь и он примкнул к кисти брошенный ему штык.

Полвека спустя немецкий искусствовед Ханс Рис, автор «Опыта исследования немецких иллюстрированных книг», взвешенно оценивал эту работу, выполненную *«рукой мастера, полную жизни и особой атмосферы»*: *«По сути, это ведь книжка с картинками, рассказывающая о том, как играют в солдаты. Книга ведет нас в мир мальчишек, а не в милитаристский мир взрослых мужчин и не на войну, где сражаются солдаты... И даже показать эту военную обстановку — вовсе не означает еще пропагандировать идеи национал-социализма. Люди воевали и продолжают воевать вовсе не потому, что они — национал-социалисты»*.

В самом деле, в этой книжке в традициях кайзеровской Германии Кох-

Гота изобразил войну как веселую игру, которой так легко увлечется мальчишкам. Вот только пройдет несколько лет, и никому в Германии от искрометного веселья этой книги уже не будет смешно.

Еще одна книжка для самых маленьких — «Немецкие солдаты» (1939). Теперь при одном лишь взгляде на нее смех застывает на губах, превращаясь в гримасу ужаса. Вот посреди цветущей местности яркими лепестками разрастается пламя. То горит сельский дом. Мимо него едут мотоциклисты, равнодушно бредут солдаты. Их колонны давно рассыпались. Слово орда мародеров, они прочесывают местность. Настоящих же врагов — тех, которых они призваны победить, — здесь нет и в помине. Но такими нам и запомнятся эти солдаты вермахта. Они и впрямь будут покорять одну страну за другой, являясь туда, как мародеры.

Концентрационный лагерь

Избавиться от «немецких солдат», закрыть на них глаза теперь уже было нельзя. Они маршировали по всем книжным магазинам, оккупировали все школьные библиотеки. А ловцы и губители душ, учителя, только и делали, что зазывали новые батальоны на постой.

В 1939 году, незадолго до начала Второй мировой войны, Национал-

социалистический союз преподавателей настойчиво призвал авторов школьных учебников и пособий пропагандировать службу в вермахте, давать ее живые, красочные описания, знакомить школьников с «оружием, знаками различия, униформой, а также структурой вермахта».

Вскоре, когда война началась, идеологи партийной литературы открыто заговорили о том, что отныне авторы школьных учебников и детских книг должны следовать «высшей заповеди воспитания», а именно «воспитывать в подрастающем поколении готовность выполнить свой воинский долг». Молодых людей следует воодушевлять на «борьбу за свободу» немецкой нации, «качественно готовить к обороне своей страны» (цитируется доклад Эвальда Нойгебауэра, с которым он выступил в январе 1940 года на семинаре учителей, посвященном проблемам военно-патриотического воспитания в немецких школах).

Докладчик подчеркивал: *«Итак, первый критерий, с помощью которого отныне будут оцениваться фонды школьных библиотек, таков: помогают ли эти книги воспитанию боевого духа... Но даже если боевой дух есть, и молодые люди готовы сражаться, то, всё равно, им требуются точные знания из области военного дела. Заполняйте полки школьных библиотек книгами по военному делу! Мальчикам нужны знания обо всем, что, так или иначе, связано с вермахтом...»*

Молодого человека надо подробно информировать... о сухопутных войсках, военно-морском флоте и военно-воздушных силах. Он должен легко разбираться в их вооружении, задачах, стоящих перед этими родами войск, и способах ведения ими боевых действий. Наконец, школьнику следует также читать книги, которые знакомят его с боевой мощью других государств. Разумеется, все эти книги должны быть захватывающими по содержанию, привлекательно оформленными, иначе вместо того, чтобы воодушевить на борьбу, мы получим нечто противоположное!..»

Я хотел бы видеть молодежь... которая с нескрываемым восторгом любова-

лась бы танками, артиллерийскими орудиями, пулеметами, боевыми самолетами, истребителями, бомбардировщиками, самолетами-разведчиками, линкорами, эсминцами, подводными лодками и т.д.»

И такие книги не могли не появиться, новые книги о Второй мировой войне, адресованные детям. Вот лишь заголовки некоторых изданий, оперативно поступивших в школьные библиотеки Третьего рейха: «С пикирующими бомбардировщиками и танками вглубь Франции», «Наши горные стрелки на фронте в Заполярье» или «Пикирующие бомбардировщики пробивают бреши». В этих приключенческих историях, очень далеких от правды жизни, неизменно восхвалялись отвага немецких солдат, их невероятные подвиги и их готовность умереть ради защиты родины от врагов — где бы ни пришлось обороняться от них, то ли в соседней Франции, то ли в далекой России.

По мере сил и способностей выполнялось и еще одно пожелание партии, озвученное докладчиком. Выпускались книги, которые рассказывали молодежи «о мощи других государств» и о событиях новейшей истории. Они разъясняли школьникам, в каком жестоком мире они живут, какие страшные страны окружают Германию. Пример тому — «Концентрационный лагерь», книга Фрица Шписера, выпущенная в 1940 году. В ней описана страшная явь той эпохи — концлагерь, созданный главными преступниками современности, англичанами, в Южной Африке. Туда сажают хороших ребят — буров, туда посадят нас всех, немцев, если проклятые англичане победят.

«Перед нашими глазами проплывают раздирающие душу картины — судьба семьи Термеер. Лишь одна из многих тысяч судеб в войне с бурами. С жестокой откровенностью эта история, основанная на подлинных свидетельствах, показывает те бесчеловечные методы, с помощью которых лондонская plutократия стремилась подавить храбрый народ... Именно теперь молодежь должна со всей отчетливостью

понять и представить себе, чем на самом деле был тот «гуманизм», с помощью которого англичане сколачивали свою мировую империю, захватывая одну страну за другой... Даже если здесь и есть какие-то преувеличения, а они, несомненно, есть, это не меняет сути картины» – такой аннотации удостоилась эта книга в картотеке Национал-социалистического союза преподавателей.

Не верь лисе...

Враги были везде. Не только за железными цепями границ, которыми, как несчастная узница, была скована Германия. Ими кишела сама немецкая страна! Недаром в том же докладе Нойгебауэра «Школьные библиотеки и молодежная литература на службе военно-патриотического воспитания» расставлялись все точки над *i* и говорилось, что первостепенное значение также имеют книги, посвященные расовому вопросу: «*Молодой человек должен еще в раннем возрасте осознать всё значение и ценность чистой крови*». В Третьем рейхе количество подобных изданий, адресованных детям, подросткам и их учителям, к тому времени стало необозримым.

Любопытно, что в книжках для детей младшего возраста, как и в школьных учебниках для самых маленьких, антисемитская пропаганда малозаметна. Очевидно, идеологи национал-социализма понимали, что для детей 6–8 лет непонятны псевдонаучные рассуждения о «всемирном еврейском заговоре», которым с таким доверием внимала взрослая публика. Для таких детей годилась разве что косвенная пропаганда, действовавшая на уровне подсознания. На книжных картинках они видели только бодрых белокурых детей – «истинных арийцев». Ребенок, начитавшийся таких книжек, никогда бы не узнал, что в мире есть еще и евреи. Ну, а если бы он встретил еврея на улице, то лишь удивился бы тому, какой же уродливый этот незнакомец.

Разумеется, были и исключения. Печально известное издательство

«Штюрмер» не считалось ни с какими законами детской психологии. Известно же было издательству тем, что с 1923 по 1945 год выпускало иллюстрированную газету «Дер Штюрмер» («Штурмовик»). По всей Германии можно было увидеть стенды, на которых красовались свежие номера этой популярной газеты. Любой ребенок мог подойти к стенду и почитать, например, печатавшиеся из номера в номер «Истории о ритуальных убийствах». Их главная, их единственная мысль легко сводилась к фразе «*Die Juden sind unser Unglück*» («Евреи – наше несчастье»), ставшей газетным девизом. К этой мысли детей приучали все тридцатые годы. В любом номере «Штюрмера» появлялись леденившие кровь истории. Разве что в дни Олимпийских игр 1936 года, проводившихся в Берлине, стенды «Штюрмера» вдруг опустели в самых людных местах. Вожди страны, уже три года как потерявшей свое лицо, все-таки еще боялись, что эту потерю заметят.

Лицо же, отражавшееся, как в зеркале, в страницах «Штюрмера», было уже тогда кровавым, зверским. Его издателем и владельцем был человек, вызывавший неприязнь даже у руководителей нацистской партии, – Юлиус Штрайхер. Ведь в его ненависти к евреям отчетливо проступало безумие. Уже в 1939 году этому любителю порнографии и сатисту были запрещены любые публичные выступления. Годом позже по инициативе Геринга он был смещен со всех партийных постов. Ему оставалось разве что твердить, как заклинание: «*Победа наступит только тогда, когда весь мир будет свободен от евреев*».

Так бывший школьный учитель, еще в 1925 году заставлявший учеников кричать «Хайль Гитлер!», оказался почти не у дел. Ему оставалось разве что продолжать выпускать свою антисемитскую газету. Человек без ума и без комплексов, раздражавший своими лозунгами самого Гитлера, он, не задумываясь ни о чем, стал втолковывать положения антисемитизма маленьким детям (эту «просве-

нительскую деятельность» пресек Нюрнбергский процесс, приговоривший Штрайхера к смертной казни).

В том олимпийском 1936 году в издательстве «Штюмер» вышла веселая книжка с картинками, адресованная детям: «*Trau keinem Fuchs auf gruner Heid und keinem Jud bei seinem Eid!*» («Не верь лисе, что по зеленому лужку крадется, не верь жида, что истово кланяется!»). Автором ее была некая Эльвира Бауэр, о которой известно лишь то, что она была студенткой и изучала искусство (в годы войны ее следы теряются).

Вот подстрочный перевод некоторых отрывков из этой стихотворной книги, которая переносила детей, открывших ее, во времена поистине сказочные – во времена сотворения мира: «*Отец евреев – дьявол. // Когда Господь Бог создавал мир, // Он сотворил расы: // индейцев, негров и китайцев, // а также евреев, злых существ. // И мы, мы тоже были тогда: // было множество самых разных немцев. – // Тогда он даровал всем нам земли, // Дабы мы возделывали их в поте лица своего, // Еврей же не трудился вместе с нами!... // Он не хотел ничего делать – только обманывать. // Легко и быстро он перенимал враки дьявола, // выучивая их на отлично (дословно «на единицу»; в немецких школах «единица» – высшая оценка. – Прим. ред.), // чтобы записывать их потом в своем Талмуде... // Дьявол принес евреев в Германию, // они захотели пробраться в страну, // и немцам пришлось поосторониться!.. // Немец – человек гордый, // он может и работать, и сражаться. // И еще он – человек красивый, полный мужества, // а потому он с давних пор ненавидит евреев!»*

Постепенно урок всемирной истории сменялся прописными истинами экономики, подлинными уроками импортозамещения: «*В еврейский магазин мы не пойдем! – // так мама говорит ребенку. // – Мы покупаем только немецкие товары! // Запомни это, мой милый ребенок: // немецкие женщины должны покупать // лишь то, что сделано немецкой рукой, // немецким прилежанием и немецкой силой. // Поэтому*

мы будем заходить // лишь в магазин немецких товаров, // где мы к тому же большие сэкономим, // потому что там всё дешевое и настоящее! // У евреев же покупают одну дрянь! // Поэтому запомни, что говорит мать: // Не покупай ничего у евреев!».

Это была не первая и не последняя популярная антисемитская книжка для самых маленьких детей.

В 1938–1942 годах главным редактором «Штюмера» был бывший учитель Эрнст Химер (после войны его арестовали американцы, и до 1948 года он находился в тюрьме; после освобождения ему было запрещено работать учителем).

В 1938 году Химер выпустил книжку «*Der Giftpilz*» («Ядовитый гриб»). Она была иллюстрирована штатным художником «Штюмера» Фипсом (Филипп Рупрехт); после войны Рупрехт, сделавший себе имя на антисемитских карикатурах, был приговорен к нескольким годам принудительных работ.

Тираж «Ядовитого гриба» уже в первый год достиг 70 тысяч экземпляров. Книга стала образцом нацистской пропаганды, адресованной детям, – образцом настолько ярким, что уже в том же 1938 году она была переведена на английский язык, а предисловие к переводу написал Х.Х. Хенсон, епископ Дарема, бескомпромиссный противник нацистов.

В 1940 году Химер выпустил еще одну расистскую книжку – «*Pudelmopsdackelpinscher*» («Пудельмопстаксапинчер»), адресованную уже, скорее, подросткам (там было гораздо больше текста и не так много картинок).

Ненависть становилась смертельной, яд сатиры – убийственным. В мае 1942 года в предовище «Штюмера», в ту пору, когда истребление евреев шло уже вовсю, Химер, распалая ненависть в немцах, писал, что евреи – это «*организованное преступное сообщество, действующее во всем мире*». Справиться с ним удастся только тогда, когда евреи «*будут устранены*», когда «*мировое еврейство прекратит свое существование*».

Окончание следует

Banksy, Р-183

и другие безымянные герои [Лондон, Москва, etc.]

Всех, кто творит, можно очень условно разделить на три группы – заранее прошу простить меня за столь грубую калибровку, тем не менее, без условностей в коротком эссе иной раз не обойтись.

Есть те, кто работает в рамках заранее заданных предшественниками норм и правил, и эти творцы, как правило, придерживаются «традиционных» методов и взглядов на вещи и системы вещей. Их позиция удобна в том числе тем, что их работу легко объяснить и еще легче оправдать, они нравятся большинству и, соответственно, мало рискуют. Единственный их риск – забвение, ибо такое искусство устаревает быстрее, чем поколение, на фоне которого оно создавалось.

Смысл работы вторых – детей новизны, кочевников по духу и образу жизни – в том, чтобы, перекинув заплечный мешок, распрощаться с уютным прошлым и создать новые правила, открыть новые пространства – или сгнать на неторной тропе, это уж как пойдет.

Третьи – пожалуй, самые малочисленные – способны жить на острие времени, здесь и сейчас, зачастую не зная о прошлом и не слишком задумываясь о будущем. Такое искусство наиболее имеет значение в настоящем, собирая урожай восхищения, непонимания, зависти, отвращения и восторга всегда только сегодня и ни в какой другой день.

Стрит-арт и городское граффити нынешнего времени – несмотря на тот факт, что, в целом, граффити есть изобретение времен неолита – как раз из тех видов творчества, которые предназначены для быстрого употребления и которые – одна из самых актуальных форм художественного выражения.

Как уже было сказано, граффити появились не вчера, но только к 70–80 годам прошлого века сформировались как самостоятельное направление искусства, а с 2000-х годов – как коммерчески востребованное. И если поначалу это искусство воспринималось как «протестное освоение городского пространства», то чуть позже оно стало восприниматься как внеидеологическое, внесистемное, отвоевав себе право в том числе и на художественное высказывание.

Когда-то The Economist возложил ответственность за этот переход на Бэнкси, одного из самых интересных уличных художников современности – его антивоенные, остросоциальные и просто замечательно остроумные работы широко растрежированы и сетью, и молвой. Если кто еще не знает, то личность этого британского невидимки до сих пор не установлена (по некоторым данным, его настоящее имя Робин или Роберт Бэнкс), и, несмотря на то, что его работы на солидных аукционах стоят ныне сумасшедших денег, сам он, похоже, зарабатывает не так много, а

главное — в его планы не входит коммерциализация своих работ. Действительно, что может стоить дороже собственного доброго имени?

Для уличных художников принципиально сохранять для себя установленные сообществом базовые принципы — желательная анонимность, бескорыстие, равнодушие к общепринятым нормам, сохранение единства среды, архитектуры и их взаимодействия со зрителем, стилистическое разнообразие, орнаментальность и образность, интеллектуализм. Приверженцы граффити не планируют превращаться в уважаемых монстров, ибо искусство, рожденное на улице, не выживет в музейных залах, и, став частью коммерческих систем, быстро утратит актуальность и свежесть — так, увы, уже было не раз.

Несомненно, такая популярность граффити и процессы, его обуславливающие, сегодня происходят, как писал искусствовед Александр Раппопорт, «на фоне кризиса музейного искусства», которое, возможно, переживает период стагнации, и даже «авангард ныне плетется в хвосте политических и экономических событий, стало быть, он уже вовсе и не авангард».

И пока такое положение вещей будет сохраняться, «заборная литература и площадная живопись» (Маяковский и Бурлюк, Декрет №1, год 1918) будут занимать всё большие пространства в городах и приобретать всё больший вес, в то время как профессиональные художественные сообщества остаются, как всегда, надолго изолированными от сквозняков перемен.

Немаловажно в деле создания уличных картин то, что этот вид искусства почти ничего не стоит, если не считать баллонов с краской и трафаретов, которые изготавливаются для обеспечения быстроты (а значит, анонимности) работы.

Граффити — один из немногих вариантов самореализации, который может позволить себе каждый, кто одержим жаждой творчества впридачу к авантюризму и способностям к

масштабированию изображений. Кроме того, эффект от созерцания такого рода живописи, как правило, молниеносный — всё же в деле визуального работает, прежде всего, первая сигнальная система, да масштабы творений тоже впечатляют. И особенно радостно то, что дерзость и витальность здесь почти всегда соседствуют с интеллектуальным посылом, а это значит, что на данный момент расстояние между тремя буквами на заборе и современным граффити — огромное.

Язык, на котором говорят эти художники, — универсален. И нет ничего странного в том, что граффити, захватывая всё новые селения, страны и континенты, распространяется и растет везде, словно городская трава. Наше счастье — в том, что, как и любой язык, этот развивается сам по себе, и его невозможно заключить в тесные рамки норм и правил. Магия его безусловна, и мы, пока относительно молоды, сможем наблюдать, во что предстоит разрастись этому интереснейшему направлению. Будем надеяться, что сегодняшним мастерам и впредь будут так же, как сейчас, чужды и неоправданная элитарность, с одной стороны, и надуманный, неискренний пафос, с другой — вещи, столь распространенные среди современника* сегодня. В одном из интервью Бэнкси как-то сказал: «И даже если ты не справишься при помощи граффити с мировой нищетой, ты можешь заставить кого-то улыбаться, пока он ссыт».

Привожу в качестве иллюстраций две работы — Бэнкси и «русского Бэнкси» (как его назвала The Guardian), Паши-183** — в доказательство того, что язык современных граффити универсален и понятен каждому. Ну, или почти каждому.

* На 3-й странице обложки вы сможете в этом убедиться.

** Паша-183 — по аналогии с ТАКИ-183, основоположником субкультуры граффити, который оставлял свой никнейм по всему Нью-Йорку, ибо работал курьером и много ездил по городу.

Исчезнувшая ИМПЕРИЯ

– Представление окончилось. Публика встала.
– Пора одевать шубы и возвращаться домой.
Оглянулись.
Но ни шуб, ни домов не оказалось.

Василий Розанов

Одной из самых обсуждаемых за последние годы книг, посвященных древней истории, стала работа британского ученого Питера Хизера *The Fall of the Roman Empire* (2005 год; в русском переводе – «Падение Римской империи», 2011 год)*.

* Мы упоминали о ней в сентябрьском номере нашего журнала.

Известно более двухсот научных теорий, описывающих причины гибели одной из величайших империй прошлого. Тем не менее, британский историк сумел выдвинуть свою оригинальную концепцию этой крупнейшей геополитической катастрофы, случившейся в I тысячелетии новой эры. За минувшее десятилетие Питер Хизер (в этом году ему исполняется 55 лет) написал еще две важные работы, посвященные упадку античной Европы и рождению Европы средневековой: *Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe* (2009; «Империя и варвары: переселения народов, эволюция и рождение Европы») и *The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders* (2013; «Реставрация Рима: варварские священники и имперские претенденты»). В интервью журналу *Spiegel* (его фрагменты мы предлагаем вашему вниманию) Питер Хизер подробно объясняет свою картину внезапного упадка цветущей Империи, поясняя роковую цепочку событий, приведших к краху, примерами из истории другой великой империи недавнего прошлого – из истории Советского Союза. В свою очередь, сам зачин его знаменитой книги заставляет внимательного читателя вспомнить лапидарную формулу гибели Российской империи, оставленную Василием Розановым. Вот так они и гибнут, империи, внезапно, со страшным треском, рушась, как подгнившие изнутри вековые деревья. А ведь, кажется, еще недавно ничто не предвещало краха, и императора при каждом его появлении встречали бурными, непреходящими овациями...

В течение одного поколения римский порядок пошатнулся до самого основания, а римские армии, как заметил современник, «исчезли, словно тени».

Питер Хизер

Spiegel: Профессор Хизер, вы рискнули снова задать вопрос, почему Римская империя пала (или она, правильнее сказать, просто распалась?). Действительно ли эта проблема так интересуют современных историков? Неужели пример Рима помогает нам понять то, что происходит в мире сегодня?

Питер Хизер: Несомненно. В последние десятилетия специалисты часто утверждали, что Империя, так сказать, «потихоньку слиняла». От нее постепенно отпали окраины, и никто этого особенно и не заметил. Я думаю, что те, кто так говорит, очень глубоко заблуждаются. Перед нами – одна из крупнейших катастроф, которую когда-либо доводилось пережить Европе. Всё это сопровождалось невероятным насилием, многочисленными сражениями. К слову, очень легко заметить,

когда государство окончательно утрачивает власть над территорией, которая ему прежде принадлежала. Это происходит, когда прекращаются налоговые поступления. Таким образом, у государства не остается денег, чтобы содержать армию и другие органы власти («*Потеря доходов, поступающих из Северной Африки, усугубила затруднения администрации..., предпринявшей ряд отчаянных попыток удержать на плаву западноримскую армию и империю*», здесь и далее цитируется по русскому переводу книги Хизера «*Падение Римской империи*». – *Прим. ред.*). А ведь еще за 30–40 лет до этого Империя отчаянно сражалась за то, чтобы удержать провинции, которые обеспечивали эти налоговые поступления.

– *Римская империя была ведь одним из самых крупных государств в мировой истории...*

Хизер: В любом случае, это было самое крупное государство, которое когда-либо возникло в Западной Евразии. К тому же она существовала на протяжении пяти веков – это не

идет ни в какое сравнение, например, с Советским Союзом. Римскую империю можно сравнить разве что с Китаем. Но тут есть одно очень важное отличие. Китай и сегодня объединяет те же территории, что входили в его состав и в древности. Римская же цивилизация навсегда утратила обширные области Средиземноморья, входившие в ее состав в античные времена. Все позднейшие крупные государственные образования, появившиеся в Европе, возникли в северной ее части, а не располагались вокруг Средиземного моря.

— *Почему Римская империя добилась таких успехов?*

Хизер: Начиная с 700 года до новой эры в средиземноморском регионе заметно стремление к политическому единству. В конце концов, чемпионом стал Рим. Решающую роль сыграло то, что римские общины были готовы принимать в свой состав чужаков и позволяли им занимать высокое место в социальной иерархии. Разумеется, важна была и грубая военная сила. Оглядываясь назад, можно сказать, что успехи Рима основывались на его умении приспособливаться. Так, жители завоеванных провинций со временем становятся полноправными римскими гражданами.

— *Иными словами, вы хотите сказать, что государственную власть укрепляют толерантность и мультикультурализм?*

Хизер: В идеологии Рима не было ничего расистского; для римлян не представляли проблемы ни кровь, ни происхождение человека, ни цвет его кожи. Самосознание имперского величия основывалось на культурных понятиях, выработанных греками, — на образовании («Одинаково близким для обеих эпох [греческой IV века до новой эры и римской времен Юлия Цезаря] было представление о том, что элиту отличает изысканное образование». — *Прим. ред.*), на рациональном мышлении, которое должно стать результатом полученного образования («Если смотреть на дело глазами римлян, то варвары совершенно не умели рационально мыслить». —

Прим. ред.), а также на эвдемонии — умении правильно и счастливо жить. Очевидно, это было, скорее, идеальным представлением, чем реальным порядком вещей, но, всё равно, в перспективе это, несомненно, способствовало интеграции.

— *А разве патриции и сенаторы не были своего рода закрытой кастой?*

Хизер: Конечно, были, причем эта каста просуществовала очень долго — особенно если сравнивать это время, например, со сроком жизни, отпущенным Британской империи. Даже в Позднем Риме лишь редким провинциальным аристократам удавалось стать сенаторами. Барьер пал только в IV веке. До этого считалось необычайной удачей быть всего лишь причисленным к римской провинциальной аристократии.

— *Римские провинции, очевидно, были довольно независимы в политическом отношении. Римляне не определяли, на каком языке следует говорить жителям провинции, не вмешивались в их хозяйство и другие дела.*

Хизер: Рим просто был не в состоянии строго контролировать повседневную жизнь провинций. У римлян ведь даже не имелось столь многочисленной бюрократии, которая могла бы собирать, учитывать и анализировать всю стекающуюся к ней информацию («В конце 249 года на всю Империю имелось всего 250 высших чиновников. К 400 году... их насчитывалось... шесть тысяч». — *Прим. ред.*). Налоговая система была основным орудием управления, невероятно эффективным орудием. Кроме того, в каждом городе, где устраивались рыночные торги, непременно был хотя бы один очень сведущий в своем деле учитель латыни. В принципе, это всё.

— *И этого было достаточно, чтобы римская цивилизация вошла в легенду?*

Хизер: Исследователи спорят сейчас даже о том, проводилась ли властями Империи политика романизации. Документы свидетельствуют, что в большинстве случаев представители провинциальной элиты сами, по своей воле, старались усвоить римские традиции. Я нахожу наибо-

Сбор налогов в Риме

лее уместным сравнивать провинциальную элиту Римской империи с коммунистическими партиями в бывшем Восточном блоке. Когда та или иная область античного мира оказывалась в сфере интересов Рима, она уже ничего не могла противопоставить ему, она была слабее и в военном, и в политическом, и в идеологическом отношении. Оставалось лишь принять правила игры: если вы хотите чего-либо достичь в жизни, вам надо служить Империи, желаете ли вы этого или нет.

— *Вот только Советский Союз вряд ли был светочем культуры. Его лидерство держалось, в первую очередь, на грубой силе.*

Хизер: Насколько нам известно, Римская держава была куда более воинственным государством, чем Советский Союз. Но у Рима не было равного ему по силе глобального противника, не было США, не было капиталистического мира, с которым надо было соревноваться, надо было готовиться дать ему отпор. В таких условиях Рим стал невероятно успешным однопартийным государством. Однако в подобном государстве

у человека зачастую нет по-настоящему свободного выбора.

— *И именно из-за того, что система отличалась невероятной стабильностью, ее крах был таким катастрофичным?*

Хизер: Всё зависит от того, под каким углом зрения вы смотрите на происходившие тогда события. С точки зрения «государственника», которого интересуют налоги, армия, центральная власть, катастрофа была страшнейшая. Некоторые римские провинции, например, Британия, пришли в полный упадок. Это касалось, прежде всего, тех регионов, где весь класс земельных собственников был ликвидирован (или, в лучшем случае, у них отобрали земельные владения). В других же провинциях, по меньшей мере, на протяжении еще одного поколения жизнь продолжалась своим чередом, следуя заведенному римлянами порядку.

— *С чего же всё началось? Может быть, с поражения римлян в Тевтобургском лесу в 9 году новой эры? До*

Битва в Тевтобургском лесу

этого римские легионы считались непобедимыми!

Хизер: Любое поражение можно объяснить человеческими ошибками. Так случилось и здесь. Всё верно, Рим потерял три легиона, но другие римские легионы всё так же методично продвигались на север от Альп. С точки зрения историка, та неудача была всего лишь единичным событием.

— Персы же, наоборот, оставались для римлян всегдашней угрозой. Рим просто не мог поглотить эту огромную соседнюю державу? Если да, то почему тогда они не заключили с персами союз, не объединились?

Хизер: Персы были другим полюсом магнита, второй сверхдержавой, великим, могущественным противником на протяжении веков. Во втором веке от Рождества Христова рим-

ляне продвинулись вглубь Месопотамии почти до того места, где располагается сегодня Багдад. Но им не удалось надолго удержать эту территорию, и, в конце концов, их успех обернулся даже против них самих, поскольку пришедшая к власти династия Сасанидов сплотила вокруг себя местную элиту, объединившуюся в борьбе против римского империализма. Чем старательнее римляне усваивали греческую культуру, тем большей неприязнью они проникались к персам. Персия стала для них «великим другим», антицивилизацией, где все были рабами и где по праву было всякое право. Рационализм римлян уподоблялся рационализму космоса — на земле просто не могло быть второй богоизбранной державы.

— Ну, рабы-то были ведь и в Риме тоже?

Хизер: Что касается персов, то всеобщее рабство — это, конечно, мета-

фора. В самом Риме рабы были разных категорий. Домашний раб, например, страдал гораздо меньше раба, занятого в сельском хозяйстве, а тот, в свою очередь, жил намного лучше раба, трудившегося на руднике.

— *Пусть так, но все-таки экономика Римской империи основывалась на рабском труде. Разве нет?*

Хизер: С уверенностью можно сказать, что нет.

— *Неужто? Вы хотите сказать, что Рим мог преспокойно обойтись без рабского труда?*

Хизер: Да. Число рабов было велико, но все-таки рабов было гораздо меньше, чем в Афинах в классический период, когда 60 процентов населения были рабами. Кроме того, рабы, занятые в сельском хозяйстве в Италии, являлись, скорее, мелкими крестьянами, платившими подати. Специалисты по истории экономики выяснили, что настоящих рабов, то есть рабов, изнывавших на плантациях, можно было встретить лишь на виноградниках, да и то, продолжалось это недолго. В Позднем Риме рабы были очень похожи на крепостных средневековой эпохи.

— *Рим не сумел завоевать не только Персию, его экспансия прекратилась и на северном направлении. Легионы, правда, продвинулись вглубь Германии, но, всё равно, граница была установлена южнее. Почему?*

Хизер: Страна была малолюдной, хозяйство велось самое примитивное, а потому ее завоевание не сулило Риму никаких богатств. Кому хотелось явиться в Рим триумфатором с парой реп в руках и с навозом в придачу? К тому же германские племена могли легко взбунтоваться — тем меньше желания у римлян было завоевывать их.

— *А германцы? Разве Империя не была для них притягательна?*

Хизер: Чем спокойнее была обстановка на границе, тем больше германцы торговали с римлянами. Легионам ведь требовалось продовольствие, нужны были строительные материалы, тонны материалов. С другой стороны, когда обстановка на грани-

це ухудшалась, римские войска хотя бы раз в десятилетие пересекали границу и выжигали в окрестности буквально всё. На такой «дипломатии» торговые отношения не выстроишь.

— *И все же германцы постепенно усваивали культуру римлян.*

Хизер: Разумеется. Что значит жить рядом с Римской империей? На одной чаше весов лежали шансы, на другой — риски. Конечно, тон почти во всем задавали римляне, германцам оставалось лишь подражать им. Но именно благодаря римлянам германское общество постепенно становилось всё сложнее, его хозяйство развивалось, германцы обретали силу.

— *Каким образом Империя осознала пределы своей экспансии?*

Хизер: Причиной, пожалуй, в том, что с какого-то момента было уже невозможно уследить за всем, что происходило в ее границах. Я думаю, императоры и так не слишком знали о большинстве регионов, которыми правили. Единственным инструментом контроля были налоговые регистры. Внести в эти списки тысячи новых населенных пунктов, это, пожалуй, было бы слишком много, за ним было не уследить.

— *Эпоха от Траяна до Марка Аврелия была относительно мирной. Это — чистая случайность?*

Хизер: Вы можете объяснить это структурологически. Империя завоевала всё, что было в пределах ее досягаемости. Должно пройти не менее ста лет, прежде чем сформируются силы, способные оказать ей сопротивление. К тому же на второй век своего существования однопартийное государство, несомненно, монолитнее, чем когда-либо. Всюду жизнь протекает по одному и тому же образцу.

— *В четырнадцать лет римлянин считался уже совершеннолетним. Рим был «молодежной империей»?*

Хизер: Если вспомнить, что в среднестатистической римской семье один из супругов не доживал даже до сорока лет, то да. Но были, разумеется, и обратные примеры. Так, первый ребенок занял императорский трон

лишь незадолго до падения Римской империи.

— *Очевидно, это связано еще и с тем, что в Позднем Риме императоров выдвигали обычно войска.*

Хизер: Конечно. Ребенок мог появиться на троне только тогда, когда сама фигура императора становилась уже символической, когда императору более не требовалось никакой харизмы. Такое происходит, лишь когда складывается развитый механизм управления страной, когда формируется разветвленная сеть бюрократии. Подобные условия сложились очень поздно, главным образом, во времена правления Диоклетиана.

— *В Позднем Риме многие цезари правили так недолго, что некоторых из них мы знаем лишь по именам. Не подрывала ли эта чехарда, наблюдавшаяся на вершине власти, легендарную римскую стабильность?*

Хизер: Для политической элиты это наверняка было источником постоянных тревог и забот. Но я сомневаюсь, чтобы рядовые жители провинций или чиновники низшего звена слишком беспокоились из-за этого. Для них важно было другое, что все государственные институты с приходом нового императора продолжали функционировать, как и прежде. Иное дело, когда сменилась

система управления Империей, когда при Диоклетиане появились одновременно четыре императора (Диоклетиан разделил власть между двумя старшими и двумя младшими императорами, установив режим тетрархии. Это устройство оправдывало себя, пока он был жив, однако после его смерти стало причиной гражданских войн, продолжавшихся почти 20 лет. — *Прим. ред.*), а затем Империя была разделена на две части. В Империи настоятельно требовалось разделение власти, это был прогресс, однако соправители зачастую не ладили друг с другом («*Вследствие огромных размеров империи, а также ее прежних достижений в деле романизации провинциальных элит позднеримские правящие режимы столкнулись с перманентным давлением со стороны местных группировок с их собственными интересами, причем все эти группировки тянули в разных направлениях. К IV веку оказалось, что верховную власть необходимо поделить между несколькими императорами, однако не существовало ни одного проверенного и надежного рецепта, чтобы сделать это достаточно эффективно; в этом смысле все политические режимы в империи являли собой пример импровизации.*» — *Прим. ред.*).

— *Когда на авансцену вышли христиане?*

Хизер: До Диоклетиана в аппарате управления можно было встретить христиан лишь в очень редких случаях. После того, как Константин принял эдикт о свободе вероисповедания, все быстро стали говорить о том, что теперь лучшие шансы сделать карьеру — это принять христианство. Это опять же показывает, какое давление на людей оказывает однопартийная система, как сильно она заставляет их приспособливаться.

— *Если перенестись в эпоху императора Константина, то тогда было во все не очевидным, что среди большого числа религий и верований, бытовавших среди жителей Империи, окончательно и бесповоротно утвердилось именно христианство. Что вы скажете об этой проблеме?*

Тетрархи Диоклетиан и Максимиан

Хизер: В пользу христианства более всего говорит его нетерпимость. Однопартийное государство и христианство словно созданы друг для друга. «Оримливание» христианства, — кстати, оно началось задолго до Константина, — и христианизация Рима шли рука об руку. Конечно, для этого требовалось время, в том числе потому, что римские христиане долго не обращали никакого внимания на крестьян. Лишь в VI веке церковные власти вообще задумались о том, как должна быть организована церковь в сельской округе. Впрочем, землевладельцы давно уже приняли христианскую веру, и с политической точки зрения это было гораздо важнее.

— В вашем обширном исследовании вы почти с самого начала заявляете, что — вопреки авторитетному выводу Эдварда Гиббона — вовсе не христианство стало причиной упадка и крушения Римской империи. Вы возлагаете вину на гуннов и, в первую очередь, на их оружие — лук. Красположенной посередине костяной планке крепились две деревянные части разной длины. Из этого асимметричного лука было очень удобно стрелять с коня, причем дальность стрельбы была невероятно велика. Как вы всё это выяснили? Вы уже опробовали модель подобного лука?

Хизер: Пока еще нет. Вообще говоря, сохранилось всего десять фрагментов гуннских луков. Я узнал об этом удивительном оружии благодаря одной археологической работе пятидесятых годов, но я, думаю, первым указал на значение асимметрии («Гуннский асимметричный 130-сантиметровый лук обладал куда большей убойной силой, нежели симметричный 80-сантиметровый лук скифов: в отличие от скифского при выстреле из него стрела пробивала доспехи противника и не мешала всаднику, который к тому же держался на безопасном расстоянии от врага». — Прим. ред.). Конечно, лук был лишь одним из факторов, которые обуславливали военную мощь гуннов. Она возросла еще больше потому, что гунны вынудили часть германцев, живших близ границ Им-

Смерть Атиллы

перии, объединиться с ними. Это не было добровольным единением. В то же время многие другие племена и народности, жившие вдоль границ, бежали, спасаясь от гуннов, на территорию Империи. Этим, в конце концов, объясняется тот факт, что власть гуннов оказалась такой недолгой. Гуннов следует сравнивать с арабами, последователями Мухаммада, — вот только у них не было религии. Поэтому ничто не могло долго удерживать вместе эти разрозненные группы людей, сведенные воедино, и по этой причине гунны не оставили сколь-либо заметного следа в культуре.

— Они лишь породили Великое переселение народов, что привело к возникновению германских государств на территории, принадлежавшей прежде Риму. Пожалуй, смертельный удар нанесло появление королевства вандалов в житнице Рима — Северной Африке?

Хизер: Не забывайте, всё было гораздо сложнее. Германские племена оттеснялись на римскую территорию, но при этом и сами гунны меня-

*«Сим победиши!»
Художник Джулио Ролано*

По легенде, в 312 году, перед победоносной битвой у Мульвийского моста христианский Бог пришел на помощь Константину, явив знамение креста в небе с надписью «Сим победиши».

лись, их жизнь менялась под влиянием богатства, отвоеванного ими у римлян.

— *Смерть Аттилы, заявляете вы, стала для Империи таким же страшным ударом, как и его жестокое правление. Почему?*

Хизер: Когда гунны покинули историческую сцену — или, лучше сказать, внезапно исчезли с нее, — у римлян не оказалось достаточно войск, чтобы подчинить себе все германские племена, находившиеся на землях Империи. Между 420 и 440 годами все народы, жившие на территории Империи, сплывал страх перед гуннами. После их исчезновения римляне стали всё быстрее утрачивать контроль над провинциями («Исчезновение враждебной сверхдержавы означало вовсе не конец всех бед, а очередное изменение политической ситуации, породившее целый ряд новых проблем. Перспектива грядущего столкновения двух империй исчезла только затем, чтобы на смену ей явилось множество сложных региональных конфликтов, в которые оказались глубоко вовлечены обе половины римского мира». — Прим. ред.). У центральной власти таяли финансовые средства, потому что германцы обосновались теперь там, откуда прежде притекали налоги.

— *К этому времени имперское величие Рима было уже, скорее, метафорой. Целые кварталы города пришли в запустение, да и императоры показывались там редко — им было чем заняться на полях сражений, от Британии до Антиохии. Тем не менее, само имя этого города было всё еще окружено каким-то удивительным ореолом. Почему?*

Хизер: Рим был чем-то особенным. Его правители казались существами, ниспосланными Богом. Сама идея императорской власти была такой могущественной, что пережила века.

— *Хотя Западная Римская империя погибла. Но почему же тогда Восточная Римская империя продержалась почти на тысячу лет дольше?*

Хизер: На самом деле, не продержалась, хотя греки, населявшие ее, лю-

били называть себя «ромеями», то есть римлянами. Это имело свою подоплеку: гибель Рима должна была повлечь за собой и гибель мира, в Константинополе в это верили куда более истово, чем в Риме. Но приглядимся внимательнее, и тогда мы увидим, что примерно около 710 года Восточная Римская империя исчезает, превращаясь в Византийскую империю. Может быть, дата и не совсем точна, но, в любом случае, это происходит после арабских завоеваний, когда под властью Константинополя остается лишь четверть принадлежавших ему прежде земель — земель, выплачивавших налоги. Разумеется, и после 710 года государство со столицей в Константинополе по-прежнему именуется «империей», но это уже нечто иное. Теперь это — региональная держава, поневоле ставшая сателлитом исламского мира.

— *А что стало с Римом? Могущество римских пап и вправду подитывалось, так сказать, «имперским трупом»?*

Хизер: Это — миф. В действительности, тут зияет провал длиной в пять столетий. Еще во времена Карла Великого, около 800 года, римский папа — это всего лишь епископ Рима, видный церковный чин в масштабах Центральной и Южной Италии. Разумеется, и тогда римские папы считали себя важными людьми, но ведь мир полон таких людей, не правда ли? Если же посмотреть, далеко ли простиралась их власть, можно убедиться, что в период между 476 и 800 годами западные христиане почти не обращали никакого внимания на римских пап. Поэтому мой вывод таков: в раннем Средневековье Рим существовал практически лишь в умах людей.

— *А мы, чего лишились бы мы, если бы Римской империи никогда не было?*

Хизер: Именно Рим сохранил для Европы и человечества греческую культуру. И без римского искусства геодезии, без римской системы правовых норм наш мир тоже был бы совершенно другим.

Материал подготовил А. Волков

То, что не успели сказать...

Каждый, кто хоть раз видел ее, запоминал надолго. Может быть, навсегда – особенно, если – в редакции, за работой, в работе. Крепкая, ладно скроенная, всегда хорошо одетая, подтянутая. С чудно причесанными роскошными серебристыми волосами, ярким румянцем, большими, насмешливыми глазами, она и внешне была видной, яркой, интересной. Но, когда начиналась работа, все внешнее отходило, отлетало. Главным оказывалось другое. Она становилась, вдруг, владелицей Тайного Знания. Потому что знала и чувствовала язык так, как никто из нас не знал и не чувствовал. Ты внезапно ощущал, что попадаешь в другое измерение, где свои законы и критерии, которыми она владеет, а ты – нет. Будь хоть семи пядей во лбу, но так талантливо языком владеть тебе не дано. И, почему здесь нужна пауза – отточие или абзац, или – почему слова должны идти в другом порядке, ты не знал. И почему предложение нужно разбить на два, а то и три куска, не знал тоже. Но текст, правленный ее рукой, рукой Корректора, становился явно лучше – эмоциональнее, точнее, выразительнее. Про ошибки уже не говорим. Во времена Наташи Малисовой не было в журнале ошибок! Как она их отыскивала, как находила после чтения автора и как минимум трех редакторов, понять невозможно. Только находила. И

радовалась находке – журнал будет безошибочный. Он и был таким. А это значит, никто не посмеется, не поерничает, не напишет в редакцию ругательного письма. Мы гордились этим. Наташа была одной из тех, кто держал планку журнала очень высоко.

И кто не позволял нам расслабляться и вольничать.

Какой она могла быть едкой и насмешливой, встречая явный ляп, несуразицу! Как могла высмеять автора, допустившего, с ее точки зрения, недопустимую ошибку! Да, тут уж лучше было не попадаться ей на язык! И дело было не только в ее высочайшем профессионализме, требовательности и особом чувстве языка – она любила журнал.

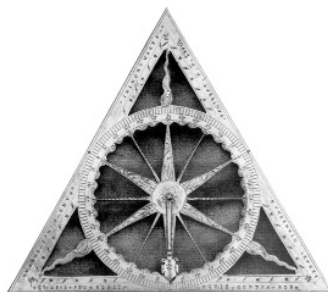
Это было и ее детище. Она вскармливала его своим умением и талантом почти сорок лет. Жила его заботами и проблемами. И даже, когда уехала, журнал оставался ее главным связным с родиной. Она читала каждый номер, обсуждала статьи и... ошибки. По их поводу особенно печалилась.

Сегодня журнал навсегда лишился ее требовательного, взыскующего, но и любящего взгляда.

Никто не смог заменить Наташу Малисову. Никто ее и не заменит...

Мы хотели сказать тебе это, Наташа!

Низкий наш поклон и глубокая благодарность!

Календарь «З-С»: октябрь

78 лет назад, 2 октября 1937 года ЦИК СССР принял постановление, увеличившее максимальные сроки лишения свободы за шпионаж, террор и диверсии с 10 до 25 лет.

43 года назад, 3 октября 1972 года вступил в силу выработанный с огромным трудом советско-американский договор об ограничении систем противоракетной обороны, более известный как Договор ПРО. Этот стержневой для всего комплекса соглашений о международной безопасности договор был подписан в Москве в мае 1972 года руководителями США и СССР Р. Никсоном и Л.И. Брежневым.

78 лет назад, 5 октября 1937 года в Амстердаме начался шахматный матч-реванш между чемпионом мира голландцем Максом Эйве и «белоэмигрантом» Александром Алёхиным, завоевавшим шахматную корону в 1927, но уступившим ее Эйве в 1935. После двух месяцев борьбы Алёхин вернул себе звание чемпиона мира, убедительно выиграв матч. Матч игрался на большинство побед из 30 партий. Алёхин досрочно набрал 15,5 очков.

93 года назад, 11 октября 1922 года Советское правительство приняло декрет о червонцах, ознаменовавший начало денежной реформы 1922–24 годов. Согласно этому декрету, Государственным банком были выпущены в обращение новые банковские билеты — червонцы, обеспеченные не ме-

нее чем на 25% драгоценными металлами и иностранной валютой и на остальные 75% легко реализуемыми товарами, и краткосрочными ценными бумагами.

363 года назад, 14 октября 1652 года царь Алексей Михайлович издал указ о выселении немцев из Москвы. Немцами в те времена на Руси называли всех иноземцев — немцев в современном понимании, голландцев, шведов, англичан, французов и так далее, в немалом числе селившихся в Москве со времен Ивана Грозного. Речь в указе шла главным образом об отъеме земельных участков и строений у иностранцев, в основном ремесленников, проживавших в Немецкой слободе — в районе современной Бауманской ул. (до 1918 г. — Немецкая ул.). Среди москвичей с давних пор укоренилось недоброжелательство к «поганым» немцам — уровень благосостояния которых был гораздо выше среднемосковского.

408 лет назад, 20 октября 1607 года завершилось двухлетнее крестьянское восстание под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Болотников был схвачен и весной 1608 года сослан в Каргополь, где его сначала ослепили, а затем утопили.

78 лет назад, 21 октября 1937 года в Москве, в своем кабинете в здании Государственного управления авиационной промышленности (ГУАП) был арестован крупнейший отечественный

авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев – как «руководитель вредительской русско-фашистской партии в авиапроме». Имя Туполева сразу же исчезло из авиационной лексики страны. Оказалось, что в СССР как бы и не было известных миллионам самолетов «АНТ» (Андрей Николаевич Туполев) – вместо них стали говорить о самолетах ЦАГИ-25, ЦАГИ-40 и так далее. (ЦАГИ – Центральный аэродинамический институт).

78 лет назад, 23 октября 1937 года фотокарточки владельцев стали обязательным атрибутом паспортов советских граждан.

13 лет назад, 23 октября 2002 года в Москве около половины десятого вечера с полсотни чеченских террористов, среди которых были женщины-смертницы, захватили здание Дома культуры Московского подшипникового завода на улице Мельникова (на Дубровке), в котором шел популярный мюзикл «Норд-Ост». Угрожая взрывом всего здания, который мог унести до 1000 человеческих жизней, террористы выдвинули заведомо невыполнимое требование немедленно вывода федеральных сил из Чечни. В проведенной ранним утром 26 октября операции с применением усыпляющего газа по освобождению заложников, были уничтожены все бандиты, но из-за газового отравления погибли также 128 человек из числа зрителей и участников спектакля.

128 лет назад, 25 октября 1887 года самый деятельный из городских голов Москвы за всю ее историю, купец Н.А. Алексеев (двоюродный брат великого К.С. Станиславского, настоящая фамилия которого была Алексеев) внес в Московскую городскую думу предложение о составлении инженерами городской управы соображений по устройству в Москве канализации. Централизованная московская канализация была торжественно введена в эксплуатацию в августе 1898 года, а до этого все домовладельцы первопрестольной использовали вы-

гребные ямы, и по всему городу царил зловоние. Алексеев до реализации проекта не дожид: весной 1893 года он был застрелен каким-то психопатом во время приема посетителей, который он вел в здании Московской городской думы (с 1936 г. – Центральный музей В.И. Ленина). В 1911 году московская канализация была удостоена золотой медали Брюссельской Международной выставки «За санитарное оснащение и содержание городских территорий».

708 лет назад, 13 октября 1307 года во Франции по распоряжению короля Филиппа IV Красивого были внезапно арестованы все члены ордена тамплиеров. Им предстояло в качестве «свидетелей» держать ответ перед инквизиционным трибуналом. Судебный процесс завершился в 1314 году конфискацией имущества ордена и сожжением его главного магистра Жака де Моле и главного командора Нормандии Жофруа де Шарне. Духовно-рыцарский орден тамплиеров (или рыцарей Храма, храмовников – от французского le temple – «храм») был основан в 1099 году в Иерусалиме вскоре после первого крестового похода – по Уставу, для защиты паломников в Святую землю и укрепления государства крестоносцев в Палестине. После разгрома крестоносцев в конце XIII века тамплиеры переместились в Европу, и орден стал быстро превращаться в некую неподвластную государству мафиозную организацию, занимающуюся коммерческой деятельностью. Погрязшие в пороках, но прикрывавшиеся папскими грамотами, рыцари ворочали огромными средствами, а Филиппу IV для его непрерывных войн «позарез» требовались деньги.

78 лет назад, 23 октября 1937 года фотокарточки владельцев стали обязательным атрибутом паспортов советских граждан.

*Календарь подготовил
Борис Явелов*

Таблетка от атомной бомбы

В США разрешили использовать препарат, который снимает побочные эффекты химиотерапии для... ликвидации последствий радиоактивного облучения во время ядерных катастроф.

Нейпоген (филграстим) – это синтетический белок. Когда при химиотерапии выработка лейкоцитов снижается, нейпоген ускоряет рост, созревание и выход белых кровяных телец из костного мозга. Теперь же нейпоген стал первым официально признанным препаратом для лечения аспектов острой лучевой болезни, связанных с кроветворением. Препарат снижает остроту поражения и ускоряет восстановление костного мозга, получившего большие дозы радиоактивного излучения.

Клинические испытания американские медики провели на животных, и запасы нейпогена уже включены в Стратегический национальный резерв США.

Кое-что о плоской жидкости

Исследователи из финского университета в Ювяскюля с помощью компьютерного моделирования изучили динамику частиц

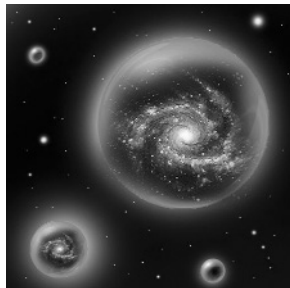
золота, помещенных в большие поры в графене.

Обнаружилась возможность существования фазы, в которой атомы металла ведут себя подобно частицам жидкости. При этом остальной графен остается твердым. «Жидкое состояние ограничено краями графена, сохраняющими устойчивость, и сосредоточено в порах, где образует металлическую мембрану», – сказал один из авторов работы. Золотая мембрана ведет себя подобно кипящей жидкости, а потому ее состояние неустойчиво.

Ранее ученые предполагали, что двумерные материалы (к которым относится модификация углерода графен) являются твердыми.

Они существуют!

Британские физики нашли признаки существования в космосе множества параллельных вселенных. Они представляют собой эдакие «пузырики», плавающие в огромном пространстве. Вселенные могут сталкиваться друг с другом.

Ученые убеждены, что следы таких столкновений можно заметить на картах реликтового излучения. Считается, что оно сохранилось с начальных этапов существования Все-

ленной и рассматривается как одно из главных подтверждений теории Большого взрыва.

На этих картах представлены результаты измерения спектра реликтового излучения. Пристально изучив пузырчатые образования, исследователи пришли к выводу, что это и есть «космические выбоины», оставшиеся после столкновения параллельных вселенных. По предположениям ученых, в далеком прошлом наша Вселенная пережила не менее четырех подобных столкновений.

Найдена гробница апостола

Во время раскопок в юго-западной турецкой области Денизли среди руин древней церкви обнаружена гробница одного из 12 учеников Христа. Устройство могилы и письма на ней свидетельствуют о том, что там похоронен именно святой апостол Филипп, который признан мучеником.

«Открытие могилы одного из двенадцати апостолов имеет колоссальное значение как для археологии, так и для всего христианского мира. Гробница, которая пока не вскрыта, скорее всего, станет важным пунктом паломничества христиан и центром религиозного туризма», – уверены археологи.

Последователь Иисуса Христа апостол Филипп проповедовал в Греции, Сирии и Фригии, пока не принял мученическую смерть в Иераполе. На этом месте была установлена восьмиугольная гробница, где и похоронили его останки.

В последние годы в нескольких крупнейших музеях мира появлялись картины, не являющиеся их собственностью. Кроме того, изображения не имели прямого отношения к живописи – тематика большинства работ представляла собой в первую очередь социальную ценность. Они были произведениями исключительно талантливого человека, уличного художника, который не оставил попытки войти в мир искусства с черного хода – а ведь именно так входит в историю большинство великих творений. Лишь некоторое время спустя посетители и сотрудники галерей понимали, что происходит. Автор по традиции остался не признан, но очевиден тот факт, что известности ему не занимать – это Бэнкси, умелец создавать экспозицию под открытым небом в любой точке земли. Марк Шиллер, специалист по современному искусству, так комментировал происходящее: «Все, кто связан с современным искусством, знают, какой конфликт существует между процветающим миром музеев и независимыми творцами. И дело вовсе не в недостаточности точек соприкосновения. Я думаю, многие люди, которые узнали о Бэнкси, тоже захотели стать художниками. Мы получаем электронные письма со всего мира. Люди видят, что он сделал, и открывают творца в себе». (Подробнее о Бэнкси – на с. 112.)

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru Ай
МОБИЛКО

ЛитРес www.litres.ru ЛитРес:
ОДИН КЛИК. ДО КНИГ

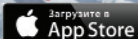
Руконт rucont.ru ПРЕССА
ПО ПОДПИСКЕ

Подписка на электронную версию:

Пресса.ру pressa.ru PRESSA.RU

Читайте мобильное приложение на

AppStore и GooglePlay

ISSN 0130-1640

9 770130 164002 >

Музеи –

не только
память
о прошлом.
А что ещё?

Узнаем
в ноябрьском
номере журнала.